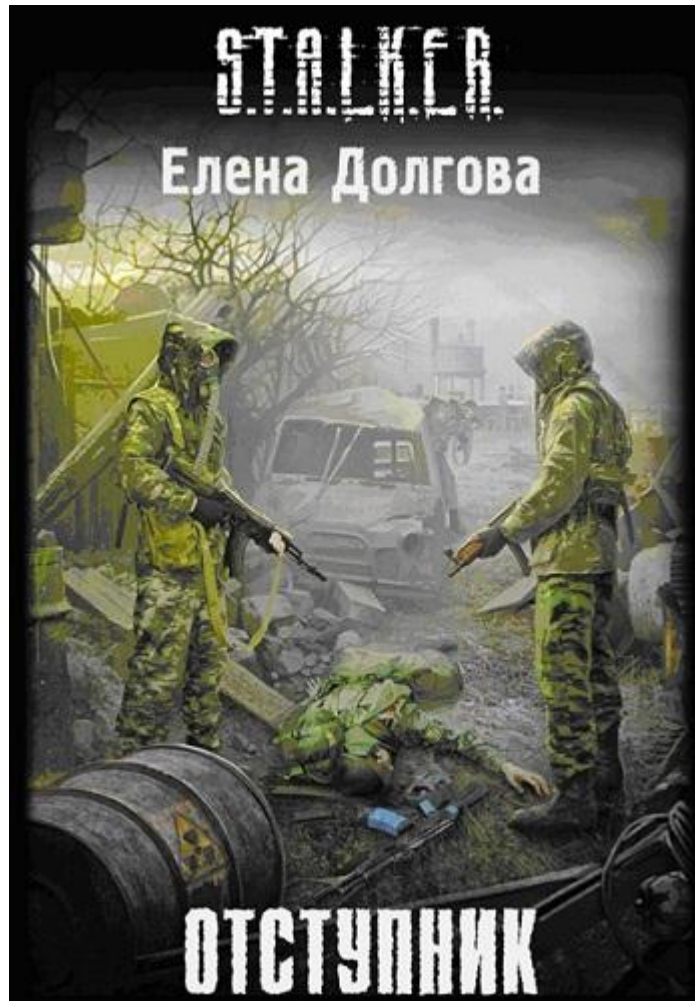

**Елена Долгова
Отступник**

S.T.A.L.K.E.R. – 63

Аннотация:

Зона легко преподносит сюрпризы. Некоторые сюрпризы могут стоить жизни. Стоит отвлечься, упустить единственную деталь, и сразу все переменится.

Один миг — и ты охотник или жертва, еще один — и ты попутчик или предатель.

Моро был простым сталкером, потом рядовым бойцом «Долга». Однажды он получает задание — перехватить курьера с редким артефактом, однако, курьер странным образом исчез, пройдя прямо сквозь аномалию, а сам Моро обвинен в измене организации. Чтобы доказать свою правоту, ему придется пересечь Зону, охваченную нашествием мутантов и войной кланов, попасть в легендарный заброшенный город, отыскать там единственного выжившего свидетеля, раскрыть тайну наемника Бархана...

Удастся ли это сделать, если ты сам пол прицелом убийцы?

Зона всегда рядом, она всегда следит. Не пропусти момент, который может все изменить...

**Елена Долгова
Отступник**

Пролог

Сентябрь 2011 года, Зона, база группировки «Долг».

— Давай, давай, топай, — сказал мне тогда Ремезов. — Шевели копытами, и вперед. Только без шуток, арестованный.

Я был без брони и оружия, шел и ждал, что он не вытерпит и выстрелит мне в спину, но Ремезов, если надо, умеет сдержаться, а генерал Крылов не одобрил бы расправы без приказа.

Так мы и двигались гуськом, хуже всего было то, что наши ребята, свободные от службы и не спавшие, столпились по сторонам и смотрели на меня молча, и не было в их взглядах ничего хорошего, потому что никто не посмотрит хорошо на предателя. Потом, уже без лишних свидетелей, я спустился в подвал базы по крутой лестнице. Ремезов держался очень аккуратно — не отставал, но и не слишком подгонял, наверняка ловил удовольствие от ситуации. Только на пороге клетки он ткнул мне в спину стволом АКМ, а потом с поспешностью защелкнул на двери висячий замок.

— Повезло тебе, Морокин, — сказал он напоследок. — Тут тебе ни мутанты, ни выбросы не страшны, ни война с отморозками. Будешь сидеть как в санатории, а сдохнешь от острого отравления свинцом.

Я понял намек и хотел в ответ послать, но потом решил не тратить на разговоры. Все было и так понятно, и с Ремезовым у нас существовали старые счета. Он тоже знал это и исчез — убрался, злорадно стуча ботинками по лестнице, а я остался один — вспоминать те несчастливые дни, которые загнали меня в этот подвал.

Глава 1. Охота

Несколькими сутками ранее, Темная долина и другие места.

...В начале сентября смеркается довольно рано. В тот вечер короткий дождь прошел перед самым закатом, потом тучи разошлись, и темные силуэты воронов медленно кружились на фоне блеклого неба. Где-то вдалеке, наверное, над самым Саркофагом, полыхало зарево неясного происхождения. Лаяли слепые псы, еще не очень побуревшая, совсем летняя трава шуршала под ботинками. Из временного убежища мы уходили впятером — Шурка, Лис, молчаливый парень по кличке Тихон, сержант Рудый и я. Тропа шла в гору, запустение и грязь окраин Свалки сменились хвойным редколесьем Темной долины.

— Держитесь возле валунов, — приглушенно буркнул Рудый. Он был самым опытным и пришел в «Долг» только чуть позднее генерала Крылова. — Если что, сверху отстреляемся.

Рудый был прав, однако стрельба по слепым псам могла нас демаскировать, поэтому оставалось только надеяться, что твари отправятся своей дорогой. Очевидно, они тоже осторожничали, потому что хриплое ворчание постепенно стихло в подступившей темноте. Псы искали одиночек, чтоб сожрать, а нам предстояла охота на людей — наиболее азартный вид охоты.

Свистел ветер в кронах сосен. Слева, метрах в ста, среди редких кустов Темной долины нехорошо посверкивало голубым. Там находилась аномалия «электра», о которой хорошо знали все — и «свободовцы» в первую очередь. Мы обогнули это место стороной и устроились в небольшой глинистой котловине, оставшейся тут еще со времен ремстройбазы. Сама база, окруженная по периметру бетонной стеной, торчала на горизонте. Ночь почти скрыла ее, но это не имело значения — к штабу «Свободы» мы соваться не собирались.

— Ждать здесь, — коротко приказал Рудый.

Я посмотрел на часы. Бледно-зеленые стрелки на фоне засечек показывали одиннадцать тридцать. Рудый ждал и возился с рацией, временами меняя частоту.

— Надеюсь, все помнят инструктаж, но для забывчивых повторю еще раз — последний. В полночь, если придет сигнал от нашего человека на той стороне, выдвигаемся к

хутору. Темнота — это хорошо, «свободовцы» нас заметят слишком поздно. К сожалению, мы их тоже не видим ни черта, так что перехватить сбежавших будет сложно. Поэтому атакуем с юга, податься на восток противнику помешает «электра», отступить к базе не дает обрыв. Атакуем, захватываем хутор, забираем ящик и уходим. Вопросы остались?

— Наш осведомитель будет на хуторе?

— Нет, он сейчас на ремстройбазе, слушает их закрытый канал. Так что выносим форпост полностью — всех, кто там будет, кладем на месте.

— Сколько их там?

— Сейчас пятеро, с ними будет гость — тот, который доставит ящик.

— Кто он?

— А вот это, Моро, был лишний вопрос. Для тебя — просто враг. Опасный и беспринципный. Если очень интересно, то наёмник.

Я промолчал. Самое интересное, что было в этой истории, — содержимое искомого ящика, но я не стал напирать на Рудого, в конце концов, Крылов зря людей на задание не пошлет, да и воевали мы со «Свободой» давно, жестко, без пощады и не за хабар, а за идею.

— Ничего так полыхнуло.

Северный горизонт опять блеснул фиолетовым и красным, там был несильный выброс, но он оставался далеким и неопасным. Часы теперь показывали полночь. Было заметно, как Тихон дергается будто новичок и как он неумело пытается это скрыть. Мне тоже было не по себе, и причин тому было три. Первая — само задание, которое, как ни крути, как ни вспоминай наши подпорченные отношения с бойцами Чехова,¹ все-таки было странным. Вторая причина — Инга, которой вдруг да окажется не все равно, сдохну я сегодня ночью или нет.

Ну а третья причина — Костя. Когда-то врач, когда-то сталкер, нынешний боевик «Свободы», брат Инги, псих, с которым два года назад мы чуть не убили друг друга в драке, одним словом, худшая разновидность неприятеля — бывший друг. Косте я бы врезал еще раз, но перспектива случайно застрелить его ночью на разрушенном хуторе как-то не радовала. Оставалось надеяться, что он сейчас далеко — спит в импровизированной казарме анархистов по ту сторону бетонного забора.

Слепые собаки опять завывали поблизости. Каким-то чутьем они угадывали, когда можно прийти, чтобы сожрать трупы.

— Все, выдвигаемся.

Рудый убрал рацию.

— Моро, Тихон, Лис — со стороны ограды. Ваша задача их отвлечь на время. Я и Шура — к стене с той стороны... Обойдем «электру» по краю.

Через пару минут тишину нарушили выстрелы. На наш с Лисом и Тихоном огонь засевающие на хуторе ответили почти сразу же, мне даже показалось, будто ждали. Стреляли, однако, с вражеской стороны экономно — одиночными. Судя по всему, противник от темноты не мучился и видел нас очень хорошо.

Даже чересчур хорошо. Тихон вдруг съежился, осел и замер, привалившись плечом к полуразбитой кирпичной кладке. В него попали мастерски — в шею на два пальца выше верхнего края бронежилета.

— Лис, погляди, что там с парнем.

Что с парнем неладно, я знал почти наверняка, но продолжал стрелять, потому что не мог позволить «свободовцам» прорваться, такой оборот событий лишал план Рудого всякого смысла. В этот самый неопределенный момент ни с того ни с сего со стороны едва видимой во тьме ремстройбазы донеслось хрипение старого громкоговорителя. Заезженная запись, сделанная голосом Чехова, огласила ночь хорошо знакомым призывом:

«Сталкер! Зона — это свобода. Вступая в нашу организацию, ты выбираешь свободу...»

Под эти слова я выстрелил в силуэт, замаячивший во дворе, и, кажется, попал.

«Здесь ты найдешь людей, готовых поделиться с тобой последним куском хлеба».

¹ Лидер «Свободы».

— И запасом забористой травы, — прокомментировал Лис.

По ту сторону двора притихли и больше не пытались лезть напролом.

«Тебе гарантированы надежные друзья и минимум сухого закона...» — продолжал громкоговоритель.

— Мать их. У нас товарища, кажется, убили, — хмуро сказал Лис.

— Последи за домом...

Я склонился над раненым Тихоном. Тот был жив, но бинты не помогали, кровь все шла и шла из порванной яремной вены, и она была везде — у него и у меня на комбезе, на скудной траве Темной долины, на осколках битого кирпича у нас под ботинками. За те короткие минуты, пока крутилась агитационная запись, а противники чего-то ждали, Тихон умер у меня на руках, а Рудый с Шурой наконец добрались до задней стены дома, обогнув «электру».

Об этом я узнал по взрыву гранаты, брошенной «свободовцам» в окно. После того, как рвануло, мы с Лисом добрались до дверного проема и на всякий случай выпустили внутрь по автоматной очереди.

Громкоговоритель вдалеке умолк, наверное, кончилась запись. Рудый прошелся по единственной комнате, переворачивая вверх лицами тех мертвецов, которые лежали ничком.

— Их всего трое, обычные наркоши с ремзавода. Курьера нет, ящика тоже нет. Курьер то ли ушел по краю «электры», то ли вообще здесь не появлялся. Прочешите двор, чердак, поищите, нет ли замаскированной ямы, тайника.

Мы искали, но ничего не нашли. Кто подстрелил Тихона, оставалось неясным, осведомитель, несмотря на попытки Рудого, на радиосвязь не вышел, люди Чехова могли устроить вылазку, надо было отступать из Темной долины, и мы это сделали, унося тело Тихона, завернутое в кусок брезента. На разгромленном хуторе за нашими спинами грызлись и рычали слепые псы, и это, по сути, оказалось единственным результатом ночной вылазки. В происшедшем, даже помимо провала, была какая-то дополнительная неправильность, но смысл ее ускользал — его вытесняла тяжелая, внезапно навалившаяся усталость. Я двигался вслед за Рудым, автоматически переставляя ноги.

Через Свалку, занятую бандитами Йоги, мы тогда возвращаться не стали, а отправились в обход вдоль северной границы Кордона, оттуда по грунтовой тропе, которая тянулась по самой кромке болот. Даже тропой ее трудно было назвать, так, более-менее ровная местность, по сторонам поросшая падубом. Очень скоро мы ее потеряли и просто ломились сквозь кусты. Разок-другой вдалеке замаячили мародеры, связываться с нами эти разрозненные группы в два-три человека избегали. «Долг» — не диггеры, много хабара не наберешь, зато получить пулю точно в лоб от такого человека, как Лис, очень даже можно.

Во время этого перехода нас и застал очередной выброс.

Предупреждение передали по рации Рудому. Кто это сделал — я не разобрал, но успели они вовремя. Однако получить предупреждение — это одно, а вот воспользоваться им — совсем другое. Стояла тьма хоть глаз выколи, под ботинками то хрустели изломанные ветки, то хлюпала вода, кусты загораживали обзор, к тому же мы не могли бросить Тихона просто где попало и не запомнив места, а поэтому едва успели добежать до полуразрушенного дома из когда-то красного, а теперь блекло-бурого кирпича. Кирпич этот по очереди точили Зона и непогода. В проломах старых стен он лежал грудками, внутри пахло плесенью и гнилым деревом, но это была защита, и попалась она как нельзя вовремя. Тряхнуло так, что мало не показалось. Мир утратил ясность очертаний и превратился в какой-то мутный кисель. Ходили ходуном земля и стены, хотя, наверное, это была иллюзия. Продолжалось это довольно долго, а потом Рудый разрешил привал еще на час. Он все сильнее мрачнел, опять возился с рацией, а для переговоров с Крыловым зачем-то ушел далеко в сторону. Без Рудого Шура свалился на более-менее сухое место и мгновенно уснул. Лис запалил костер, выбрав для этого комнату без потолка, и устроился возле огня. Он посвистывал и шевелил пальцами, будто перебирал струны несуществующей гитары, а потом задремал, вытянувшись на куче

досок. Я уже собирался последовать примеру Лиса, когда услышал едва различимый звук чужих шагов.

Чужак появился ниоткуда и очень тихо. Он подошел, заранее убрав ствол, молча сел возле костра и протянул к нему ладони. В сентябре под утро не холодно, но парень явно мерз, возможно, попал в радиоактивное пятно и схватил дозу. Это был совсем зеленый пацан, как мне тогда показалось, всего лет семнадцати, в дешевом комбезе, с тощим рюкзакишкой за спиной, с платком, намотанным на шею. Кожу худого запястья «украшала» татуировка в виде черепа, сквозь глазницы которого проросла роза. Такие ребята выживают в Зоне не более нескольких недель, видел я их много раз. По мягкому, почти девичьему лицу сталкера бродили пятна света и тени. Чуть позднее я понял, что это и есть девушка — чумакая, молчаливая, сильно осунувшаяся и потому некрасивая от усталости. Ей было нечего делать в этом чертовом месте, я так и хотел ей сказать, но почему-то не смог. Она посидела у нашего костра около получаса, грея пальцы, но, как только я попытался заговорить, молча исчезла в темноте.

...Шура, проснувшись через полчаса и услышав эту историю, донимал меня шутками. Рудый же, который уже вернулся, напротив, помрачнел еще больше.

— Ты к ней, случайно, не лез?

— Нет.

— И на том спасибо. Татуировка в виде черепа с розой на запястье?

— Да.

— «Черная невеста». Странно, что ты ее историю раньше не слышал. Обитал тут один ученый еще в девяностые, работал на правительство, говорят, ковырялся в еще не остывшем Саркофаге, ну и доковырялся — получил лучевую болезнь последней степени... А баба та замуж за него собиралась...

— Ей двадцать лет только-только, может, она его дочь, а не вдова?

— Слушай, Моро, ты меня не понял? Мертвая она. Мертвая давно, так что пока Зона стоит, так она и будет ходить двадцатилетней.

— Тоже в Саркофаге ковырялась?

— Видела много лишнего, знала много лишнего. Ну и повесилась после.

Я вспомнил платок на шее ночной гостьи и не то чтобы поверил сержанту, но настроение у меня испортилось, хотя оно и так было не фонтан.

— Эта «невеста» издали чувствует, когда несут «холодный груз», и приходит проводить, — добавил Рудый под конец. — Ничего хорошего нам, ребята, это не обещает, но хуже всего, если ты до нее дотронулся, хотя бы мимоходом.

— Да я ей даже в глаза не заглядывал. А если бы прикоснулся, тогда что?

Рудый пожал плечами и сплюнул под ноги.

— Давай прикалывайся и дальше. Вот если наврал, сам потом все узнаешь.

Скептически настроенный Шура заржал.

...На нашу базу в бывшем НИИ «Агропром» мы добрались только поздним утром, вымотавшиеся и мокрые от внезапно налетевшего ливня. Тихона следовало похоронить, но тело забрал для вскрытия хирург Волобуенко, я же стащил с себя тяжелую броню и, воспользовавшись законными часами отдыха, провалялся на койке до самого вечера. На душе было мутно и тоскливо. Задание мы провалили, Рудый сейчас находился у Крылова. Осведомитель нас слил, ящик, что бы в нем ни было, исчез. Это была не моя вина, однако смерть Тихона и никчемная ликвидация трех наркош на заброшенном хуторе имели ко мне самое прямое отношение как к участнику событий.

Вечером я почистил оружие, а потом отправился в бар и пил там до середины ночи, слушая монотонную болтовню Колобка. Крупный, давно не бритый парень, забредший в гости сталкер из группы Ореста, устроился неподалеку. Звали его странно — Мургол. Этот Мургол пил, не пьянея, и его приятель, тоже сталкер-нейтрал, но явно из необстрелянных, слушал его рассказы с повышенным интересом.

— В армии убитых называют «груз двести», еще иногда говорят «приехал в цинке», но тут тебе не армия, пацан. Поэтому, если человека сгубила аномалия, говорят, что он, значит, «паленый» или «жареный». Если военные на кордоне грохнули — «оформленный» или «стандартный». «Гашеный» — значит напоролся на бандитов, на «свободовцев» — «освобожденный» и никак иначе, с нейтралами неудачно поссорился — «оприходованный».

— А если его «Долг» пристрелил?

— Тогда «должник», — с невозмутимой уверенностью ответил Мургол.

— Да ну вас, трепачей, — обиделся прислушавшийся к разговору бармен Колобок. — Мне с тобой, Мургол, ссориться неохота, однако сам знаешь — мы тут не жмуриков копим, а боремся с Зоной, которая сама по себе зло.

— Зло?

— Зло. От нее мутанты и аномалии...

— А бандиты?

— Бандиты сюда сползли тоже из-за нее. Жадность всему причиной.

— А до появления Зоны жадности не было? — хмыкнул Мургол.

— Была, ничего тут не возразишь. Но только ты «Долг» не тронь, брат. Тут правильные мужики, хорошие. Я сам из бывших военных. Если бы не люди Крылова, давно бы сдох, это они меня спасли, нога вся искромсанная была...

— Ну-ну... — примирительно пожал плечами Мургол.

Я слушал их вполуха. Опынение уже начало сказываться, пора было спать, Лис подошел и присел рядом, плеснул в свой стакан водки.

— Слушай, Моро, тебя Крылов зовет, — тихо сказал он. — Иди прямо сейчас.

— Ночью, что ли?

— Да, ночью.

— Ты уже был у него?

— Был. Давай вперед, и еще...

— Что?

— Ты там держись поосторожнее.

Такое начало, честно скажем, не предвещало ничего хорошего. Крылов всегда был мужик правильный и в правильности своей при случае жестокий. Хотя, конечно, не дурак, но тех, кто мешал борьбе с Зоной, за никчемных идиотов он держал совершенно точно. Взгляды Крылова на этот счет я, конечно, разделял, но одно дело — взгляды разделять, а другое дело — искать иголку в стоге сена, которой и был потерявшийся неизвестно где курьер-наемник «Свободы».

— Удачи, — буркнул мне вслед Лис.

Генерал ждал у себя наверху, в кабинете. Несмотря на поздний час, он так и не снял экзоскелет, койка казарменного образца стояла аккуратно заправленной, скорее всего Крылов не спал уже сутки, если не двое. Ремезов, помощник Крылова, и наш сержант Рудый устроились у стены, возле ящиков с патронами и пустых стеллажей. Эту аскетическую обстановку странно нарушал большой ковер, не иначе как завалявшийся в «Агропроме» с советских времен и едва не до дыр протертый ботинками.

— Здравия желаю.

— Давай присаживайся и ты, Серега, — буркнул генерал. — У нас тут серьезный разговор. Вижу, что устал, пил, что ли? Ладно, не в этом дело.

Я присел на раздолбанный стул.

— Для начала докладывай — что было и как, в подробностях. На Рудого не оглядывайся, меня твое мнение интересует.

— Да подробностей-то особых и нет. Добрались до Темной долины оговоренным заранее маршрутом, ждали сигнала информатора до полуночи, в полночь пришел сигнал, атаковали форпост противника, здание захватили, в бою потеряли Тихона, искомый объект не обнаружили, информатор на связь больше не выходил.

— Это все?

— Все.

Крылов заметно помрачнел.

— Да нет, Сережа, не все. Для начала скажу тебе, что наш информатор теперь, похоже, «освобожден» радикально, то есть ликвидировали его «свободовцы» за измену. Откуда знаю, не спрашивай, но сомнений в этом нет. А теперь сам прикинь — о цели операции знали шестеро. Я сам, Ремезов, Рудый, Тихон, Шура, Лис и ты. Я и Ремезов были при штабе, Тихону вечная память, остаешься ты, Шура и Лис. Вот мне и интересно, кто из вас крыса.

В наступившей тишине я услышал, как тикают на моем запястье часы. Это был подарок Инги, сделанный еще до того, как мы поссорились, именно их стрелки я рассматривал той ночью, за полчаса до неудачной атаки.

— Ну так кто? — устало и даже не злобно повторил Крылов.

— Никто.

— Никто... Ладно, ну а как тогда все это объяснить?

— Не знаю. Случайность.

— Случайностей, Сережа, в нашем деле не бывает. Есть только факты и закономерности. А теперь посмотрим на факты, которые тут подобрались. У Рудого, Шуры и Лиса мотивов нас слить «Свободе» никаких. На игле они не сидят, денег особых им Чехов и так, и так не даст, родственников у них нет, к сердцевине Зоны за артефактами они никогда и не лезли. Так?

— Так. Но я, товарищ генерал, на игле тоже не сижу.

— На игле не сидишь, а вот мотив точно имеешь.

Теперь я больше не слышал тиканья часов, сердце колотилось как после забега по Зоне в полном снаряжении с парой-тройкой трофейных автоматов.

— Это вы про Костю?

— Про него. У тебя шурин на той стороне.

— Я...

— Спокойно, Сережа, я знаю, что ты этого никогда не скрывал. Вы с ним дорогами давно разошлись, всяко бывает. Сын за отца не отвечает, а уж боец за брата жены — тем более. Если бы только в этом было дело, я бы разбирательство прекратил, тебя отпустил спать, сам бы выпил водки и перестал бы ломать голову, пусть не навсегда, так до утра хотя бы.

— Ну, так и сделайте.

— Не могу.

— Почему?

— Видели тебя в неподобающем месте в неподобающее время, слоняющегося без приказа, экипированного не по форме две недели назад, между Свалкой и Темной долиной, в компании черт-те кого.

— Меня там не было.

— А вот это, Сережа, ты врешь. Если бы на тебя Ремезов показал, я бы ходу подозрениям не дал. Знаю, вы друг друга не любите. Только вот видели тебя нейтральные сталкеры из группы Ореста. Ты же на их появление среагировал тем, что в сторону вильнул и дал деру, и твой дружок с тобою вместе.

— Не было такого никогда.

— Хватит!

Лицо Крылова начало краснеть, наливаясь кровью, я только сейчас понял до конца, насколько он в ярости.

— На вот, смотри! — Что-то стукнуло о крышку стола под самым моим носом.

— Пуля, которую Волобуенко вынул из тела Тихона, — добавил Крылов, отдышавшись. — Ни к одному типу оружия не подходит. Кто бы ни стрелял ею, а с хутора он ушел живым. И был то не твой Костя, а человек на порядок опаснее. То есть из-за слабости своей и никчемных соплей ты, Морокин, просрал задание, невыполнение которого нам дорого обойдется в борьбе против Зоны. Вот этой пулей, которой убили Тихона, я бы с

удовольствием сам тебя пристрелил, если бы мог. Предатель хренов. Сколько ребят из-за таких, как ты, полегло...

Я молчал, не зная, что сказать. Наверное, я при этом выглядел как затравленный псевдопес. С лица Ремезова, во всяком случае, не сползала ехидная ухмылка. Кое-где в углах истертого генеральского ковра еще можно было разглядеть остатки веселеньких цветов, так вот — Крылов ходил взад-вперед, топча их подкованными ботинками, и даже пару раз неловко и растерянно запнулся об угол этого ковра, чего с ним на моей памяти никогда не случалось.

— Знаешь, в чем-то я тебя понимаю, Сережа, — внезапно добавил он. — Жалость, мать ее. Они на твоей жалости сыграли. Раньше ты парнем был правильным, бойцом умелым, этого не отрицаю. Поэтому давай поступим иначе. Ты мне сейчас рассказываешь все прямо и начистоту. Кто тебя завербовал, как выглядел, где встречались, про что говорили, все до последней детали. Взамен даю слово чести, что мы тебя не расстреляем. Доведем до границы Кордона с большой землей, и вали после этого к матери поиметой. В общем, я сам прослежу, чтобы тебя не убили, по крайней мере здесь и сейчас.

Я знал, что он не лжет. В эти минуты я полностью ему верил, и честность мотивов Крылова никогда не вызывала у меня сомнений. Исходя из здравого смысла и логики вещей, надо было раскалываться, но я этого сделать не мог. По одной простой причине.

Мне не в чем было сознаваться.

Я не встречался с чужаками ни на Свалке, ни в Темной долине.

Я никогда не был крысой.

И информацию «Свободе» я тоже никогда не передавал.

— Молчишь... — хмуро и устало, уже без всякой злобы добавил Крылов. — Ну ладно... Ремезов, обыщи его и заberi оружие, если осталось, потом закрой героя в клетку. А тебе, Моро, даю времени до утра. Сейчас мы тебя к показаниям принуждать не будем. Но если утром не заговоришь, сам понимаешь, выбора у нас нет...

Так я и оказался там, где находился и сейчас, — в клетке в подвале бывшего НИИ «Агропром», под замком, в изоляции и со скорой перспективой еще больших неприятностей.

Глава 2. Побег

Сентябрь 2011 года, бывший НИИ «Агропром» и другие места.

— Моро, проснись. Ужин свой заberi.

Я хоть и сильно нервничал, но не заметил, как уснул. Лис стоял по другую сторону решетки. Он был хмурый и настороженный, рыжеватые волосы, мокрые от испарины, прилипли к вискам. До утра оставалось совсем немного, мои часы показывали три часа пополудни.

— Что-то опоздал ты с ужином.

Я забрал кружку, уже вскрытую консервную банку, мягкую пластиковую ложку и нарезанный крупными кусами батон. Лис не спросил, виновен я или нет, наверное, не испытывал по такому поводу никаких сомнений.

— Может, принесешь мой коммуникатор?

— Зачем?

— Ну, сыграю в тетрис, скоротаю время.

— Ты бы поменьше прикалывался, Моро, не имел бы столько неприятелей. Твой коммуникатор, кстати, у Крылова, он над ним лично размышляет, так что перетопчешься.

— Ладно, понял.

Я заставлял себя есть, но вкуса еды не чувствовал. Если не врать себе и не храбриться попусту, мне было страшно, даже очень.

— Давай до дна зачищай, это тебе пригодится, — снова посоветовал Лис.

— Вообще-то не уверен, что пригодится.

— Значит, не будешь сознаваться?

— Нет.

Он кивнул и провел пальцами по мокрому лбу, оставляя на нем серые следы. Такой мандраж для Лиса был ой как не характерен.

— Ну, если наелся, то начнем. Слушай меня внимательно, повторять не буду. И в ответ не ори, а говори шепотом, там, на крыльце часовой. В общем, когда ты смоешься отсюда...

— Головой ударился?

— Пока нет, но скоро это произойдет. Что ты не крыса, я знаю, откуда знаю — сказать не могу. Сейчас я подойду к решетке, чтобы забрать посуду. Ты меня ударишь, лучше всего ребром ладони ниже уха. Бей как следует, не понарошку. Когда отключусь, возьмешь ключ у меня в нагрудном кармане. Заберешь нож, аптечку, рацию, фонарик и детектор. Жаль, что ствола нет, заставили сдать, однако оно и к лучшему. У тебя не будет выбора — стрелять в своих или не стрелять. За броней в казармы не суйся, уходи в чем есть. Ты парень ловкий, так что мимо патрулей и мутантов пробьешься.

— Куда уходить? На Большую землю? Меня и там достанут.

— Я тебе не зря рацию отдаю. Настройку не меняй, есть один человек, который сам с тобой свяжется. Этот человек расскажет все, что нужно, и поможет.

— Погоди, Лис... Скажи честно, это «Свобода»?

— Нет! Не беспокойся, черт, я на «Свободу» не работаю.

— А на кого?

— На «Долг», Моро, на «Долг», но только не как ты, а по-другому.

...Он больше ничего не стал рассказывать, а я не стал требовать объяснений, а сделал так, как он просил. Оглушенный Лис свалился, прислонившись к решетке поцарапанной щекой. Выбравшись, я перевернул его и положил аккуратно, так, чтобы мой товарищ не задохнулся, снял с него куртку и надел на себя, после собрал вещи и рассовал их по карманам. Сверху тянуло сквозняком с привкусом дыма. В другой половине подвала, за перегородкой из сетки, замерли пыльные чучела мутантов с глазами из стекла. С улицы, из бара Колобка по соседству, доносились голоса. Я опустил капюшон куртки пониже и пошел вверх по лестнице, караульный у входа чуть посторонился, пропуская.

— Что-то ты там долго был. Серега раскололся?

Я только отрицательно мотнул головой. Парня звали Миша Привалов, был он близорук, а линзы потерял накануне, задев слабенький «трамплин». От руководства свою утрату Привалов пока что скрывал, резонно опасаясь отправки на Большую землю, именно поэтому он и меня не узнал, приняв за Лиса в его куртке...

— Не ожидал я такого от Моро... Даже подумать не мог. Странно как-то все это. Ладно, пока, удачи, Лис.

...На этот раз я тоже молча кивнул и тут же поторопился убраться. Стояли предутренние часы, которые искажают восприятие, но на повторное везение рассчитывать не приходилось. Следующий пост находился у ворот, еще несколько блокпостов — вдоль южной дороги. Куда бы я ни пошел — на Свалку, через подземную дыру на болота или попробовал бы рвануть к Янтарю, — меня перехватили бы после стычки у ворот, просто связавшись с тамошними ребятами по рации. Но это в теории. На деле я бы и дальше ворот не прорвался.

Поэтому я и пытаться не стал, а свернул в другую сторону, в узкий проход между гаражей, а потом к вышке. Небо чуть посветлело, на его фоне было заметно, что караульного наверху нет. Я поднялся по шаткой винтовой лестнице, но не до конца, а до площадки второго яруса, с нее перешагнул на верхний край бетонной ограды, а потом спрыгнул по внешнюю сторону западного периметра, выбрав место поровнее, без камней и кустов.

Через некоторое время стало понятно, откуда в предутренней прохладе взялся привкус дыма и горелой органики.

Среди камней и травы незнакомый мне парень, скорее всего сталкер-новичок, жарил на костре плоть. Плоть, в сущности, та же свинья, только злая, крепкая и агрессивная. Иногда радиоактивная к тому же, но этот любитель поесть скорее всего проверил ее детектором и счел дозу пустяковой. Он как раз собирался срезать себе кусок жаркого, когда внезапно появился я.

Представляю, как это выглядело — смутный силуэт вываливается из тумана и сумерек, парень немного струхнул, но быстро успокоился, сообразив, что перед ним человек, а не зомби.

— Свой?

— Свой.

— Мяса хочешь?

— Не хочу, сыт.

— Ну ты, блин, даешь, от такой закуски отказался. Кстати, не шастал бы ты без брони. И на север не удаляйся, там полчаса назад стреливали.

— Я ненадолго погулять.

— Напорешься на снарка, «долго» тебе и не понадобится.

К несчастью, он был прав, но оглушенного Лиса могли обнаружить очень скоро, и начавшаяся за мной погоня оказалась бы опаснее любого снарка. Я сначала пошел, потом побежал на север, ориентируясь по блеклой полосе у восточного горизонта. Пискнув, ожила рация.

— Моро, ты меня слышишь? Прием!

Голос сразу показался знакомым.

— Моро на связи.

— Я Полозов. Перемещайся в обход дороги, через пустоши. Базу Ореста обойди с севера, помни, если что — там тебя будут искать. Двигайся в сторону Янтаря, но на сам Янтарь не ходи, свернешь от холмов к востоку и перейдешь на Свалку в районе железнодорожной насыпи. Патрули, если встретишь, обегай стороной. Буду ждать тебя на границе территорий с комплектом снаряги, сам в эфир не выходи и меня не вызывай, а то засекут. И еще... слушай частоту «Долга», может, пригодится.

— Погоди!

— Отбой, отбой. Скоро и так все узнаешь.

Вот так, коротко и ясно. Полозова я знал давно и не так уж плохо. Был он сталкер-нейтрал, мужик до крайности спокойный, конкретный и немногословный. «Свободовцев» не любил и ставил чуть повыше бандитов, иногда появлялся в группировке Ореста, но особой дружбы ни с кем не водил, в глубь Зоны уходил в одиночку и надолго, артефакты приносил, но самые обыкновенные, крутостью в отличие от прочих не хвастался и держался в основном ровно.

Полозову я в общем-то доверял, оставалось только до него добраться.

Дорога, которая огибала базу Ореста, оказалась пустой, но я на всякий случай свернул влево, забирая ближе к северу, и в темноте выскочил прямо на аномалию. Гравитационное поле здесь причудливо искажило почву, покрыв ее искривленными выростами жутковатого вида. «Велес», детектор Лиса, запищал будто бешеный, а я едва успел остановиться и не влететь в «загребущие руки». «Велес» показывал артефакт, и я задержался на минуту, чтобы его поднять штуку странной формы, которую называют «вывертом». Раньше мне такие никогда не попадались. Если не считать этого предмета и самой аномалии, в остальном поляна выглядела обыденной и даже отчасти обжитой, хотя теперь уже заброшенной. Мелкий хлам, навесы из жердей и брезента, несколько раскрытых и брошенных ящиков... Выброс, создавший «руки», захватил обосновавшихся здесь сталкеров врасплох, убил их или заставил уйти. Чуть севернее виднелась бревенчатая хибара, темная, пустая, подгнившая, она зияла выбитыми проемами окон, за ней стлался болотный туман. Небо уже сильно посветлело, на базе «Долга» меня наверняка хватились, с востока доносились звуки стрельбы. Сразу за хибарой нехорошо поблескивал сильно заросший пруд, который походил

на небольшое болото. Хибара была радиоактивной, пруд тоже «светился», в этой чертовой жиже мокли проржавевшие трубы, забытые тут еще с советских времен, а на берегу торчал сломанный микроавтобус со скелетом внутри, такой же ржавый, как весь остальной хлам. Скелет, кстати, тоже был будто ржавый и весь дочиста обобраный мародерами. Предутренний ветер свистел в камышах, этот размеренный свист нагонял тоску. Стрельба на севере прекратилась.

Конечно, соваться на такой гиблый участок, тем более без комбеза, не стоило. Я уже собирался обойти болото по восточному краю, когда ожившая рация прохрипела что-то вроде «внимание, всем постам». Погоня за мной уже началась, и счет теперь пошел на минуты. В создавшейся ситуации присутствовала глубокая и черная ирония — ребята могли в меня стрелять и, главное, после моего «нападения» на Лиса очень этого хотели, я же не собирался в них стрелять, кроме того, не имея ствола, еще и не мог. Приходилось бежать, причем туда, где искать не будут.

На краю болота «Велес» застучал так, что пощелкивания слились в один сплошной звук наподобие скрежета. «Выверт» в кармане куртки, конечно, снижал воздействие излучения, без него я бы, наверное, сдох. Но и с ним я едва не сдох. Вода доходила до колен. Камыш тут был отборный, крупный и совершенно сухой. Как он умудрился и вырасти, и засохнуть одновременно, не знаю, но эта мертвая трава хрустела будто старые кости. В довершение воняло падалью и гнилью.

То ли из-за радиации, то ли от усталости, но меня уже подташнивало. Дорогу то и дело перегораживали сегменты старого коллектора, приходилось перелезать через них. В конце концов я встал на такую трубу и пошел по ней, чтобы меньше барахтаться в радиоактивной воде, заодно надеясь, что прикрытый высоким берегом, не буду торчать на фоне совсем уже светлого неба. Рация бормотала, кричала, отдавала приказы и материлась на разные голоса, кажется, доносились даже реплики Колобка и Мургола. Они все пустились в погоню, до того я достал своим побегом наших ребят. Дальний берег терялся где-то в тошнотной зеленоватой дымке. Надо было выбирать — уже не важно, куда, как и кому навстречу. Через минуту я потерял равновесие и скатился прямо в воду, попытался встать — не получилось. Где-то, на этот раз совсем близко, снова стреляли, но мне было все равно, я уже ничего не видел, то ли шел на четвереньках, то ли полз и, наверное, захлебнулся бы вскоре, упав ничком в грязь, но под руки попало более-менее сухое место. «Велес» тут стучал гораздо реже, можно было присесть и почистить залепленные грязью глазницы.

Первым предметом, который я увидел, когда разлепил веки, оказался труп. Парню только что прострелили лоб, он лежал, обратив широко раскрытые серые глаза к совсем уже светлому, но все равно пасмурному небу. Судя по нашивке на рукаве, был это сталкер-одиночка, кто знает, как его сюда занесло. Тело даже не обобрали. «Чейзер»² парня был заряжен и стоял на предохранителе, так что непонятно по какой причине, но своему убийце он даже не сопротивлялся. Я обшарил рюкзак и карманы мертвеца, забрал аптечку и антирад, тут же закатил себе максимально допустимую дозу лекарства, но много легче от этого не сделалось. Со стороны высокого берега кто-то медленно и бестолково ломился сквозь кусты орешника. Он выглядел как обычный сталкер-бродяга, в комбинезоне «Заря», с пистолетом во вскинутой руке, это сходство, видимо, и обмануло моего теперь уже убитого предшественника.

Бродяга в «Заре» человеком, в сущности, не был. Если быть совсем точным, едва ли он мог считаться и полностью живым. Это был зомби — ходячий полутруп, который брел и бубнил себе что-то под нос. Я, присев на корточки, подпустил его поближе, а потом выстрелом из «Чейзера» снес мутанту половину башки. Он упал и принялся корчиться, опираясь на пятки и затылок. Тело изгибаюсь дугой, но, как ни странно, существо продолжало жить и даже бормотать обрывки путаных фраз. Пришлось перезарядить «Чейзер» и еще раз выстрелить в упор. После того, как по комбинезону расплзлось темное пятно, зомби буркнул что-то вроде «умираю» и больше не дергался. При монстре нашелся

² Чейзер-13 американского производства.

бинокль, граната, непочатая бутылка водки «Казак» (надо думать, совершенно ему не интересная) и запасная обойма к пистолету Макарова.

В бинокль, тем более с высокого берега, на который я выбрался, база отряда Ореста просматривалась как на ладони. Пришлось на всякий случай убраться от дороги, в сторону глинистых холмов. Местность поросла тут елями и тополями вперемешку, а кое-где — молодыми, но уже крепкими дубами. Деревья не составляли настоящего леса, но все же давали кое-какую защиту. Тошнило поменьше, бежать я все еще не мог, хотя шел уже не запинаясь. Судя по переговорам на частоте «Долга», ребята обогнули радиоактивное болото с юга и теперь перли прямо за мной, надеясь прижать к блокпосту на северо-востоке. Они наверняка знали, что я их слушаю, но без радиосвязи обойтись не могли, да и поменять частоту не успели. Возможно, это меня и спасло.

Дыру в земле я заметил случайно, и то, когда едва не запнулся об нее. Внешне она походила на нору, откуда взялась — не знаю, может быть, ее вырыла слепая собака для своих щенков. Внутри было пусто и чисто — ни шерсти, ни падали, ни следов на песке. Я втиснулся в это узкое отверстие и забился так далеко, как только мог, еще дальше во влажную, осыпавшуюся песком темноту. Глубже мешала продвинуться чрезмерная теснота прохода. Разговоры и шаги преследователей теперь были слышны даже без рации. Люди из группы Ремезова прошли очень близко — так близко, что мне почудился запах оружейной смазки, резины и кожи.

— Зря ищем, он на Янтарь отвалил, — буркнул кто-то, и это был, как мне показалось, Шура.

— Не на Янтарь, а к северо-восточному блокпосту и дальше на Свалку, а через нее в Темную долину к дружкам, торопится, больше податься некуда, — тут же отозвался их командир.

— На блокпосту его и повяжут.

— Может быть, но Морокин всегда был сволочь верткая.

Я молчал, и нет слов, как мне было паршиво, а песок понемногу сыпался мне за шиворот, вдобавок на руке обнаружился химический ожог. Они все не уходили, видимо, искали меня в бинокль. Потом раздался щелчок, это Ремезов открыл банку энергетического напитка. Пустая жестянка покатилась, отброшенная пинком, и очутилась всего в полуметре от входа в ту дыру, в которой я прятался.

— Ладно, потопали, а то, если к ночи его не возьмем, придется искать по всему «Агропрому».

— Может, он сам вернется?

— Вернется, чтобы смирно так к стенке встать? Ну это черта с два.

В конце концов они все же убрались. На северный блокпост соваться я и не собирался, однако следовало убедиться, что погоня поверила в мой уход на Янтарь. Поэтому я так и отсиживался в норе почти весь день — до тех пор, пока не стемнело, сумел даже немного поспать. Сон мне снился мутный и сумбурный. Большой энергетический пузырь завис в полуметре над грудой бетонных развалин. Этот пузырь радужно переливался и обещал немыслимое счастье, но в счастье почему-то не верилось. Худой незнакомый парень сидел неподалеку от пузыря, ссутулившись и облокотившись на согнутые колени. Потом он обернулся, и я с удивлением узнал собственное лицо. Парень с моим лицом ухмыльнулся и подмигнул. После этого сон смешался, превратившись в обычный кошмар, и я очнулся от ноющей боли в обожженной руке.

Сожженное запястье я обработал. Над Зоной стояла глухая ночь, но небо оставалось ясным, багровый расплывшийся круг луны болтался над вершинами дубов и над ажурными столпами ЛЭП. Железнодорожное полотно с навечно застывшими на нем разбитыми товарными вагонами пролегло, разрезая холмы, и в конце своего прямого как выстрел пути уходило в тоннель под дамбой.

Под дамбой никогда не было нашего блокпоста. Собственно, и прохода под нею никогда не было, на карте там значилась стоянка бандитов, которых мы время от времени

гоняли зачистками, но никогда не могли отводить до конца. Тоннель еще год назад был настоящим аппендиксом, который мог легко стать ловушкой для своих обитателей, случись «Долгу» их удачно обложить снаружи.

Но с тех пор, по слухам, кое-что изменилось. Черная куртка Лиса делала меня почти незаметным в темноте. Из раздолбанного товарняка доносились пьяные голоса, судя по возгласам, там резались в карты на интерес. Кто-то под нескладное гитарное бряканье тянул песню на популярную бандитскую тему о том, как «Натаха мента замочила», и о «ее пацанчике, закрытом ни за что». Я не стал ввязываться в сомнительный бой со шпаной, просто прошел мимо, старясь не шуметь, и добрался до завала, который, как считалось, уже несколько лет перегораживал тоннель под дамбой. Там оказалось то, что и следовало ожидать, — свежая сквозная дыра в сторону Свалки, расчищенная, будто рудничная выработка, и даже подпертая шпалами, снятыми с железнодорожного полотна. Этим проходом я и воспользовался, навсегда, как мне тогда казалось, покидая НИИ «Агропром».

Глава 3. Черная зона

Территория Свалки, спустя двое суток.

Зона меняет человека. Она сильно его меняет, иногда несколько раз, все время в другую сторону, не сказать, чтобы в лучшую, и никто не знает, что получится в итоге.

Через двое суток после удачного побега от группы Ремезова я сидел в баре бандитского лагеря. Этот лагерь их главарь Йога обустроил в старом депо, в баре же заправлял тип с массивной челюстью и характерной кличкой Боров. Часть собранных во время бегства трофеев я продал Борову и другим, на еду пока хватало.

Следует также упомянуть, что Полозов на связь в ночь побега так и не вышел. Уже очутившись на Свалке, я долго и бесполезно повторял свои позывные на его радиочастоте. История начинала походить на дикую шутку вроде тех, которые иногда подстраивает Зона. Черная кожаная куртка Лиса до сих пор была на мне. Нашивки «Долга» я спорол и в текущем своем состоянии походил на нейтрально настроенного наемника средней руки, заложившего или в хлам испортившего комбез. Рассказанная в баре история приблизительно укладывалась в этот образ. Лицо мое обитатели Свалки до сих пор видели только по другую сторону прицела и сквозь защитную маску тяжелой брони ПСЗ-9д, а сквозь нее хрен что-нибудь разберешь.

С точки зрения бандита просто Зоны не бывает, ему мрачная эстетика паранормального, научные тонкости или, скажем, пропорции свободы и ответственности, как и прочие интеллигентские заморочки, глубоко пофиг. Для бандюка Зона — возможность пожить подальше от закона, весело и загребая хабар. С точки зрения уголовного элемента любая зона по определению или красная (ментовская), или черная (воровская), во втором случае она ему как дом родной, так что на Свалке группировка Йоги свои порядки устанавливала жестко.

Впрочем, я задерживаться в депо собирался ровно до тех пор, пока не появятся более-менее внятные новости о судьбе Полозова, они и появились, причем гораздо раньше, чем можно было ожидать.

— Слушай сюда, брателло, — орал в пространство бара бандит Мишка Жгут. — Иду я, значит, по Зоне, вижу, они сидят. Ну, подхожу. Волюну, само собой, держу наготове, мало ли... Ну так вот, сидят эти суки кружком, вокруг костра, спинами к валунам, вроде пьют и закусывают, а сами все до одного мертвые. И у каждого в самой середине лба аккуратная такая дырка. Кто-то их шлепнул по беспределу и даже хабар не взял. Ну я и решил место прибрать, ни к чему добру зря валяться...

Боров понимающе кивнул и тут же отвернулся, протирая очередной стакан. Делая это, он не выпускал зажатой в зубах дымящейся сигареты.

— А дальше дело было так, — сообщил Жгут всем желающим. — Один из них вдруг оказался живой. Смотрю — а я его знаю. И не дырка у него была на башке, а грязь, этот козел в меня и пальнул и только на полпальца промазал. Ну и я в него пальнул раз, второй, а тут, понимаешь, осечка, пока перезаряжал, козел и смылся...

— Так он целый ушел?

— Нет, раненный. Я пониже жилета стрелял, так что прямо в живот. Думаю, он теперь уже точно «гашеный», а кликуха у него...

— Так вы раньше были знакомы, что ли?

— В том-то и дело, что этот лох еще раньше мне задолжал. Кликуха у гашеного была то ли Змей, то ли Удав.

— Не знаю такого.

— Не, не Удав... Полоз, вот. Змеиная такая кликуха...

Жгут продолжал ржать и перетирать незначительные подробности, а я уже понял, что пора убраться прочь. Если Полозов выжил, он тоже наверняка перебрался подальше — на кордон к Валерьяну, а то и вовсе на Большую землю, где и врачи получше, и грязи поменьше. Однако скорее всего Полозов был давно уже мертв, убит ради смеха каким-нибудь Васькой Ломом или Пашкой Черепком. Я расплатился с Боровом и отправился на выход, понимая, что только что лишился возможности отыскать потенциального друга или хотя бы союзника. Идти было некуда и надеяться больше не на кого. Полозов пусть довольно формально, но принадлежал к клану Ореста. Правила «Долга», собирайся я им следовать до сих пор, обязывали меня вернуться или связаться по рации с генералом Крыловым.

Однако сделать этого я не мог.

Во-первых, разговор об обстоятельствах гибели Полозова неизбежно выдал бы роль Лиса в моем побеге.

Во-вторых, Ремезов не стал бы ждать, чем переговоры кончатся, а тут же вклеил бы мне пулю «за сопротивление аресту, усугубленное предательством». Давать ему эту банальную возможность я, понятно, не собирался, и все-таки...

Все-таки, наверное, стоило попытаться, но я не стал. Исчезновение Полозова сильно меня зацепило. Хотелось посидеть одному и подумать в спокойном месте, там, где не мелькают каждую минуту рожи шестерок Йоги. Подходящее место нашлось за пределами старого депо. Тут было грязновато и пахло ржавчиной, но зато тихо. Я сел на перевернутый пустой ящик и попытался сложить для себя хотя бы одну правдоподобную версию событий последних дней.

Об операции в Темной долине, кроме самого Крылова, знали Ремезов, Тихон, Шура, я и Лис. Тихон мертв и теперь вне подозрений. Лис, конечно, мог оказаться «кротом», но тогда ему спасать меня и подставлять себя вовсе ни к чему, разве что совесть заела, но в существование обостренной совести в Зоне почему-то верилось плохо. Так что Лис, на мой взгляд, был вне подозрений, и тогда кандидатами в «кроты» оставались только Ремезов и Шура. Ремезов мой старый неприятель и сволочь, но, если быть честным, у «свободовцев» ему искать было нечего. Шура парень мутный, без ярко выраженных свойств характера, так что выбирать между ними, все равно что болт в небо кидать.

Оставалось самому явиться в Темную долину и (если меня там не пристрелят сразу же) поставить перед Костей вопрос ребром, добиться ответа, но, прежде чем сделать это, я решил осмотреть место нападения на Полозова, чем и занялся в часы, которые оставались до темноты.

...Я отыскал это место, воспользовавшись описанием словоохотливого Жгута. На истоптанном пятачке жухлой травы валялись вещи, на которые не польстились мародеры, и некоторое количество гильз. Три трупа до сих пор находились там, собаки не успели их растащить, хотя одного пса я вспугнул, когда он, подойдя поближе, обнюхивал скрюченные пальцы убитого.

Судя по одежде и мелким предметам в карманах, на которые не польстились мародеры, расстреляны были сталкеры с Кордона. КПК не сохранились ни у кого, однако чуть в

стороне я поднял рацию с севшим аккумулятором, настроенную на секретную частоту Лиса. После этого я получше осмотрел загаженную поляну. Она была слегка радиоактивной, но не сильно. Гильзы принадлежали в основном патронам для АКМ, но и не только. Кое в чем Жгут наврал, однако в любом случае всем ребятам очень метко и вовсе не с близкого расстояния попали в голову. Двое умерли уже в движении, пытаясь отстреливаться, это было заметно по расположению тел.

Больше искать было нечего, оставалось уходить в сторону Темной долины. Я обогнул стороной свалку старых автомобилей за колючей проволокой. Вечерело, небо темнело, набираясь дождем. Где-то далеко уже гроыхало. Листья, сбитые ветром с кособоких вязов, крутились в воздухе, не касаясь земли, но причиной был не ветер, а почти незаметная аномалия «трамплин», которой раньше тут не было, и я аккуратно обошел опасное место по краю. «Велес» Лиса артефактов не показал, их наверняка уже прибрали, и неудивительно — место было людное. Холм, состоявший наполовину из технического хлама, наполовину из утрамбованной и поросшей травой земли, закрывал горизонт с северной стороны. Местами на склоне виднелись следы свежих раскопов. У восточного подножия холма, за штабелем труб, кто-то грелся возле костра, клуб жидкого дыма расползлся по сторонам, смешавшись в низине с вечерним туманом. Оттуда доносились ругань и смех. Я выбрал западную дорогу. Изломанные металлические конструкции, наполовину засыпанные землей, торчали во все стороны, как огромные кости сдохшего чудовища. «Велес» слегка попискивал, предупреждая о радиации, но «выверт», который я теперь постоянно носил с собой, вполне справлялся с той дозой, которую могла подарить мне Свалка. Темнело, впрочем, очень быстро, и двигаться приходилось, ориентируясь по контурам деревьев, черной громаде холма и алой полосе заката возле западного края неба. Если смотреть вверх, а не под ноги (где все равно ничего не видно), можно довольно эффективно ходить и в темноте и не тратить заряд фонаря. Это я понял давно, поэтому так и шел, местами продираясь сквозь кусты, местами огибая груды покореженного бетона. Песок и мусор хрустели под ботинками, один раз в самой гуще кустов я все же споткнулся, как оказалось — о труп какого-то бедняги, лежавший ничком, в обнимку с кочкой и в луже смешанной с кровью дождевой воды.

Трупы на Свалке не редкость, но я все же остановился и посветил фонариком. Убитый при жизни носил дешевый и не эффективный против стрелкового оружия комбинезон «Заря», гулял в нем ровно до тех пор, пока не поймал пулю под левую лопатку. Вещей при нем не оказалось, не было даже рации и еды. Когда перевернул тело лицом вверх, веки покойника задрожали и приподнялись, открывая помутневшие серые глаза. Он застонал и рефлекторно сжал мои пальцы.

— Э-э-э... — невнятно прохрипел он.

Человек с простреленным сердцем жить не может. Это в теории. Во всяком случае, не может пролежать ничком на мокрой земле несколько часов подряд без медикаментов и помощи, а потом оставаться живым, но этот парень до сих пор дышал и двигался. В теории он мог легко оказаться зомби-подранком или еще кем-то еще похуже. Я же сидел рядом с ним на земле без брони, а парень что-то пробормотал, зомби часто бормочут невпопад. Кроме того, из-за замедленного метаболизма убить их совсем не просто, а патронов для «Чейзера» у меня оставалось мало. Зомби был бледный, довольно щуплый, очень коротко стриженный явно зеленый пацан. Я почти собирался на всякий случай перерезать ему горло, но то, что говорил этот живой мертвец, внезапно сложилось в осмысленные слова.

«Помоги мне».

Зомби о помощи не просят. У них вообще нет личности, страха смерти, получается, нет тоже. Парень был жив и оказался обычным сталкером, только невероятно везучим. Для перевязки я расстегнул на нем комбинезон и только тогда понял, что сердце у раненого бьется не слева, а справа. *Situs inversus*, такие рождаются один раз на десять тысяч, но к Зоне это отношения не имеет, и парень был зомби не в большей степени, чем я сам.

— Жив, брат?

— Да. Зацепило только, — пробормотал он и закашлялся.

— Пуля внутри?

— Не внутри, прошла насквозь.

Я перевязал ему рану и потратил остаток аптечки, снятой с тела сталкера на «Агропроме».

— Лучше?

— Да.

— До депо тебя дотащу, а дальше уж сам. Отлежишься, найдешь наемника, он проводит за Кордон, а там на Большую землю.

— Не могу.

— Куда не можешь? К себе домой, в Мухосранск? Ну это ты брось. Лучше жить в Мухосранске, чем умереть на Свалке.

Странно, но полумертвый парнишка криво улыбнулся, хотя смеяться ему было не из-за чего, да, наверное, и больно.

— Мне в депо нельзя, — пробормотал он очень тихо. Пришлось наклониться, чтобы разобрать его сбивчивый шепот. — Я из концлагеря сбежал.

— Что?

— Там, на свалке автомобилей, концлагерь для тех, кто задолжал Йоге процент с хабара.

— Давно сбежал?

— Еще утром. Они стреляли, я упал. Потом полз. Они следом не пошли, решили, что сдох.

— Сколько вас там?

— Двадцать пацанов осталось. Пятеро умерли за эту неделю. Одного придавило на раскопах. И раньше умирали... уже не помню когда. Славка отказывался лезть в раскоп, так эти суки его насмерть забили.

— Давно там?

— С весны.

Я не знал, что ему сказать, расхожие слова утешения «земля погибшим пухом» звучали бы надуманными и пустыми. Если быть полностью честным, наша взаимная разборка со «Свободой» в конечном счете шла на руку бандитам Йоги. Не будь этих так нравившихся Ремезову стычек, которые в последнее время начинали перерастать в полномасштабную войну, мы могли бы выбить уголовников со Свалки и прикрыть их концлагерь навсегда. Однако открытая война на три фронта (а третьим оставались мутанты, число которых все росло) была не под силу даже дисциплинированным и отлично экипированным людям Крылова. К этим людям я и сам принадлежал до недавних пор.

— Полежи пока, мне осмотреться нужно. И тихо лежи, не кричи, не бойся, я про тебя не забуду. Зовут-то как?

— Лунатик.

— А меня Моро. Все будет хорошо, брат. Говорят, лунатики живучие.

...Он почему-то не спросил, кто я и откуда, видимо, было ему уже все равно. Я же оставил парня на время и, стараясь в темноте не скатиться вниз, вскарабкался на самую высокую точку ближнего холма. Если смотреть оттуда, ночью Свалка кажется черным пространством, местами утыканным пятнами разведенных костров, кое-где — свечением аномальных пятен. Я постарался запомнить расположение каждого лагеря, чтобы при дальнейшем перемещении обходить их подальше. Лично я шестеркам Йоги сильно примелькался и в одиночку интересен не был, но Лунатика они сразу «загасили» бы как должника и беглого. Бросать его (по совести) не следовало, но и постоянно таскать за собой — тоже не следовало (по уму). Оставалось доставить парня туда, где ему помогут или по крайности не убьют...

— Эй, Лунатик!

Он, возможно, уже не дышат, потому что молчал. Пришлось еще раз искать с фонарем по кустам, оказалось, раненый был жив, и зрачки хорошо реагировали на свет, хотя выглядел он слабым и заторможенным.

— Ты чего не откликнулся?

— Так ты же не велел...

Он был прав в своей недоверчивости, хоть и заставил меня подергаться.

— Ладно, хорошо, что ты такой понятливый.

— Куда пойдем?

— К дядьке Яру.

— Далеко.

— Ничего, помаленьку.

Парень об этом не знал, но нам все равно было по пути, дядька Яр работал техником на базе Чехова и, на мой взгляд, оставался единственным вменяемым человеком в тамошней команде. Однако интерес представляла встреча вовсе не с Яром, а с Костей, моим прежним другом и бывшим врачом. Впрочем, как говорят, бывших врачей не существует.

Лунатика я поначалу нес на спине, потом тащил на куске брезента, подобранного среди мусора. Хотя парень и выглядел истощенным, весил все же немало, так что передвигались мы с черепашей скоростью и до рассвета не успели скрыться со Свалки. Утро застало нас в какой-то дыре между растрескавшимися бетонными плитами. Рана Лунатика больше не кровоточила, хотя пульс у него был слабый, а руки — холодные. Ночью стимуляторы из аптечки спасли Лунатику жизнь, но без антибиотиков и хирурга он бы наверняка долго не протянул. Пока раненый дремал и постанывал во сне, я крутил рацию, слушая известные мне частоты. Картина получалась интересная. На частоте «Долга» в основном свистели помехи, но один раз я засек почти перекрытые ими и едва различимые позывные самого Крылова. Бандиты переговаривались в эфире, матерно упоминая сбежавших диггеров. Частота «одиночек» оказалась занята сумбурными сообщениями сразу нескольких сталкерских групп, а «свободовцы» этим утром непонятно почему соблюдали радиомолчание.

Вариантов у нас самих оставалось немного: или устроить дневку и передохнуть прямо тут, рискуя оказаться обнаруженными очередным патрулем Йоги, или выдвигаться в сторону Темной долины и, бесспорно, рисковать при этом тем же самым. Зона медлительных и слабых не любит. Если долго сидишь на одном месте, обязательно дождешься выброса. Последний выброс случился как раз позапрошлой ночью, в случае скорого его повторения шансов выжить на открытом месте у нас не оставалось.

— Привет, Моро.

Лунатик очнулся. Я тут же воспользовался этим и перетащил парня на брезент.

— Давай, я сам пойду, — попросил он.

— Не глупи. Тебя и на десять метров не хватит.

Зачем я тогда рисковал, его вытаскивая, наверное, трудно сказать. Помогать кому-то с риском для жизни, когда ты сам в дерьме по уши, в общем и целом глупо. Но я ввязался в это дело по тем же причинам, по каким людей берут на «слабо». Кто мне был этот Лунатик? Никто. Ни брат, ни друг и даже не знакомый. В сущности, на него мне было наплевать, просто, вылетев из «Долга», я пытался доказать себе и всему миру, что это несправедливо, и продолжать жить так, будто в «Долге» оставался. Но только не стоял за мною больше самый влиятельный клан Зоны, и не имел я на борьбу с нею и ее порядками ни сил, ни времени, ни, в сущности, даже причин.

Подтверждение этому обнаружилось очень скоро.

Прямо в нашу сторону двигались люди.

Было их не менее десятка. В бинокль они смотрелись как очень серьезные боевики из ближнего круга Йоги, а с такими шутки плохи. Будь у меня вместо дробовика винтовка, а вместо полумертвого Лунатика в товарищах хотя бы Лис, шансы перестрелять их, не

допуская ближнего боя, выглядели бы очень неплохо. Однако чего нет, того нет. В этот момент я понял очень ясно, что, по всей вероятности, умру в ближайшие полчаса.

Глава 4. Противодействие

Сентябрь 2011 года, Зона, территория Свалки.

...Мешало бандитам то, что они пытались взять нас живыми. Лунатика для медленной и мучительной показательной расправы в «концлагере», а меня, видимо, для развлечения и за компанию. Поэтому издали люди Йоги стреляли не больше, чем нужно, чтобы заставить противника поменьше высовываться. Я и не высовывался до поры, так как у «Чейзера» оставалось всего три патрона, а вместо этого, используя как укрытие разбросанный вокруг бетонный хлам, попытался обойти людей Йоги с фланга. Лунатик мне помог тем, что оставался на месте и шумел, изображая неясно какую деятельность, в основном стучал по бетону обрезком арматуры. Кричать он не мог, да и не надо было. Бандиты рассредоточились, чтобы нас окружить, поэтому на одного из них я вышел очень удачно и убрал не тратя патронов — ножом, после чего удача, собственно, и кончилась.

Трофейным стволом оказалась «Гадюка», очередью из нее я заставил противников пригнуться, патронов могло хватить на короткий бой, но собирать их на земле уже не оставалось времени, так как при первой же заминке оставшиеся на ногах братки все разом бросились на меня. В их действиях присутствовало нечто отчаянно самоотверженное и нетипичное для бандитов. Но это я понял потом, а под пулями ни о чем таком не думал и до того, как кончились патроны в магазине «Гадюки», успел еще кого-то подстрелить.

После этого мне задело руку повыше локтя. Кость уцелела, поэтому получилось поднять дробовик, потратить остаток патронов и уложить самого проворного из бандитов, но на этом удача совсем уже закончилась, потому что они подобрались вплотную, и началась рукопашная драка, которую даже боем не назовешь.

Убивать до смерти им запретили, причем сделал это кто-то, кого эти ребята боялись крепко. Мне же валить их не запрещал никто, а за жизнь я в эти минуты уже не цеплялся, поэтому разборка получилась упорной и жесткой, хотя и короткой.

Отчасти они мешали друг другу, но потом сбили меня с ног и принялись пинать в свое удовольствие. Я крутился, стараясь уклониться, а потом понял, что не чувствую больше ничего.

Удары, которые по мне попадали, я воспринимал как нечто отстраненное. Зато лицом при этом лежал на земле и вот ее видел очень ясно — почти мертвую, убитую радиацией и аномалиями землю Зоны, политую кровью бесчисленных перестрелок, редкую жесткую траву, всю в пыли, крошево бетона и снова свежие гильзы на ней.

А потом меня ударили по голове, и больше не было ничего.

Когда я очнулся, то лежал на той же самой траве, а надо мной сидел Лунатик. Он выглядел уже значительно лучше и вовсе не собирался умирать, напротив, трогал меня и тряс, и эти его попытки моего оживления болью отдавались в ушибленной голове.

— Моро! Моро!

То, что он говорил, доносилось словно из-за толстого слоя сгустившегося воздуха, а возле самых моих глаз опять была земля Зоны — бурая, мертвая, с крошками бетона, вдавленными в нее чужим сапогом.

— Вы... а... у...

В голове звенело, я не понимал, что он пытается сказать, и, к своему удивлению, заметил, что по серому от грязи и потери крови лицу Лунатика текут настоящие слезы. Я такого не видел уже несколько лет. Он показывал мне зачем-то рацию, тянул за рукав и пытался заставить подняться, я поднялся в конце концов, с трудом удержался на ногах, но то, что застилало слух, словно бы отвалилось, мне стало понятно, что он пытается сказать.

«Выброс. Через две минуты».

На размышления не оставалось времени, мы бросились туда, куда еще можно было успеть, — к штабелю секций бетонного коллектора, и забились как можно глубже, в этот самый момент и тряхнуло.

Я лежал ближе к отверстию и устало смотрел на розовый вихрь, крутившийся снаружи. Точнее, это я видел вихрь, что это на самом деле, толком не знает никто.

В голове и на душе было пусто. Впрочем, я по крайней мере осознал причины своего чересчур удачного выживания.

— Да, они решили, что ты умер, — как будто угадав мои мысли, прошептал Лунатик. — Я из кустов все видел.

— И ушли?

— Труп с собой не потащили. И своих тоже на месте бросили. Выброса испугались.

— Тебя не тронули?

— Не успели поймать, я же с прежнего места отполз.

— Что-то еще произошло?

— Они говорили между собой. Хотели тебе отрезать... ну, руку или голову, в доказательство, что...

Я понял, что так сильно его испугало.

— Ладно, не кисни. Ничего не отрезали, не успели, значит.

— Они тебя сфотографировали на КПК.

— Тоже неплохо. Иногда трупом считаться полезно. Хотя, если тут почва «фонит», не снимок у них получится, а говно. Ты кого-то из них опознал?

Лунатик помотал головой.

— В «концлагере» или просто на Свалке были такие? — настаивал я.

— Нет.

Продолжать разговор не имело смысла, но некоторые подробности мне сильно не понравились. Из этих деталей следовало, что команда «ликвидаторов» ловила не самого Лунатика, а скорее всего именно меня. Кто их послал, оставалось загадкой. Крылов мог дать проверенному наемнику контракт на мою ликвидацию, но не стал бы связываться со шпаной. Ремезов мог бы, наверное, сделать такое из ненависти, но едва ли успел.

Я продолжал смотреть на мутную, отвратительно колеблющуюся мглу, то серую, то розовую, меня трясло, Лунатика трясло, казалось, штабель бетонных конструкций ходит ходуном, хотя, наверное, это тоже была иллюзия.

Когда выброс закончился, хлынул сильный и чистый проливной сентябрьский дождь. Пока мы приходили в себя и выбирались наружу, он уже смыл с травы кровь. Стреляные гильзы тонули в глинистой грязи. Я собрал брошенное оружие. Тащить Лунатика больше не было сил, но, как ни странно, он уже мог идти самостоятельно, хотя и еле-еле. До блокпоста на границе Темной долины было совсем недалеко, и в сложившейся ситуации прятаться от людей Чехова не было никакого резона.

— Эй, чувак, волюну брось! — заорал мне сердитый боевик «Свободы». — На землю ее. И вторую тоже. Клади-клади, не жадничай. А теперь туда же нож.

Он так и стоял вместе с другими, взяв нас на прицел, за баррикадой из уложенных друг на друга старых автомобильных покрышек. На парне был очень хороший усиленный комбинезон «Страж» с нашивкой в виде зеленого волка, но защитные очки оказались зачем-то сдвинуты на лоб. Загорелое веснушчатое лицо выглядело немного знакомым, он тоже покосился с подозрением и добавил:

— Что-то мне твой фэйс не катит. Виделись раньше?

— Мне мой фэйс тоже совсем не катит, — ответил я, намекая на синяки, и он коротко рассмеялся, показывая, что понимает шутку.

— К кому идете?

— К Яру.

— В одиночку дальше не пустим, дадим тебе провожатого. И еще... волены твои у меня пока останутся. Если все будет нормально, заберешь их потом на базе. Ну а если не нормально, то они тебе все равно не нужны.

— Надо же, какие строгости завелись...

— Не понял? У нас особое положение. Это сейчас. А так-то вообще-то свобода.

Лунатик в пререканиях участия не принимал, по его поникшему виду заметно было, насколько сильно он измотан. Идти до ремстройбазы оставалось еще прилично и в основном в гору. Чернявый и беззаботный «свободовец», отправленный нас провожать, часто останавливался и ждал, но не погонял и не торопил, а только посвистывал да временами проверял свой КПК.

Темная долина красивое место, не скажешь даже, почему ее так называли. Ее пологие холмы поросли травой, редкими раскидистыми соснами, а местами — можжевельником и пирамидальными тополями. Если случайно не нарвешься на мутанта и не забредешь в компактно расположенное аномальное пятно на юге, можно подумать, что и Зоны тут нет никакой. Но впечатление это обманчивое. Зона никуда не делась, она просто затаилась. Выбросы накрывают Темную долину так же, как и другие места, правда, укрыться тут есть где — на северо-востоке имеется вполне целая, но брошенная ремонтно-строительная база за бетонным забором. Под самим заданием — ни больших туннелей, ни значительных пустот, так что зомби, снарки, контролеры и прочие виды мутантской нечисти местных анархистов не трогают. Чтобы нарваться на неприятности, этим ребятам приходится выбираться далеко наружу, делают они это ради хабара, через Свалку, поэтому держат с тамошними бандитами нейтралитет.

Самые злые шутники клянутся, что над Темной долиной круглые сутки стоит дым от выкуренной там анаши.

Дыма нет — я по крайней мере не видел.

Но вот делянки конопли в тихих и теплых местах есть.

К главному зданию ведет сначала тропинка через поля, а потом бетонная дорога, почти не разрушенная, которая упирается в приоткрытые железные ворота.

— Куда ведешь?

— Они к дядьке Яру.

— Ладно, проходи.

Вот так вот запросто. Будь я диверсантом-смертником, мог бы наделать у них дел, но готовых на это дураков в Зоне нет. На вид «свободовцы» беспечны, но обольщаться не следует — сюда, позарившись на вольные порядки и удобное место, стекается немало первоклассных сталкеров. И разбираются они не только в эффектах Зоны, в войне с людьми разбираются тоже.

— Сначала к Чехову зайдем, — предлагает мой проводник.

— Зачем?

— Он так велел — всех новых сначала к нему приводить.

...Я знал, что встречи с лидером «Свободы» все равно не избежать, но к перспективе немедленного разговора готов не был.

— Ладно, но сначала моего товарища к врачу.

Чернявый кивнул и повел нас не по металлической лестнице на второй этаж, как сначала собирался, а куда-то в другое здание, а потом вниз, в просторный полуподвал, разделенный на отдельные боксы сеткой. Именно там, возле большого стола, заваленного вперемешку коробками из-под медикаментов, банками и инструментом, после двух лет, прошедших после нашей ссоры, я впервые увидел Костю.

— А, это ты... Ну, привет, Серега или как там тебя теперь зовут — Моро? — хмуро, но без всякого удивления сказал он. — Руки тебе не подаю, а то снова перчатки стерилизовать придется.

Это сомнительное приветствие мне пришлось проглотить. Как хирург он был прав, а скрытый подтекст никто, кроме меня, не заметил. Лунатика усадили на табурет, который, судя по остаткам маркировки, был сделан из ящика от боеприпасов.

— Везучий у тебя дружок. Легкое не задето, но неделю-другую отлежаться должен. Давай, что у тебя, показывай...

— Так, мелочи.

— С мелочами сюда не ходят...

Костя обрабатывал мою рану, а я смотрел на него, осознавая, насколько мой бывший друг изменился, стал заметно старше и жестче, почти утратив сходство с тем человеком, которым он был когда-то на Большой земле.

— Все, закончил. Жить будешь. По крайней мере это тебя не убьет.

— Нам поговорить надо.

Он криво ухмыльнулся и дернул плечом.

— Ладно, но только не в перевязочной.

Мы устроились в отдалении от койки, на которую положили Лунатика, в другом боксе, на двух табуретах, тоже сделанных из ящиков от патронов.

— Что ты хотел? — без предисловий спросил он.

— Для начала — чтобы ты меня выслушал.

— Говори, но покороче, времени нет.

— Люди из группы Ореста рассказали, что видели меня в компании с кем-то из «Свободы» на границе со Свалкой и в долине тоже.

— Насчет фольклора — это не ко мне.

— Они действительно кого-то видели, но это был не я.

— Здесь Зона, если ты еще не заметил. В Зоне возможно все. В теории, возникновение двойника тоже.

— У тебя есть более конкретные объяснения?

— Сколько угодно — от банальных до научных. Люди Ореста могли перепить. Их могли нанять, пообещав что-то значимое, не обязательно деньги. Они могли получить порцию ментального принуждения и запомнить то, чего не было.

— Но ты-то мне веришь?

— В этом смысле — да. Потому что ты настоящий «долговец» — твердолобый упрямый дурак, которому только бы пострелять в то, что понять не получается. И на нас ты, конечно, не работал. Дальше-то что?

Я излагал немного измененную историю моего побега из клетки, не упоминая, конечно, про помощь Лиса. Костя машинально качал головой, но смотрел мимо меня — на схематическое изображение человека в разрезе, кнопками прикрепленное к стене.

— Ну и что тебе нужно? — спросил он в конце концов. — Чтобы я слил тебе информацию о том, кто наш человек у вас в «Агропроме»? Ты должен понимать, что я не знаю. Не знаю даже, есть ли он вообще, а если бы знал — не сказал.

Я видел, что он не врет, и, по большому счету, Костя был прав. Мои проблемы уже давно его не касались. Несколько дней назад только случайность помешала нам оказаться лицом к лицу с оружием в руках, направленным друг на друга.

— Ладно, я ответил на твой вопрос, а теперь моя очередь.

— Хорошо.

— Тогда объясни мне, почему ты бросил мою сестру...

— Я Ингу не бросал.

— Не ври. Ты бросил ее одну на Большой земле, и это не имеет даже такого универсального оправдания, как деньги, которые ты для нее мог бы заработать в Зоне. Потому что у себя в «Долге» ты не зарабатываешь ни черта.

— Костя...

— Заткнись, а то в морду получишь. Впрочем, это уже избыточно, потому что в морду тебе дали до меня.

Это и в самом деле было избыточно, левый глаз у меня совсем заплыл, после драки на Свалке шатался нижний клык...

...Все, что я мог сказать Косте, он знал и так. В сталкеры я пошел ради денег для Инги. К «Долгу» присоединился, когда она перестала нуждаться в этих деньгах. После заочного организованного развода денег у нее оказалось более чем достаточно, только, конечно, уже не моих.

Что касается самого Кости, то на Большой земле он был неплохим хирургом, но только до тех пор, пока его не выгнали с треском за слишком вольное обращение с опиатами. По части опиатов у него имелась собственная, очень складная история, из которой следовало, что этот мир исполнен несправедливости, а сам Костя — почти д'Артаньян, но в эту версию я не верил, хотя в подробности тоже не лез.

— Ладно, чего уж теперь, — буркнул он, нехотя отведя глаза от плаката с человеком в разрезе. — К Чехову только сходи. И таблетки возьми. Вот эти зеленые будешь принимать три раза в день. Красные — раз в сутки.

— Они от чего?

— Красное — обезболивающее. Зеленое — антибиотики, придурок. Не перепутай, а то интересный эффект получится. За другом твоим я присмотрю, так что в этом смысле можешь не волноваться.

Лунатик не был мне другом, но я промолчал. Лидера «Свободы» нашел на втором этаже главного заводского корпуса, в кабинете за обшарпанной дверью, на которой еще с советских времен сохранилась табличка «предъявите документы». Документов, конечно, давно никто не спрашивал.

— Да, я слышан про твою историю, — хмуро сказал Чехов. — Можешь оставаться сколько понадобится, по крайней мере у нас это не у вас, из-за одних только подозрений к стенке не ставят. Но с ребятами не конфликтуй. Если наглупишь, мы тебя, конечно, не расстреляем, все же гость. Однако выставим, откуда пришел. Отведем прямо на блокпост твоих бывших приятелей, сам с ними и разбирайся...

Сказано было жестко, но он был в своем праве, впрочем, я не собирался ни угождать «свободовцам», ни устраивать с ними драку.

Вечером, проглотив красную таблетку, я лежал на койке и смотрел в бетонный потолок. Несколько раз за забором принимался выть зверь. Судя по характерным оттенкам, был не слепой пес, а изуродованный радиацией волк, таких еще называют псевдособаками. Свет луны в лицо справа, голодное «пение» мутанта, да еще болезненное биение пульса в синяках, разбитой голове и простреленной выше локтя руке не давали мне уснуть. Оставалось только прокручивать в памяти «кино» вчерашних событий.

Было предельно ясно, что в плане решения собственной проблемы я не продвинулся ни черта. Костя почти ничего не знал и к тому же откровенничать не собирался. Легкость, с которой Чехов разрешил мне остаться, говорила в пользу того, что он сам в этой истории ни при чем. Мое появление в Темной долине утратило всякий смысл, но без комбинезона, без боезапаса и с простреленной рукой я все равно не мог отсюда уйти. Только поэтому и отложил решение на завтра.

Зверь был долго, видимо, среди не сильно подтянутых дисциплиной боевиков «Свободы» не находилось желающих его пристрелить... Потом вой прекратился как-то вдруг. То ли мутанта все же пугнули, то ли он заткнулся, добравшись до помойки, на которую сваливали кухонные отбросы.

Ради интереса я выглянул в окно и понял, что отчасти ошибался. В полнолуние довольно светло, и по ту сторону бетонного забора отчетливо виднелся немного волчий, а немного и львиный силуэт мутанта. За ним, в точности повторяя каждое движение хозяина, двигались шесть иллюзорных зверей.

Это был пси-пес и его спектральные клоны. Двойники.

Глава 5. Временная свобода

Конец сентября 2011 года, Зона, территория Темной долины.

И в те дни, и позднее (хотя про более поздние события существует совсем другая история) Лунатик не переставал меня удивлять. Он явно обладал значительной живучестью, потому что на пятый день пребывания в госпитале он выглядел вполне сносно, вставал и ходил по комнате, ел все то же самое, что и остальные, дышал без проблем и на рану не жаловался. Сложно было поверить, что еще совсем недавно этот парень собирался умирать.

— Что с собой таскаешь? — спросил я напрямик.

Он поотнекивался, а потом показал мне артефакт с характерным названием «светляк». Как эту вещь не отобрали у Лунатика в «концлагере», не знаю, потому что и коллекционеры, и больные платили за такой хабар дорого.

— Где взял? — спросил я напрямик.

— Нашел на болоте. Подальше еще были, кажется, но одному мне там не пройти.

— Страшно?

— Ага, — без всяких проблем с самолюбием сознался он. — Страшно. Один раз я там напоролся на очень интересного чувака — иду, смотрю, он метрах в двадцати меня, в самом сыром месте, ворочается, гад, в грязи, как будто в ванне сидит.

— Может, это простой и честный наркоша был, — специально подначивал я. — Потому и ворочался.

Лунатик энергично замотал головой.

— Нет-нет, я хорошо видел, на вид вроде кровосос, руки-ноги, щупальца у рта, но темный и волосатый. Смотришь на него — то он будто тает в воздухе, то опять проявляется...

Спорить с Лунатиком не особо хотелось. После драки с людьми Йоги на Свалке я стал для него непререкаемым авторитетом во всех делах, именно с драками и связанными. Он явно был не прочь устроить совместную экспедицию за хабаром, в которой мне отводилась роль носильщика и телохранителя, но это как раз в мои планы не входило. Ни в какие вылазки вместе с Лунатиком я отправляться не собирался, хотя бы потому, что плевать на все это хотел. Мои проблемы к тому времени обострились до крайности, и виновата в этом была, как ни странно, довольно спокойная в смысле радиации обстановка на Кордоне.

При попадании в радиоактивную аномалию коммуникатор вырубается — это я знал всегда, собственно, сгореть он может и до полной в дальнейшем непригодности. Случись что в глубине Зоны, остается одна надежда — на рацию военного образца, и с ее помощью ты можешь отправить в эфир свой последний, прощальный «SOS», а потом уж как повезет. Может — никто не явится, может, придут и спасут, а может, придут и ограбят, предварительно, конечно, пристрелив. Поэтому засирать радиочастоты разговорами ни о чем в Зоне в общем-то не принято.

Но это в глубине Зоны.

Кордон, если не считать вялотекущей «войны» одиночек с вояками, место благополучное, именно из-за этого относительного благополучия хороший коммуникатор там даже ловит «сеть» всегда, и не только внутреннюю, но даже от гражданских вышек на Большой земле. Кто именно постарался — Ремезов или кто-то еще, наверняка не скажешь, но через пару дней после моего ухода с «Агропрома» сообщение о «предательстве Моро» появилось на всех исправных КПК в пределах Кордона. Там было много моих знакомых — в основном из сталкеров группы Валерьяна. Что характерно — связаться со мной по рации и спросить, в чем дело, никто из них не пытался. Оно и понятно: вопрос о верности клану решает сам клан. За дело тебя выгнали из группировки или нет, а уж если это произошло, то имя тебе — ренегат и предатель, а с ренегатами связываться среди сталкеров всегда ноль желающих.

Не сказать, чтобы я раньше этого не понимал — понимал. Но одно дело догадываться, как все будет, а другое дело — столкнуться с мрачным будущим наяву...

На Лунатика эта история, впрочем, не произвела никакого впечатления. Сообщение он стер, а мне по-прежнему доверял, причем до такой степени, что потащил меня проверять устроенный еще до «концлагеря» схрон. Тайник этот находился под старым сосновым пнем, на самой границе между Темной долиной и Свалкой, в небезопасном месте. Было там много интересных вещей: один «светляк», два «кристалла», четыре «батарейки», один «бенгальский огонь» и два «грави», а также запасной комбинезон, который вполне подходил мне по росту.

«Светляка» забрал себе Лунатик, мне достался «грави», а остальное продали. Артефакты можно было неплохо сбыть Сидоровичу на Кордоне, но я туда соваться избегал, а Лунатик один идти почему-то отказался. В результате хабар отчасти пошел дядьке Яру, а кое-что Ганже, бармену в заведении на территории базы.

Этот бар носил характерное название «Глоток свободы».

В этом «Глотке» Лунатик и завел впервые тот разговор, который мне не понравился и в конечном счете привел к событиям, поставившим все вверх дном (хотя, в сущности, ситуация и так была хуже некуда).

— Есть еще интересные вещи, — ровным голосом и глядя перед собой, как бы между прочим, сознался он. — Много вещей.

Пил я в тот вечер мало, поэтому и запомнил разговор почти дословно.

— После большого выброса многое переменялось, — продолжал Лунатик. — На севере открылись проходы в места, где еще никто не шарился, у меня и карта есть.

— Если там никто не шарился, то откуда карта?

Он только дернул плечом. Свет лампочки странным образом отражался в почти прозрачных глазах Лунатика, делая их невероятно честными.

— От парня, который умер в «концлагере».

— Значит, он был в этих местах?

— Получается, что да.

— Первым?

— Может быть, и первым, он умер, я больше ничего не узнал.

— А мне это зачем?

— Я думал, ты согласишься со мной пойти...

Он говорил и говорил про очередной мегаартефакт, такие байки пачками поставляет Зона. Я слушал Лунатика вполуха и уже знал, что никуда с ним не пойду. Никуда было, да и незачем. Он быстро заметил, что момент неподходящий, и отвалил, скрывшись за чужими спинами, — худой, печальный и странный, как всегда. Ко мне тут же подсел уже знакомый «свободовец», тот самый веснушчатый парень, с которым я в самый первый день в Темной долине разговаривал возле блокпоста. Парня звали Экса, в баре он сильно расслабился, а до этого пришел в компании Кости.

В трезвом виде Экса был довольно сдержан, но в нетрезвом любил задирать меня, чем он немедленно и занялся.

— Эй, Моро, а правда, что у вас там, в «Агропроме», прямо в кабинете Крылова висит плакат «Сегодня куришь траву, а завтра служишь „Свободе“»?

— Отвали, — коротко сказал я.

— Смотри не кури, а то Минздрав и расстрельная команда предупреждают...

Он еще нес всякую чушь.

— Не обращай внимания, — сказал мне севший рядом Костя. — Он иногда бывает такой. Тут проблема была с одним мужиком, со Щукиным. Сливал информацию о наших форпостах наемникам на контракте. Экса со своими людьми устал этих наемников гонять, за месяц четыре группы положили. Кстати, не ваша работа?

— Нет. А где теперь этот Щукин?

— Где-где... все там же. Вызван к богу на ковер.

...Я не мог знать наверняка, были ли этот Шукин тем самым информатором Крылова, который бесследно исчез в ту ночь, когда погиб Тихон и начались мои теперешние проблемы. Я вообще ничего о нем не знал и не мог об этом человеке сожалеть. Крысы, вне зависимости от стороны, на которую работали, теперь стали мне противны до гадливости.

Экса, кажется, отчасти протрезвел.

— Кстати, о наемниках, — как ни в чем не бывало начал он. — Я на днях видел двоих. Были они на контракте или нет — не знаю, но один из них прямо у меня на глазах влетел в «жарку» как последний дурак.

— Как это?

— Да так. Шли они гуськом, оба в бронекастюмах «Берилл», какие лица, под шлемами не разберешь. Я сижу неподалеку с детектором, наблюдаю, как воздух дрожит над «жаркой». Они ничего, идут. Я думал, артефакты ищут. Ладно, не маленькие. Идут, на меня ноль внимания. Между ними двоими метров десять. И тут первый влетает в «жарку» с разгону — шурух! Огонь столбом... В общем, от этого парня мало что осталось. Второй, когда это малое осматривал, шлем расстегнул. И тут я вижу, что наемник тот — Бархан.

— Бархан?

— Да, Бархан. Серьезный парень. Киллер.

Костя со стуком поставил стакан.

— Не напутал?

— Нет, не напутал. Он голову бреет и на переносице шрам.

— Бархан на Кордоне отсиживаться не любит, работает по крупным контрактам и просто так не появляется. Ты о нем знаешь? — спросил Костя, на этот раз у меня.

— Что-то слышал.

— Когда на Янтаре потерялся британский журналист, говорят, без Бархана не обошлось. По крайней мере видели их под конец вместе.

— А на кой черт этот журналист вообще сюда полез? Это не его страна, не его война, не его Зона и вообще не его дело.

— Между прочим, Моро, люди должны знать правду, Зона — подарок всему человечеству, а не только таким психам, как ты или Крылов.

— Мне она вовсе не подарок.

— Ну, это как сказать. Вообще-то это для тебя шанс.

— Какой еще шанс?

— Хотя что-нибудь в этой жизни понять. Хотя бы подумать башкой, как ты дошел до жизни такой.

— Никуда я не доходил, все в норме.

— Слушай, ты у нас уже полмесяца живешь. Раньше даже близко бы не сунулся, идейный, а все изменилось почему? Идти тебе некуда. Понимаешь?! Некуда! Для «Долга» ты предатель и дезертир...

— Заткнись.

— Я-то заткнусь, мне-то что, я парень спокойный. Но ты подумай, как дальше будешь жить.

— Как захочу, так и буду.

— Ну-ну... Не обольщайся. У Валерьяна на Кордоне тебя тоже не примут, им с Крыловым ссориться ни к чему. К бандитам сам не сунешься. Для наемников слишком засвечен. С точки зрения вояк, таких, как майор Халецкий, весь «Долг» — в лучшем случае идейные тупицы, а дезертир из «Долга» еще хуже всех остальных. Ну а «Чистое небо»...

— Что?

— Объявился тут новый клан, из болот вылез. В общем, странные они. Но ренегатов точно ненавидят.

— А ты и рад...

— Может, и рад, да. Потому что мы тебя примем, Серега, таким, какой ты есть.

— Даже понимая, что Зону я не люблю и подарком человечеству не считаю?

— Даже понимая.

— Даже зная, как я ваших на хуторе вместе с Рудым положил?

Костя молча кивнул. Он не врал и не прятал глаза, ничего не скрывал. Честно говоря, такое всепрощение меня пришибло. Про то, что в «Свободе» на прошлые дела новичков смотрят сквозь пальцы, я и раньше знал, но не ожидал, что они доходят до такого.

— Удивлен?

— Удивлен.

— У нас все понимают, что ты не предатель, Моро.

Костя старался как мог меня распропагандировать, но я уже сообразил, что они берут и предателей, лишь бы предатель предавал кого-нибудь другого. Я даже хотел сказать это, но промолчал, пожалев святую уверенность Кости в его ценностях.

И все же этот разговор меня зацепил. Зацепил потому, что открывал возможность пусть не так, как я хотел, но все равно остаться в Зоне. Да, я ее не любил. Точнее, как член «Долга» был обязан ненавидеть всеми фибрами души. При этом я к ней привык. Привык к оружию в руках, адреналину в крови и внятной ситуации, при которой друзья рядом, а враги — вон те, по другую сторону прицела. Измениться я уже не мог, да и не хотел.

— Ну так ты осознал? — гнул Костя в свою сторону.

— Нет.

— Зря. Ты, Моро, хоть раз подумай как следует. У вас ведь там, на «Агропроме», еды, оборудования хоть завались, снаряга — о-го-го. Хотя бы каждый экзоскелет сколько стоит. А ведь хабаром вы не торгуете и денег ни с кого не берете. Откуда все это? От украинских или от российских спецслужб, это уж твоему Крылову виднее, кому он рапорты пишет.

— Но-но, полегче...

— Что, нечего возразить?

Возразить мне было, конечно, что, просто я уже обещал не нарываться... А то мог бы напомнить Косте, что у «Свободы» оборудование не хуже, а экзоскелеты и получше есть, оружие в основном натовского образца, так что, кому шлет рапорты лидер «Свободы», оставалось вопросом не по-хорошему открытым.

Правда, если тебя пустили в гости, то гадить на стол в доме хозяина не стоит, даже если его рожа тебе не очень нравится, поэтому я промолчал. Впрочем, с Костей, конечно, не согласился. То, что он говорил, было отчасти правильным, но означало только одно — мне пора было навсегда уходить на Большую землю.

И скоро не станет у меня ни «оружия в руках», ни «адреналина в крови», ни ясной цели. Метка отступника, впрочем, все равно останется.

— Ну как, ты не передумал? Не хочешь со мною в Лиманск? — спросил огорченный Лунатик.

— Нет.

— Жаль. Может, еще передумаешь?

— Я уже говорил, что не пойду.

— Ну, тогда пока.

...Я покидал Темную долину в южном направлении, собираясь выбраться через тоннель в сторону Кордона. Костя тоже пытался уговаривать меня остаться еще накануне, но потом бросил эту затею и к тому же разозлился. Отряды «Долга» на Кордоне бывали крайне редко, встречи с ними я не опасался. Нейтральные сталкеры, даже если поверили сообщению Ремезова, едва ли бы стали охотиться персонально на меня — опасно, да и ни к чему. Решение было принято, а в таких случаях глупо что-то менять. Сложнее всего при отходе на Большую землю миновать армейские блокпосты, но их я собирался очень аккуратно обойти по краю.

Туман тем утром стоял вязкий и плотный, он понемногу оплетал сосны, скапливался в ложбинах между холмами. Продержись туман подольше, он бы оказался очень кстати, но через полчаса подул сильный ветер и все разогнал. Кусты можжевельника мотало порывами, в кронах сосен свистело, в самом тоннеле тоже стоял какой-то свист. Я на всякий случай взял

наизготовку «Чейзер» и двинулся вдоль, ориентируясь по пятну света на выходе. Пару раз мне почудилось некоторое шевеление в самом конце туннеля. Это не был силуэт человека или зверя, скорее, какой-то неопределенный намек на чужое присутствие — очень короткий лязг металла, очень короткая вспышка света. Я мгновенно остановился, не зажигая фонаря, прислонился к стене. В темном комбинезоне, в неосвещенном туннеле я практически не маячил и словно бы исчез. Для стаи слепых собак такой трюк, конечно, не помеха, но человека, если он ждал меня, наверняка заставил бы понервничать.

По стене медленными каплями стекала осевшая на ней туманная сырость. Судя по часам со светящимися стрелками, прошло пять минут. На выходе из туннеля никакого движения не наблюдалось, впрочем, если засаду устроили грамотно, в этом не было ничего странного. Даже в бинокль можно было разглядеть только метелки травы, которая росла возле самого входа, и осколки раскрошившегося бетона. Еще через некоторое время я понял, что мой противник совсем не глуп и дергаться не станет. Совсем напротив — ожиданием тут не добиться ничего, меня могли обойти со стороны Темной долины и запереть с двух сторон.

Держась у стены, я осторожно продвигался к выходу, стараясь при этом не шуметь. Арка придвинулась. Она походила на рамку, которая обрамляла унылую картину: дождь, размокшая глина косогора, обрывки белесого тумана и дорога, уходящая вдаль. Людей поблизости не было. Абсолютно никого. По крайней мере так выходило по всем признакам. Мутантов тоже не было. «Велес» не показывал никаких аномалий, рация почему-то молчала. Я шагнул под дождь, и опять не случилось ничего, как будто противник (если он вообще существовал) растаял где-то в мокрой дымке. Следовало торопиться до следующего выброса, и я зашагал вдоль по дороге, прочь от Темной долины. Ветер, который с утра разогнал туман, продолжал дуть все сильнее, он швырял как попало косые струи дождя, заливал лицо и глаза. Через небольшое время, коротко пискнув, ожила рация.

«Внимание! До выброса пять минут. Всем, кто слышит это сообщение, немедленно занять укрытие. Повторяю...»

Голос был незнакомый, или я его сгоряча не узнал. Пелена дождя мешала осматриваться, но, по моим расчетам, еще довольно крепкий, хотя и поврежденный, каменный дом (причем абсолютно пустой) находился метрах в трехстах на юге, прямо за изгибом холма. Времени, чтобы его разыскать, оставалось в обрез. Я закинул «Чейзер» за плечо, уже не озираясь, рванул в нужном направлении, но, немного не добежав, поскользнулся на глине и рухнул ничком, со всеми сопутствующими в таких случаях последствиями в виде мелких ушибов и грязи, попавшей в глаза.

Уже протирая физиономию, я осознал, что в момент падения слышал свист пули.

Стреляли по мне, и стреляли со стороны укрытия, в которое я же и собирался попасть. До выброса оставалось только три минуты.

Глава 6. Попытка выхода

Конец сентября 2011 года, Кордон и другие места.

От неизвестного стрелка в этот момент меня прикрывали камни и кусты. Неподалеку каркали вороны, часы на руке тикали, отсчитывая последние секунды до выброса. Я пополз как можно быстрее, стараясь не высовываться, но не к двери, а к тому месту с торца дома, где в бурой кирпичной стене зиял неровный пролом. Снайпер наверняка оставался в укрытии. Скорее всего он видел мой кувырок мордой в грязь и понадеялся, что цель благополучно завалил.

Добравшись до дыры, я тут же протиснулся внутрь и откатился как можно дальше под защиту стен и не рухнувшей крыши. Это было очень вовремя — реальность уже дрогнула, и на короткое мгновение я ощутил на себе выброс.

Он не убил меня, даже не тряхнул как следует, попросту не успел. Боль была короткая, зато такая интенсивная, что перед глазами пошли багровые пятна, которые тут же

разлетелись брызгами иллюзорной крови. Зрение вернулось только через несколько секунд. Мир за пределами здания за эти короткие секунды словно бы смазался, превратившись в мутно-серый крутящийся кисель. Стены, пол, сломанный скарб внутри дома, «Чейзер», мои собственные руки — все это просматривалось еле-еле, кроме того, перед глазами проскакивали характерные короткие искры — иллюзия, обычная для выброса или радиации.

Все это время я сидел, прижавшись спиной к стене.

Тошнило. Голова раскалывалась.

Где-то в противоположной половине дома мой неизвестный враг, который только что пытался меня убить, переживал примерно то же самое с поправкой, конечно, на личное восприятие.

...Следовало собраться с силами, встать, найти его и убить, пока выброс не кончился, однако проблема заключалась в том, что с трудом удавалось хотя бы пошевелиться. Все же я взял «Чейзер» наизготовку и попытался прислушаться — не хрустит ли под чужими шагами битый кирпич.

Кирпич не хрустел.

Я ждал и почти хотел прихода этого парня, собираясь пристрелить своего убийцу в упор.

Ждал, конечно, зря, до конца выброса он так по мою душу и не появился. Когда выброс кончился и мутный вихрь по другую сторону пролома превратился в обычный дождливый сентябрьский пейзаж Зоны, я немедленно обшарил весь дом. Снайпер уже смылся, посчитав дело сделанным, однако в груди битой штукатурки мне попала совсем свежая гильза от патрона девятого калибра. Больше ничего, никаких следов, кроме кое-где чуть потревоженной грязи и пыли.

Выброс кончился, но меня все еще колбасило. Способность двигаться, впрочем, вернулась, только от этого сделалось даже хуже. Причина странного состояния была простой и открылась, как только я обнаружил у себя на плече кровь. Кровь была и на пальцах тоже, на одежде и везде, но текла из шеи, задетой тем самым единственным выстрелом снайпера. По всему пространству дома за мною тянулась цепочка быстро стынувших капель. Там, где я пережил выброс, ее осталась небольшая лужа.

Шея не болела, но с этим нужно было что-то делать, хотя бы рану перевязать.

Опасность, можно сказать, выглядела ясной и непреложной, однако страха не вызывала. То ли из-за последствий выброса, то ли по другой причине, но двигаться мне не хотелось. Рюкзак с бинтами и аптечкой так и остался валяться в грязи, в том самом месте, где я упал в первый раз.

Совершенно точно, надо было передохнуть перед тем, как тащиться за рюкзаком. Сидя у стены, я смотрел сквозь зияющий проем давно выбитого окна на дождь. Большая земля близко, добраться до нее так легко... Если бы только не эта поганая усталость. Мир оказался стерт налетевшим серым вихрем, и у меня осталась секунда, чтобы удивиться, как быстро повторился выброс.

— Ты чуть не умер, Моро, — сказал мне немного позже со слабым упреком Лунатик. — Я на тебя своего «светляка» потратил, еле вытащил. Разве можно с таким кровоточением бегать, ты что — совсем невнимательный?

Когда я очнулся, он сидел рядом со мной все в той же руине, которую несколькими часами раньше облюбовал для засады снайпер. На замусоренном полу валялись коробка из-под лекарств и пара использованных шприцев, пресловутый «светляк» (очень красивый и довольно редкий артефакт, светившийся холодным сиянием) для большего эффекта лежал прямо у меня на диафрагме.

— Ну и как ты? — снова поинтересовался Лунатик.

— Нормально. Подумал — снова выброс, а это только временная утрата сознания.

— Не пошел бы я за тобой следом, была бы не временная, а постоянная. Вообще навсегда.

Он был прав, и я сказал ему «спасибо» в той форме, которую предполагало время и место, хотя, явись Лунатик на час пораньше, толк от его появления был бы никакой, если не сказать того меньше. С шансами сто из ста нас обоих положил бы из снайперки один и тот же стрелок. Меня — по заказу, Лунатика — как свидетеля и за компанию. В том, что покушение было заказано, я больше не сомневался. Оставалось непонятным только, почему наемник не довел дело до конца. Уходя после выброса, он не мог не заметить, что труп моего во дворе нет, а заметив, обязан был вернуться и доделать работу.

Однако ничего этого не произошло, объяснение существовало только одно — кто-то наемника уже после выброса крепко испугнул. Испугнул так, что он исчез, не желая с этим кем-то связываться.

— Может быть, ты все же останешься... — нерешительно предложил мне Лунатик.

— В Лиманск зовешь?

— Ага, туда. Подумай сам, если тебя заказали киллеру, то и на Большой земле в покое не оставят. А здесь и спрятаться проще, и если пострелять кого — тоже нет проблем, — со спокойным прагматизмом добавил он.

Я убрал с диафрагмы медленного гаснущего «светляка» и с почтением положил артефакт на пол, выбрав место почище. Как-никак, а эта штука меня спасла.

— Слушай, Лунатик, ты, когда меня подобрал, поблизости кого-нибудь заметил?

— Нет, все было чисто. Хотя погоди... Двое сталкеров из группы Валерьяна в ста метрах отсюда тащили куда-то железный ящик. Я к ним не подходил, даже из укрытия не показывался, а что в ящике — какая мне разница?

— Больше никого не видел?

— Никого.

Я колебался, доверять ли Лунатику, и доверять ему, по идее, стоило, потому что других помощников и товарищей в Зоне мне было не отыскать.

— Мне Полозова позарез надо видеть... — сознался я наконец.

— Сашу Полозова? Он с бандитами на Свалке не якшался, заодно и с нами не дружил, тусовался сам по себе, а иногда — с людьми Ореста.

— Был слух, что его убили. Поэтому Полозова нужно найти. Или убедиться, что искать уже некого. И только потом — поход на Лиманск.

Я коротко пересказал то, что слышал от Жгута, и Лунатик заметно помрачнел.

— Я бы на твоём месте, Моро, не особенно Жгуту верил. Бандит есть бандит. Таким врать как дышать. Полозова отыскать попробовать можно, только сам понимаешь...

Я отлично понял все. Теперь, когда опасность слегка отступила, у меня вдруг заныла шея. Повязка, сделанная Лунатиком, показалась слишком тесной.

— Тебе бы полежать денек-другой, — нерешительно предложил он. — Хочешь, двинем обратно к Чехову? Там ребята неплохие.

— Нет. Надо дело делать, на том свете отлежусь.

— Ладно... Я диггеров знакомых найду и расспрошу, может быть, они что-то знают про Сашку Полозова...

Рюкзак и некоторые мелкие вещи, которые я потерял, упав этим утром под выстрелом, пришлось подбирать во дворе. Дождь кончился, туман ушел, затеянное дело уже не выглядело безнадежным. Как ни странно, выстрел киллера ситуацию не испортил, он только отчасти убрал неопределенность. Зона так просто не отпускает. Я понял, что не могу уйти, не разобравшись в самых темных сторонах происходивших со мной событий. Это желание во что бы то ни стало оправдаться делало меня в глазах Лунатика ненормальным.

— Ты что — собрался обратно записаться в «Долг»? — неуверенно спросил он.

— Что-то в этом роде.

— Смотри... Тебя вообще-то там не ждут. И не говори потом, что не предупреждал...

— Ладно, буду иметь в виду.

Спор заводить не хотелось, он бы точно зашел в тупик. «Светляк» свое дело сделал и меня от смерти спас, но после кровопотери осталась прилипчивая усталость, а из-за контакта кожи с артефактом я подхватил дозу радиации, от которой еще предстояло избавиться.

Лунатик, перенервничав по поводу снайпера, поначалу болтал, пересказывая старые анекдоты о призраках, а потом тяжело замолчал. Я двигался первым, он прикрывал мне спину. Так мы и брели вдвоем по туннелю, собираясь после этого по западному краю Темной долины добраться до лагеря диггеров...

Железные ворота с рельефным изображением серпа и молота раскачивались под напором ветра на ржавых петлях. Ворота эти уцелели чудом, давно не запирались, а полуразрушенный забор ничего не огораживал. Петли при покачиваниях производили противный скрипящий звук. Строение за воротами представляло собой скорее грудку железобетонных конструкций, чем здание, и обломки лестниц вели ниоткуда и никуда. Разрозненные блоки, части недостроенных или рухнувших стен, хаотически валялись поверх незасыпанных ям. Хотя верхние этажи этой коробки были недоступными и необитаемыми, в полуподвале жизнь теплилась по крайней мере там горел костер. Дым поднимался к потолку и уходил в громадную дыру.

Я вместе с диггерами проводил время в этом полуподвале. Шумел дешевый DVD-проигрыватель. Рядом парень в черной бандане чистил ружье. На разостланных по углам спальниках и матрасах валялись пустые банки из-под энергетика.

Лунатик, не обращая внимания на музыку и чужую перебранку, беззаботно спал в углу. Я не спал и ждал возвращения еще одного человека, с которым у нас была назначена встреча. Ребята в лагере подобались нейтрально настроенные, меня они не задевали, но и с дружкой тоже не лезли. По большей части это были опытные диггеры, которые специализировались на извлечении из курганов Свалки разнообразных полезных предметов — от артефактов до старой техники советского образца. Бандитам за «крышу» платили, и платили много. Строптивых и ленивых боевики Йоги отправляли в тот самый «концлагерь», устроенный на кладбище старых машин, а то и попросту делали «гашеными».

В отблесках костра лица диггеров выглядели странновато. Был на них смешанный след злости, отчаяния и надежды, и сложно казалось определить, чего в итоге больше. У многих я заметил незакрывшиеся язвы от химических ожогов. В изможденном облике одного парня (этот в позе зябнущего постоянно отсиживался в углу) просматривались признаки лучевой болезни.

Если задуматься, то на бандитской территории диггеров ничего не удерживало, и уйти им никто не мешал. Всех, для кого Зона стала потребностью и наваждением одновременно, охотно приняли бы другие группировки. Кое-кого, возможно, «Долг», и уж конечно, многих — «Свобода». Однако все эти люди оставались на месте, безропотно работали на отморожков и словно бы чего-то от жизни ждали. После пары дней общения я понял, что диггерам Свалки не было дела до войны, их (в той или иной пропорции) выжигали два стремления — страсть собирателей артефактов и острая, принесенная извне, потребность в деньгах. Не брось меня Инга два года назад бесповоротно и окончательно, я мог бы сделаться точно таким же. Даже когда она бросила меня, перспектива сделаться таким же, а то и похуже, еще оставалась. Не уйди я вовремя в организацию Крылова, этим беспросветным мраком все бы и закончилось. Отчасти поэтому я и не злился на генерала, хотя он едва не расстрелял меня и еще мог расстрелять...

Плотный мужик в драном комбинезоне уже час как играл со своим коммуникатором в покер. Шрам скорее всего от когтей мутанта, задев веко, пересекал висок и укороченное раной левое ухо. Когда картежные дела шли неважно, он нервно почесывал этот шрам.

— А вот еще новая история, — начал Безухий свой рассказ, в очередной раз продувшись. — Заехал в Зону, значит, один очень крутой наемник, и звали его Бархан.

— Слышали уже! Не оригинально!

— Нет, ты погоди... Заехал не просто так, а с французской бабой-журналисткой, пообещал за большие деньги на четвертый энергоблок ее провести. Ну вот, шли они вдвоем, шли... Туда, куда она хотела, конечно, не попали, не дурак он был в самое пекло лезть. Вместо этого закрутил с француженкой любовь. И очень не нравилось наемнику, что через

пару недель фифа уедет к себе на Елисейские Поля, а ему тут в дерьме оставаться. До того не нравилось, что пожелал он в душе никогда из Зоны ее не выводить. Видели их после этого то в Рыжем лесу, то на Янтаре. А потом оба вдруг потерялись. Место последней стоянки ребята Ореста разыскали случайно — все вещи на месте, ни трупов, ни гильз, костер потухший давно стоит, вместо него черный круг на земле. И никаких следов.

— А дальше что?

— Наемник больше не появлялся. А ее... ну, видели пару раз. На запястье у бабы татуировка в виде черепа, проткнутого розой. На шее шарф. Из-за этого многие думают и, наверное, правильно думают, что под шарфом черные синяки, баба мертвая, и Бархан ее придушил.

...Меня эта история позабавила. В ней явно смешалась правда о настоящем Бархане с легендой о «черной невесте». В компании наемника, если это не сплетни, бесследно пропал британский журналист. В самом же Бархане ничего мистического не было, если не считать за мистику крайнюю падкость на деньги и сволочизм, позволяющий кого угодно сделать «гашеным»...

— Олесь пришел...

Олесем Нечипоренко звали того человека, которого ждали мы с Лунатиком. Он был очень спокойным и прагматичным парнем, старался ни с кем не ссориться, поэтому за помощь запросил довольно много, зато выполнил все, что обещал, аккуратно. Олесь махнул рукой, приглашая отойти для разговора, я растолкал Лунатика, и мы вдвоем выбрались из полуподвала под крупные сентябрьские звезды.

— В общем, так. У Барыги и Борова был. Кто вас заказал, ни тот, ни другой не знают. Или знают, но говорить не хотят, и это уже окончательно. Что касается Полоза, то похожего мужика видели в «концлагере». Попал он туда примерно две недели назад за долги лично Йоге. Его дружков при этом постреляли. А теперь окончательный расчет, и я вас больше не знаю. Кстати, тебя, Моро, очень ищет Ремезов с «Агропрома», так что в лагере не задерживайся. У диггеров с «агропромовцами» мир и нейтралитет.

Олесь сунул полученный сверток в карман и нырнул обратно в полуподвал руины. Мы остались снаружи, мне не хотелось лезть в духоту и скученность убежища, рискуя после слов Олесья нарваться на ссору.

— Ну и что, будем делать? К «концлагерю» пойдем? — тихо спросил Лунатик.

Я только молча кивнул. Лунатика было жаль, похоже, он перетрусил в этой чужой для него разборке.

— Может, ты лучше по рации свяжешься с кем-нибудь?

— С кем?

— Тебе ведь кто-то помог сбежать с «Агропрома»... Он должен знать и про Полозова тоже.

Я никогда и никому ни тогда, ни после не рассказывал о роли Лиса в моем побеге. Из естественной осторожности, а также потому, что обещал самому Лису молчать. Проницательность Лунатика иногда не по-хорошему удивляла.

— Не буду я ни с кем связываться.

— Значит, не хочешь никого подставлять?

— Не могу.

— А меня подставлять, значит, можно? Уже полмесяца прошло, а я проснусь ночью, и все кажется мне, что справа забор из колючей проволоки, слева — «жарка», а в ногах у меня — труп пацана, который умер, накопив дозу в раскопах.

— А «жарка» тут при чем?

— За побеги на ней казнили... — обреченно сознался Лунатик. — Толкнут в середину, и все. Боюсь я, Моро, понимаешь? Боюсь! Сил моих нет снова туда идти.

Он был по-своему прав. Я спас Лунатика по привычке, приобретенной на службе в отряде Крылова. Он помог мне, можно сказать, в ответ. Таким образом, мы оказались квиты, и втягивать парня в очень опасную и трудную для него операцию было нечестно.

— Ладно, оставайся здесь, один пойду.

Лунатик в отчаянии скривился. Он стоял передо мной, измазанный в какой-то саже, в потертом комбинезоне, худой, бледный и отчаянный, будто придавленный непонятным для других горем.

— Ты там поосторожнее, — убитым голосом напоследок буркнул он. — Иначе в Лиманск кто пойдет...

Лиманск уже сделался для него навязчивой идеей...

К «концлагерю» я вышел на исходе ночи. Край неба только чуть светлел. При мне был нож, «Чейзер» и пара гранат, к тому же у знакомых диггеров я занял на время ножницы по металлу. Лагерь будто пылал в темноте, этот эффект создавали костры, разведенные в сломанных металлических бочках, а также аномалия «жарка» в самой его середине. Пока в «жарку» что-нибудь не попадет, она дает о себе знать только дрожанием раскаленного воздуха, и поэтому ночью не видна. Но сегодня кто-то развлекался, кидая в нее мелкие предметы. Вертикальные столбы огня время от времени с шумом поднимались вверх на выжженной до грунта поляне. В такие моменты я отчетливо видел все — ограду из «колючки», мертвые ряды машин, среди которых затесался даже сломанный вертолет. В промежутках между вспышками тьма стояла кромешная. Я засек время между бросками, получалось не одинаково, но всегда от полутора минут до двух.

— Эй, брателло! — заорали неподалеку. — Шел бы ты отсюда, не видишь — закрытая зона.

Окрик предназначался не мне.

— Дело есть, — раздался голос в ответ. — Подойди к ограде, Петро.

Кто-то в тяжелой броне приблизился к ограде и задержался там, вполголоса переговариваясь с охранником. Смысла приглушенного разговора я не разобрал — оказалось слишком далеко. Когда чужак в броне ушел, охранник еще некоторое время торчал у ограды, всматриваясь в темноту, не потому, что заметил меня, а просто так, со скуки.

Во время очередной вспышки я его хорошо разглядел. Петро был парень лет двадцати, таких обычно берут в «шестерки» в жестких и хорошо организованных бандах. И на Большой земле, и в Зоне — они везде одинаковые. Бандит откинул капюшон с макушки, ненужный пока что противогаз повесил на шею, но АКМ из рук не выпускал. Трое таких же типов разместились на вышках по углам периметра. Некоторый шанс проскочить мимо них давала темнота, но шанс этот был так себе — плохонький.

...У меня еще сохранялась возможность отступить, найти Лунатика на стоянке диггеров, уйти с ним за хабаром и оставить Полозова в том положении, в котором он очутился, кстати, без моего участия. По законам целесообразности и выживания так и следовало поступать. Полозов обещал мне помощь, но дружбы между нами не водилось, и его личный в этом деле интерес до сих пор оставался мутным.

Но я не уходил. Не мог, причем по причине, не относящейся к дружбе или сочувствию. Просто, брось я этого человека умирать в «концлагере», темная история крысы, окопавшейся в «Долге», так и осталась бы темной. Именно это желание понять гнало меня беспощадно вперед. Шум ветра заглушал шаги, треск кустов и шорох травы вдоль периметра. Через некоторое время «Велес» запищал, предупреждая о близкой опасности. Пригоршня листьев, из тех, что обычно крутятся в гравитационном поле аномалии, отлетела мне прямо в лицо. Такое кружение продолжается в любую погоду: и в тихую, и в ветреную, и днем, и в темноте. Пройдет неделя, возможно, чуть больше, и при очередном выбросе «трамплин» переместится на другое место. На память после него останутся ошипанные деревья, измочаленные листья, безжизненный пятачок земли и пара-тройка пятен побуревшей крови неудачников, которые не смотрели ни под ноги, ни по сторонам.

Я немного сдал назад и сориентировался. Подходящий предмет, объемистый, но пустой металлический бочонок из-под химикатов с проломленным боком, валялся совсем рядом. Оставалось только подкатить его поближе и оставить там до времени полежать. Аномалию я

обогнул, сделав это, добрался до проволочной ограды и затаился в кустах, ожидая очередной вспышки.

Вспыхнуло очень сильно. Столбы пламени с гудением ушли к небу. Жар был такой, что, несмотря на расстояние, коснулся даже меня.

— Ты бы, Штырь, больше не шутил, — раздался чей-то протяжный и вальяжный, с легкой угрозой голос.

— Да мы что, мы ничего...

Огонь еще не потух. До этих людей, казалось, рукой подать. Они сидели, прислонившись спинами к колесам проржавевшей под дождями пожарной машины, брошенной тут давно, еще с восьмидесятых. На расстеленном брезенте горкой лежал нарезанный хлеб, рядом две уже вскрытые банки тушенки и две бутылки водки — одна пустая, а другая наполовину опустошенная. Менее пьяный из бандитов завозился, возможно, почувствовав мой взгляд, и я на всякий случай отвернулся.

— Тошно мне, Петро, — буркнул он.

— Почему?

— Консервы порченные.

Петро коротко всхотнул, подтянул к себе гитару и запел блатное, но при этом неожиданно хорошо поставленным голосом.

Огонь тем временем угасал, оседая будто прикрученное пламя гигантской газовой горелки. Жар исчез. После него остался только привкус гари на языке. Я решил воспользоваться темнотой и перерезал в нескольких местах проволоку. Потом переместился еще метров на десять и повторил то же самое, окружным путем вернулся к «трамплину» и принялся ждать, включив рацию и меняя время от времени частоты.

...Внезапно я услышал далекий голос Крылова. Это были почти убитые помехами отрывочные фразы — отзвук происходящего где-то боя. «Рудый, дава... ре...» Я даже не ожидал, что меня это так зацепит. Ребята с кем-то схватились не на шутку, только, конечно, уже без меня. Я хотел послушать еще, но сигнал потерялся. На другой частоте, которую использовали только сталкеры-одиночки, мужики долго и монотонно ругались из-за оплаченного, но не доставленного ящика патронов. Бандиты в эфире помалкивали, видимо, ничего нового в эту ночь затевать не собирались.

Тянуть было некуда, ждать нечего, я переключился на бандитскую частоту и для начала запустил SOS.

— Эй, Петро, ты слышал? — раздалось по ту сторону забора.

Гитара умолкла.

— Так то подранили кого-то... — не особо охотно отозвался второй.

Я уже набрал горсть болтов из рюкзака. Охрана лагеря никогда не бросится на сигнал бедствия, расчет у меня был совсем на другое.

— А я так люблю на SOS приходить, — заявил Штырь. — Они там уже полудохлые. Пулю в башку — и нет проблем. Хабар, патроны, ствол — все мое.

Петро одобрительно захохотал.

Я кинул первый болт через забор в сторону «жарки». Попал очень удачно — огонь взвился вверх с мощным гудением, волна горячего воздуха оказалась такой сильной, что задела даже меня. Заранее заготовленный бочонок я пнул в «трамплин». Гравитационной волной его швырнуло довольно сильно, бочонок перелетел через забор и рухнул в двух шагах от Петро, разметав еду и отшвырнув винтовку, аккуратно прислоненную к колесу проржавевшей машины «скорой помощи».

— Вот сучара! — раздалось в темноте.

Огонь «жарки» еще полыхал и только начал угасать, когда я послал на бандитской частоте предупреждение о выбросе, а потом еще серию гаек через забор.

В свете огня было видно, как трое охранников покидают вышки.

— Да что это такое, пацаны... Это ж заранее надо предупреждать...

Петро на моих глазах рванул в кабину вертолета, намереваясь запереться там. Черные фигуры заключенных диггеров в середине площадки задвигались. Самосохранение — сильный инстинкт — страх перед выбросом должен был пересилить все остальное.

— За периметр! Проволока перерезана! — заорал я, стараясь перекричать рев огня.

Этот огонь потух через пару-тройку секунд. Темнота была необходима, чтобы скрыть беглецов от прицельной стрельбы. Но прицельно никто и не стрелял. На минуту-другую людей охватила паника. Она должна была кончиться очень скоро, но дело свое сделала, десяток-другой заключенных уже добежали до периметра.

Полозова я не видел, а если бы и заметил, мог легко потерять в темноте, но это был неизбежный риск. В конце концов, живого и свободного человека отыскать в Зоне не так уж и сложно.

— Мочи козлов! — заорал опомнившийся Петро.

Он распахнул дверцу кабины, prošil пространство длинной очередью наугад и едва не зацепил меня.

— Пацаны, тут такой непорядок...

В темноте стоял мат, и наступила сумятица. О том, что выброса не будет, догадались не все и не сразу. Охрана, покинувшая вышки, в этот момент находилась на земле. Разжечь «жарку» и осветить площадку никто не догадывался, но очень скоро она вспыхнула сама, среагировав на заскочившего в опасную зону человека.

Я хорошо видел, как это произошло. Ночь осветилась на короткое время яростным огнем. Фигура беглеца нелепо дернулась, корчась и рассыпаясь местами в пепел. Возможно, этот человек (бандит или сталкер) кричал, но скорее всего нет — раскаленным воздухом моментально спалило легкие. На земле он сложился в бесформенную кучку оставшихся от комбеза тряпок и обугленной плоти. Эти останки еще горели несколько минут — до тех пор, пока «жарка», реагирующая только на движение, не успокоилась.

— Бежи-и-и-им! — заорал кто-то в темноте. — Тут в проволоке дыра-а-а!

Я мог больше не вмешиваться. Побег удался. Оставалось только уйти подальше и утром дожидаться результата.

— Ну, ты даешь, Моро, — сказал мне позже Лунатик. — Прошлой ночью в эфире такой мат стоял... Ну такой мат... Некоторых слов я вообще раньше не слышал.

Он говорил это искренне, но я был совсем не крут.

Четверых диггеров, как оказалось позже, бандиты все же положили из автоматов возле самой ограды. Формально моей вины тут не было, и побег без риска не устроить, но в лагере даже при самом плохом раскладе они могли протянуть еще месяц или два. «Умереть завтра, а не сегодня» — идея не всегда плохая.

Полозова я не нашел, его не оказалось ни среди убитых, ни среди освобожденных, которые, конечно, тут же разбежались, но «ниточки» за собой все равно оставили. Я долго и тщательно перечитал все сообщения, пришедшие на коммуникатор. Потом поговорил с Олесем Нечипоренко, который яростно отнекивался:

— ...Я ж что сказал? Что слышал, будто Полоз там! Слышал от Барыги, а если Барыга врет, то какой с меня спрос? Ты, Моро, не мути, я свою работу сделал и плату назад не возвращаю... Кстати, за ночной кипеж на Свалке тебе отдельное «спасибо». Ну да, я понимаю, на небе тебе зачтется доброе дело. Но мы пока что в Зоне, а не на небе. Хорошо, если Боров придержит свой язык или после водки все забыл. А если нет? Он укажет на меня Йоге, а тот решит, что это я его бизнес тут попортил. Мне тогда одна дорога — либо в могилу, либо в «Долг» идти, либо в «Свободу», что хуже — кто их знает, а грохнуть могут и там, и там. В «Долге», кстати, — особенно...

Олесь специально меня поддел, но был, в сущности, прав.

Еще одним осложняющим обстоятельством оказались слухи. Снайпер тоже никуда не делся и теперь уже понял наверняка, что не отработал свой контракт. Правда о беспорядках в концлагере распространилась между сталкерами, а из-за нее охота на меня обещала возобновиться с новой силой. Диггеры на нас косились с уважением, но и с тревогой, ребята

они были неплохие и не склочные, за ночную акцию, скинувшись, подарили мне несколько полезных вещей, но злоупотреблять гостеприимством не стоило. Желающих вечно рисковать своей шкурой ради двух отщепенцев мало где найдешь.

— Конечно, спасибо и все такое... — прямо сказал мне Безухий. — Ребята тебя уважают, Моро, очень уважают, что бы у вас там с Крыловым ни произошло. Однако шли бы вы отсюда подальше и побыстрее.

К такому совету грех не прислушаться.

Мы и сделали это, в самом конце сентября 2011 года вдвоем с Лунатиком отправившись в северные части Зоны. Оттуда предстояла сложная и пока не разведанная дорога на Лиманск.

Глава 7. Снорк гражданской породы

Начало октября 2011 года, дорога на Рыжий лес.

— Ты здесь сколько лет, Моро?

— Три года.

— И ни разу не выбирался на Большую землю?

— А зачем?

— Ну, не знаю, — хмуро сказал Лунатик. — Там ведь что-то меняется и вообще... интересно...

— «Вообще интересно» — это не причина. И ничего интересного там нет, и ничего в лучшую сторону не меняется. Хотя на самом деле два раза выбирался. Один раз, когда еще нейтралом был, на две недели, по делам, которые тебя не касаются. Второй раз в прошлом году на два месяца. Волобуенко тогда пулю вытащить не смог, сказал, нужна нормальная хирургия.

— Ну и как, вытащили?

— За деньги — да. Только по правилам они должны были сообщить органам, кто ранен, где и при каких обстоятельствах. А рана уже недельной давности, я сам даже не украинский гражданин, зато с пропиской в Сибири. Кем ранен — черт знает, с их точки зрения (и не сказать, что она неправильная), я и сам кого-то убил.

— Ну и как ты выкрутился? — с любопытством поинтересовался Лунатик.

— В первый день после операции ко мне не лезли. Потом, когда появился мент, я ему сказал, что, мол, в страну въехал по российскому паспорту с целью туризма, барсетку с документами отобрали на улице, пытался назад отобрать — получил пулю в голень.

— Он поверил?

— На время, достаточное, чтобы мне отлежаться. А что я должен был заявить? Прибыл из Зоны, мол, для излечения, потому что, пока вы тут бумаги пишете, там у нас, извините, экологическое бедствие, с мутантами и с отморозками война. Сам знаешь, Лунатик, на Большой земле другие правила...

— А потом?

— Потом я заметил, что окна у них низко, открываются легко, решеток нет... Ушел через неделю ночью и адреса не оставил.

— Ну, ты даешь.

— Рана не тяжелая, дохромал до угла, поймал таксиста, он меня без вопросов довез до явки под Киевом, там я отлеживался еще. Как только сумел ходить, не хромя, — вернулся к Крылову.

— Тебя потом в Киеве не ловили?

— Думаю, нет. А зачем? Им лишние «висяки» ни к чему. Нет тела — нет дела.

В костре бездымно горели старые шишки. Лунатик молча кивнул, он как раз заканчивал потрошить плоть. Эту плоть мы завалили ранним утром, она сама выбралась навстречу, наверное, передумала жить. Загнанная хрюша, впрочем, сопротивлялась яростно,

не хуже кабана, и сбила Лунатика с ног, а я едва пропорол мутантскую чешуйчатую кожу ножом. Внутри мясо выглядело нормальным, таким же, какое бывает у свиней.

— Сейчас мы ее нарежем, посолим, наденем, пожарим...

Для готовки я передал Лунатику только что обструганный ивовый кол. Плоть, на наше счастье, не «светилась», я это сам проверил «Велесом». Мясо шипело, сок стекал в костер. Мы ждали, когда оно дойдет, рассматривали хмурое, но все же не дождливое с утра октябрьское небо.

— А теперь вопросом на вопрос — ты сам-то в Зону пришел давно?

— Да, собственно, я всегда...

— Не понял.

— Сейчас поймешь... Дело в том, что я в Лиманске родился...

Он пошуровал в костре веткой, не обращая внимания на мое удивление. Искры, почти невидимые в ярком свете дня, стайкой стрельнули в воздух.

— Не врешь?

— Нет, все точно, у меня запись в документах есть, плохо только, что воспоминаний почти не осталось. Так — догадки, обрывки...

— Не тяни душу. Лучше расскажи, что знаешь.

— До апреля восемьдесят шестого работал там секретный институт «Радиоволна», наш ответ мировому империализму и рай для советских ученых. Вот только не могу оценить этот рай, когда жили там, был слишком мелкий, зато папа — физик-гений, мама — биолог-умница-красавица.

Бабушка забрала меня в Полесское погостить, а как раз через три дня после этого на четвертом энергоблоке и рвануло. Людей из Полесского не вывозили аж до девяносто третьего года, потом, когда нас отселили в Красятичи, мне было восемь. Вот это хорошо помню — автобусы, чемоданы, ментов, беженцев, бульдозеры, которыми потом сносили бабушкину хату.

— А что с Лиманском?

— Из Лиманска в восемьдесят шестом даже эвакуации не делали. Некого оказалось увозить. Одни мертвецы.

Он рассказывал об этом спокойно, рассматривая прозрачными глазами почти невидимый, но очень жаркий огонь. От плоти над огнем из шишек в костре тянуло горьковатым дымом.

— Никто не выжил, мои родители тоже. Почему, не знаю. Очень секретный был институт...

Лунатик пожал плечами и, отрезав ножом кусок плоти, попробовал его есть на весу.

— Вот, черт, сырое еще... — поморщился он и добавил: — Кстати, у нас в Красятичах мужики считали, что лиманские интеллигенты на зэках опыты ставили. Мне тоже рассказали, когда подросток.

— Лупили пацаны иногда за родителей?

— Угу.

— В две тысяча шестом тут был?

— Во времена первого выброса? Я тогда только-только университет в Киеве окончил, в Красятичи вернулся всего на неделю. Ночью просыпаюсь — зарево в полнеба, такое, что глаза ломит. И тихо... Ветер не шумит, облака горят белым огнем и не двигаются, даже собаки не лают.

— А потом?

— Потом облака испарились прямо в небе, и так ударило. Ты, Моро, выбросы видел, так вот — там было то же самое, только сильнее в тысячу раз.

Лунатик замолчал. Я не был возле Зоны во время супервыброса, но в целом понимал, что дальше произошло. Чужой рассказ помог только ярче представить катастрофу.

— Военных в зоне отчуждения много погибло, — добавил он наконец. — Просто так, без всякой пользы. Или снарками стали. Я иногда думаю — те, кто в Лиманске умерли в восемьдесят шестом, может, они тоже... снарками...

- А разница большая?
- Никакой.
- Ну так и не забивай себе голову.

Жаль было Лунатика, однако жалость — штука в Зоне вредная, если ей потакать. Сегодня ты человеку поблажку, завтра поблажку, послезавтра он размяк, да и «двинул кони» в какой-нибудь «мясорубке». Проход на Лиманск, который так парня интересовал, закрылся именно в две тысячи шестом. До года прорыва ноосферы городок, говорят, был как городок — мертвый и безжизненный, в руинах, «пересвеченный» радиацией и от этого никому не интересный.

Вот после прорыва все изменилось, но как именно изменилось — аж до недавнего времени никто не знал. Большой выброс в конце минувшего уже августа поменял расположение аномалий — вот тебе, сталкер, свежий путь на Лиманск. На открывшуюся территорию, некопаную и непотрошеную, сейчас, судя по радиопереговорам и сообщениям, ломались все, включая «Свободу», наемников и «Долг». Ни к чему себя обманывать, возможность столкнуться с людьми Ремезова там была. Обитало нас всех в Зоне, включая героев и отморозков, чуть более полутысячи. Среди пяти-шести сотен людей, загнанных судьбой на не очень большой кусок земли, рано или поздно я должен был встретить всех тех, кого искал сам, и тех, которые искали меня...

- Слушай, Моро, пожрем, что ли... Мясо как раз запеклось.

Мы съели эту плоть возле костра и сложили вещи. Путь на Лиманск проходил чуть восточнее бывшего озера Янтарь, теперь превратившегося в заболоченную лужу. По левую сторону дороги сосново-дубовое редколесье переходило в гряду песчаных дюн. Желтые бока дюн, хорошо видимые в бинокль, неестественно блестели на солнце. Песок, давно никем не топтанный, под влиянием ветра расположился волнистыми наплывами и местами пророс низкими пучками полыни. Место было красивое, не изуродованное руинами, но в своей красоте жутковатое. Свистел ветер. Пыль хрустела на зубах. Идти туда не хотелось, да и незачем было. Брошенный завод, сейчас не видимый за цепью холмов, слыл крайне мутным местом.

— Надо бы нам другую снарягу, получше, — поделился тревогой Лунатик. — Если под пси-излучение попадем, в комбезах «Заря» нам конец. У тебя деньги, Моро, есть?

Денег у меня, конечно, не оставалось.

— Поздно спохватился. Проще Янтарь обойти по правому краю.

— Если все-таки зайти к заводу, там можно комбез «Сева» дешево купить или выменять.

— У кого?

— У людей из бункера. Олесь рассказывал, ученые там месяц как намертво засели. Снаряга отличная, а бойцов мало. Выходить наружу бояться. Кое-кто вышел, обратно не пришел.

— Откуда они там вообще взялись?

— Навербовали для исследований и «вертушкой» забросили.

— А бункер откуда?

— Он там давно.

Предчувствие подсказывало, что сомнительный Янтарь лучше обойти стороной.

— Ну, как хочешь, — печально отозвался Лунатик. — Так дешево уже нигде не купить.

Мы шли и шли, и чем севернее, тем тревожнее выглядело окружавшее нас безлюдье.

— Не то что пацанов, даже собак нет.

— Не буди лихо, пока оно тихо. Собак очень надо? А зачем? Тут через пять километров почти целый хутор будет. Если что, в нем остановимся до утра.

Лунатик, не слушая, продолжал возиться с рацией, переключаясь между частотами, и я понимал, почему. Выброс, пришедший без радиопредупреждения, на открытом месте быстро делает человека «паленым». Лунатик очень хотел жить и хотел дойти до Лиманска — только и всего.

— Погоди-ка... Есть!

Сквозь свист и хрипение помех теперь прорывался искаженный до неузнаваемости голос, но это оказалось не предупреждение, а сигнал SOS от сталкера, который погибал всего в километре от нас.

— Ну, вот и доискались...

На такие сигналы можно и не отвечать, но не мешает при этом помнить — сегодня ты не поможешь, завтра тебе не помогут.

— Что там у него?

— Не понял, он теперь молчит.

— Ладно, пошли туда, если что, ты меня прикроешь, — приказал я Лунатику.

Мы бежали так быстро, как могли, до тех пор, пока за изгибом местности не открылась широкая поляна, поросшая по краям лещиной и можжевельником.

В середине поляны колыхалась серовато-бурая масса, по рассмотрении оказавшаяся стаей псевдособак. Звери с чавканьем и прерываемым рычанием возились над неподвижным телом. Еще два покойника замерли в изломанных и перекрученных позах. Люди были загрызены насмерть, но из-за прочности экзоскелетов пока почти не обглоданы.

Псы, от многочисленности наглые, почти не обращали на нас внимания. Один из монстров выглядел необычно — нагая жилистая спина с выступившим на поверхность позвоночником и следами гниения на коже. Удлиненная голова оказалась противогазом, сдвинутым на макушку. С обернувшегося лица на нас смотрели пусть искаженные и безумные, но все же до сих пор человеческие глаза, почти человеческая глотка издала крик, похожий на довольное уханье...

— Снорк.

Снорк, очевидно, кормился вместе со стаей, участвуя в загонной охоте на случайную дичь и пожирая потом свою долю. Сейчас он потянул воздух носом и боком двинулся в нашу сторону, припадая на изуродованные мутацией руки будто на передние лапы.

— Прикрывай, он сейчас сзади зайти попробует.

Красноватая, оплетенная сухожилиями и будто освежеванная туша снорка метнулась к нам с невероятной скоростью, пули из АКМ Лунатика ушли в нее без всякого видимого эффекта, однако задетый снорк отпрыгнул в сторону, сделав кульбит. Пристрелить его из дробовика я не успел. Обступив нас со всех сторон, псевдособаки завывали в предвкушении новой добычи. Их широкие морды больше походили на львиные, с высунутых языков стекала слюна.

— С псами сам разберусь, — тихо сказал Лунатик. — Снорк тебе.

Напарник с удивившей меня ловкостью заскочил на соседний валун. Камень был крупный, почти двухметровой высоты, с заметными выбоинами. Для собачьих лап он представлял собой непреодолимую преграду. С этой позиции Лунатик принялся одиночными выстрелами отстреливать псов по очереди.

Снорку, с его феноменальной прыгучестью, валун не мешал, мутант было двинулся в ту сторону, но вдруг передумал и набросился на меня.

Хотя я целился из «Чейзера» с очень близкого расстояния, выстрел опять пришелся в пустоту, тварь оказалась слишком быстрой и уже заходила сбоку. Через секунду снорк сбил меня на землю. Пасть придвинулась вплотную, когти вцепились в комбинезон, разрывая его в бессмысленных, но яростных попытках сломать бронежилет, как ломают ребра. Дробовик я выронил, нож вытащить не получалось — все мои возможности уходили на то, чтобы не позволить монстру, отстав от бронежилета, нацелиться мне в глотку. Мы оба, эта пародия на человека и я, катались по земле, он был тяжелый, твердый, как резина, и вонял падалью.

Внезапно снорк обмяк, и я отвалил тушу в сторону.

Нож Лунатика застрял между позвонками снорка, перерубив нервный ствол. Парализованный мутант продолжал смотреть глазами, в которых звериная тоска смешивалась с последними остатками человеческого отчаяния.

Я поднял «Чейзер» и пристрелил это существо в упор. Оно дернулось и затихло.

— Ты в порядке? — спросил Лунатик.

— Да, спасибо.

Расстрелянные псевдособаки пушистыми комками свернулись неподалеку. Я обратил внимание, что на каждую из них Лунатик потратил по одному патрону, реже — по два. Все пули точно вошли в шею или в голову.

— Хорошо стреляешь.

— Это не я, это моя интуиция.

Мертвый снарок меньше, чем при жизни, походил на зверя. Я осмотрел тушу. Без сомнения, существо когда-то было человеком. Одежду он почти всю сорвал с себя за ненужностью, но по непонятным причинам оставил противогаз. Некое подобие жилета из маскировочной ткани еще сохранилось на туловище. Сзади оно, изодранное когтями и измочаленное зубами псов, давно превратилось в узкие полосы лохмотьев, но на груди более-менее уцелело. Большой карман, аккуратно застегнутый на большую пуговицу, заметно топорщился.

— Что там? — с любопытством спросил Лунатик.

Я вытащил «добычу». Ею оказались раздавленный в лепешку диктофон, черный кожаный абсолютно пустой бумажник, блокнот, ручка и визитная карточка, на которой под слоем грязи и засохшей сукровицы еще можно было разобрать надпись:

*Thomas N. Baker
Science reporter
Foreign news dept
BBC*

— Мы с тобой, кажется, бывшего британского телевизионщика оприходовали. Того самого, которого сталкеры накануне исчезновения видели с Барханом.

— У него даже коронки на двух зубах уцелели, — печально буркнул Лунатик, вытирая пальцы о голенище сапога.

Карточку я сунул в карман, но остальные вещи сразу выбросил. Возможно, для осиротевшей семьи Бейкера они и представляли сентиментальный интерес, но место в моем рюкзаке стоило сохранить для жизненно необходимого груза.

— Ладно, пошли. Неплохо бы к вечеру добраться до хутора.

Мы двинулись дальше под начинавшим медленно сереть небом. Косые тени воронов, который уже слетались на пададь, черными пятнами ложились на чахлую траву.

Лунатик сегодня вел себя героем и сильно меня озадачил. Хотя боевиков Йоги он и страшился до паники, но с мутантами расправился хладнокровно, быстро и эффективно, серьезно опередив даже меня. Я понял, что Лунатик не станет обузой, по крайней мере пока дело не коснется схватки с человеком.

— Интересная история вырисовывается, — начал он на ходу. — Если все считают, что наемник Бейкера убил, значит, это не без причины. Убил — не убил, а вот отвести его в такое место, где снаряками становятся, Бархан мог вполне. Запинка только в том, что про это место и про физиологию создания снарков никто ничего не знает. Значит, об этом знает один только Бархан? А откуда он может знать? Наемники ребята крутые, но больше в ликвидациих, а по Зоне ходят плохо.

Лунатик был прав, но на эти соображения мне было наплевать, как, впрочем, и на самого Бархана. История крысы, затесавшейся в «Долг», была гораздо интереснее. Я много думал об этом, пока отлеживался в госпитале у Кости, и позднее, у диггеров, тоже. Мнение мое понемногу переменялось, и Ремезов теперь выглядел идеальным кандидатом на роль предателя. В организацию он явился, перебежав от военных, после истории, каким-то образом связанной с нелегальной торговлей оружием на Кордоне. Работать на «Свободу» у него, на первый взгляд, не было никаких причин, если бы не один вспомнившийся мне старый случай.

Ремезов держал под кроватью ящик. Он его никогда не открывал, по крайней мере при мне, но однажды я заявился не вовремя и видел, как он поспешно защелкивает замок. Через

день мне попалась стеклянная капсула без маркировки, которая закатилась в щель между плитами пола. Стекляшка хрустнула под ботинком и раскрошилась. Присматриваясь к Ремезову позднее, я замечал у него резкие перепады настроения и расширенные зрачки, он вообще был парень дерганный и крайне активный. Меня с тех пор сильно недолголюбивал и отношение свое не скрывал. Зависимость от психостимуляторов, если она существовала, конечно, могла сделать Ремезова крысой.

Но было ли это на самом деле так?

— Эй, Моро, ты ничего не чувствуешь? — спросил меня внезапно Лунатик.

Я резко остановился, доверяя его интуиции.

— Включи «Велес», — сдавленно прошептал он.

Детектор, доставшийся мне от Лиса, я часто держал выключенным, экономя заряд аккумулятора и доверяя своему напарнику. Однако сейчас, в начале наступившего вечера, я и сам ощущал сильную, непонятно чем вызванную тревогу. Было слишком тепло для октября и очень тихо. Воздушное марево подрагивало впереди над дорогой, хотя это дрожание уже терялось в подступавших сумерках.

Пожалуй, подрагивало оно слишком сильно.

Включенный «Велес» затрещал будто обезумевший сверчок.

— Кинь туда болт.

В ответ на бросок взметнулся фонтан огня. Раскаленный воздух тронул и слегка опалил кожу на лицах.

— Давай еще.

Болт, кинутый немного в сторону, вызвал появление еще одного огненного столба. Третий болт, брошенный на десять метров вправо, привел к такому же результату.

— Мать вашу, — пробормотал Лунатик.

Багровые отблески плясали на его худой, расстроенной физиономии.

— Попробуем обойти с востока?

Ситуация не изменилась через пять минут хода. Не изменилась она и через полчаса. Местами вместо «жарок» мы натыкались на «трамплины», пару раз едва не влетели «мясорубку», один раз — в «кислотный туман».

— Их тут раньше не было.

Ночь наступала очень быстро. После нескольких попыток найти проход мы остановились, оказавшись уже довольно далеко от дороги.

— Я же говорил, надо идти на Янтарь!

Он был прав, но вернуть несколько зря потраченных часов я уже не мог.

— Давай рванем туда напрямик через холмы.

— Там дороги нет.

— Значит, без дороги.

Он хорошо понимал, что я имею в виду.

— Ладно, что теперь делать... поздненько метаться.

Мы, не сговариваясь, побежали в сторону западной гряды холмов «волчьей рысью». Сто шагов бегом, еще сто — быстрым шагом, и так снова и снова. Ущербная луна зависла над горизонтом. Гряда холмов приближалась. Через четверть часа мы карабкались по склону, и песок осыпался у нас под ботинками. На вершине оказалось прохладнее, чем внизу, и даже пахло полынью, отсюда открывался вид на территорию вокруг иссохшего Янтая. Остатки озера светились тревожным аномальным мерцанием. Мертвая громада брошенного завода, обнесенная бетонной стеной, напротив, оставалась темной.

Рация Лунатика вдруг ожила, незнакомый хриплый голос на фоне помех пробормотал:

«Пять минут до выброса... Внимание! Только пять минут до выброса...»

Мы бросились бежать и скатились вниз в лавине песка, потревоженных камней и вырванной с корнем сухой травы.

Бетонная ограда выглядела цельной, ни единого признака ворот или хотя бы пролома. Повернув наугад налево, я уже не обращал внимания на «Велес», даже не слышал, сигналит

он или нет. Попадись под ноги аномалия, мы бы погибли, но близкий выброс уже не оставлял времени осторожничать.

Забор тянулся и тянулся будто бесконечный.

— Не могу больше, — задыхаясь, сказал Лунатик.

Я только толкнул его вперед.

«Одна минута до выброса... Внимание! Осталась одна минута, всем укрыться...» — хрипела рация. Пульс стучал в висках, луна расплывалась в небе, создавая размазанную череду гало.

— Давай!

Я волок Лунатика за собой почти наугад. Забор внезапно кончился, оборвавшись дырой проема, мы свернули направо и едва устояли, когда под ботинки попало что-то мягкое. Было не до того.

— Вон там бункер.

Массивная дверь находилась всего в десяти шагах. Она могла оказаться заперта, но я ударился об нее корпусом с разгона, тяжелая створка отворилась неожиданно мягко, мы ввалились внутрь, мгновенно очутившись среди крошечной тьмы и в спертом воздухе подвала.

Всего через секунду ударило.

Глава 8. Бункер

Начало октября 2011 года, бункер на территории «Янтаря».

Глубокой ночью от двери потянуло холодным воздухом с привкусом химии. Лунатик, не обращая внимания на такие мелочи, беспробудно спал на железной койке, прикрыв глаза грязной ладонью. Я проснулся, встал и поднялся по ступеням вверх. Светила ущербная луна. Человек замер на пороге, он напряженно всматривался в темноту внутри бункера, шлем при этом отстегнул от комбеа и держал в руке. Это был мертвый Полозов.

Полозов постоял будто бы в задумчивости, а потом повернулся и исчез, ступая уверенно и вместе с тем осторожно, как это бывает у сталкеров. Я не стал его окликать, а вместо этого решил незаметно пройти следом, для чего вернулся назад за «Чейзером» и патронами. Лязг железа разбудил Лунатика.

— Ты чего дергаешься? — спросил он меня недовольно и спросонья потер испачканной пятерней лоб.

— К нам тут гость нагрянул... интересный.

— А ты уверен, что он вообще здесь был?

— Не понял.

— У тебя глюк, Моро. Ты дверь сам изнутри закрывал, разве не помнишь?

— Пси-излучение?

— Ага. Я знаю, так бывает — начинает вдруг звать куда-то. Иногда кажется, что зовут люди, иногда — никого нет, но голос все равно зовет. У меня раньше так было, — сказал Лунатик и добавил: — Зря мы с вечера бункер как следует не обыскали.

— Сейчас и проверим.

Я, взяв фонарик, пошел вдоль по коридору. Луч света выхватил из темноты сначала бетонную стену, потом пыльные ящики и остатки полуразобранного оборудования в углу. Вентиляция не работала. Поднятая ботинками пыль плясала в конусе света.

— Интересно, вода у них до сих пор есть?

— Ну, едва ли. «Янтарь» радиоактивный. Артезианских скважин тут нет. Может, им воду с Большой земли завозили? А потом перестали, и они ушли?

— Не знаю. Во всяком случае, уходили отсюда быстро.

Коридор уперся в тупик.

— Моро! Тут кто-то есть.

— Ага... комбинезоны «Сева» на стойках.

В закутке, отгороженном сеткой, маячили четыре массивных силуэта. Они не двигались и никак не реагировали на чужое вторжение. Чумазий, весь в саже и пыли Лунатик захохотал.

— Надо бы переодеться в «Севу», — отсмеявшись, добавил он. — Хотя бы внешнюю телепатию ослабит.

На мой взгляд, Лунатик галлюцинациями пока не страдал, а вот моя воображаемая встреча с Полозовым ничего хорошего не предвещала. Каким-то непонятный образом «Янтарь» выудил из моих мозгов основную цель и самую сильную тревогу последних дней. Ведь боялся я не расправы Крылова, не отморожков Йоги и даже не снайпера, который караулил на Кордоне, а только того, что так и останусь в глазах сталкеров крысой.

— У меня тоже было такое, — рассказывал тем временем Лунатик. — Лежу я ночью в руине, слышу, оно меня зовет. Ну, думаю, не пойду, знаем мы эти фокусы. Попытался дальше спать, слышу, меня товарищ окликает... Очнулся — оказывается, уже не сплю, а стою в десяти метрах от костра, как оказался там — не помню... Видимо, так в забытии и ушел. Не останови меня Пашка, забрел бы неизвестно куда и навсегда потерялся.

— А где он сейчас?

— Пашка? В «концлагере» умер.

Лунатик замолчал.

— Пусто что-то в бункере, но вроде бы ни следов разборки, ни трупов.

— Да, странновато. Или всех ученых на Большую землю «вертушкой» забрали, или сами куда-то ушли. Дальше-то что будем делать?

— Ты завод хорошо знаешь?

— Внутрь территории раньше не ходил. Одно могу сказать — тут опасно. Даже очень.

— По восточной дороге, сам знаешь, не пройти.

— Хорошо, попробуем здесь. В Лиманск все равно нужно пробираться. Если этот самый Полозов жив, вот увидишь, Моро, и он там окажется. Место такое, сейчас все туда тянутся.

...Вчерашняя гонка по холмам нас замотала, хотелось просто отключиться на оставшиеся часы, однако над словами Лунатика я задумался. Суда по всему, цепь аномалий на восточной дороге возникла недавно. Шли ли сталкерские группы на Лиманск, или возвращались оттуда назад, они теперь вынуждены были огибать эту дорогу по окрестностям «Янтаря». Место и в самом деле было крайне странное, с нехорошей славой, по сути, бывшее дно сократившегося в размерах озера. С заброшенным заводом дела тоже обстояли нечисто. До недавнего времени там работала установка, усиливающая пси-активность, потом слухи о ней улеглись, а возможно, устройство кто-то отключил, но сталкеров к тому времени пропало уже немало. Скорее всего зомби, убитый мною во время бегства с базы Крылова, тоже забрел с «Янтаря». Убрал кто-то зловредную установку или нет, но пси до сих пор тут пошаливало, моя иллюзия с воскресением Полозова говорила как раз об этом.

Хотя в бункере было душно, я попытался спать прямо в комбинезоне. Помог «Сева» или нет, но Полозов больше не приходил, зато я увидел кошмар, в котором бессмертный snork горел, не сгорая, в самой середине «жарки»...

За ночь вода в бутылках почти кончилась, в убежище ее так и не нашлось. Лунатик окликнул меня, и я вслед за напарником вылез из бункера на поверхность.

— Вот обо что мы тут спотыкались вчера в темноте.

В разных местах площадки на утопанной земле и жухлой траве валялось полдюжину трупов, все эти люди погибли от пуль примерно сутки назад, сталкеры и зомби вперемешку.

— Надо патроны забрать, все равно зря пропадут, и ребят в сторону оттащить. Знаешь тут кого-то?

— Нет. Это новые, с Кордона.

— Снайпер поработал. Хотелось бы знать, чей.

— Или бандитов, или отмороzkов, которых даже бандиты повыгоняли, — со знанием дела объяснил Лунатик. — Больше никому. Ни «Долг», ни «Свобода» нейтралов не трогают, а военные здесь не ходят.

— Могли эти сталкеры друг друга поубивать?

— Это да... Нашли ребята хороший артефакт, могли и поругаться. Поругались-подрались... Мало ли что тут было. Но я смотрю — бутылок нет ни на земле, ни в бункере. И подстрелили всех пятерых по одному принципу.

Я подначил Лунатика вопросом, чтобы проверить его сообразительность. Зачем проверял — сам не знаю. Мне-то картина случившегося сутки назад представлялась предельно ясной. Всех пятерых, засев на крыше завода, положил один и тот же снайпер. Первому сталкеру он специально прострелил колено. Сбежавшихся на крики напарников раненого сразу ликвидировал, а потом добил и его самого. Зомби поплатились за то, что, как это обычно бывает, явились на звуки перестрелки и бестолково топтались неподалеку, а поэтому мешали забрать хабар.

Откуда бы ни явился этот неизвестный снайпер, был он порядочной сволочью, а убитые — зелеными нейтралами, не участвовавшими в войне группировок. Возле одного из покойников до сих пор валялась винтовка СВмк-2, он не сумел пустить ее в ход, да и толку в снайперке, если стоять на открытом месте, никакого.

— Я ее возьму, — сказал мне Лунатик.

— Давай. И сразу отойди так, чтобы тебя с крыши не было видно.

— Думаешь, он все еще там?

— На месте прежней засады — это едва ли... А вот где-нибудь еще неподалеку — это вполне.

Мы переместились вплотную к бетонному забору. Убитых было жаль, но всех в этом мире не пожалеешь. Утро занималось мутное, окрашенное дымкой, которая двигалась со стороны пересохшего и зараженного озера. Деревья там все как одно стояли мертвые, сухие. Чем ближе к этой радиоактивной луже, тем сильнее покореженные. Скорее всего на берегу самого Янтара можно было разжиться неплохими артефактами, но искать их под прицелом снайпера я особого желания не испытывал.

— Ну как — дальше пойдем на север? — сдавленно прошептал Лунатик.

Он, похоже, только сейчас полностью оценил опасность. До завода оставалось метров сто бега по открытому пространству. Стоило отойти от забора, и мы оказались бы как на ладони.

— Двинемся, но осторожно. Заметил? Когда мы обшаривали трупы, он не стрелял.

— Почему?

— Возможно, устал и поспать решил. Или ждет кого-то конкретного, или дымка от озера ему мешает. Но если полезем напрямик, наверняка пули для нас не пожалеет. Ты насколько хорошо из снайперки стреляешь?

— До двухсот метров — нормально.

— Тогда, не высываясь, найди себе позицию.

— А ты?

— Сейчас увидишь.

Я понимал, что сильно рискую, причем не только собой. В одиночку Лунатик был обречен, как был обречен в Зоне почти любой сталкер без напарника. Несмотря на все эти соображения, топтаться на месте без воды и возможности вызвать подкрепление было глупо, а возвратиться назад, на «Агропром», — невозможно без еще большего риска.

Я выждал, пока Лунатик займет позицию возле щели между бетонными плитами, потом отошел подальше, отыскал похожую щель и устроился возле нее с биноклем. Крыша и стены заводского корпуса просматривались хорошо. Окон в заводской коробке не было — ни верхних, ни нижних, никаких. Кое-что полезное мне все-таки удалось понять: чтобы подстрелить людей у бункера, тому, кто находился наверху, пришлось бы выдвинуться к самому краю крыши и укрыться за разбросанным там хламом. Возможных позиций там

имелось несколько, однако со стороны все смотрелось спокойно. Не было заметно ни блеска оптики, ни единого шевеления, вообще ничего подозрительного.

Держась возле самого забора и не высовываясь, я попытался поискать другие проломы, но так ни одного и не обнаружил, зато уперся в непроходимые завалы и ограду, опутанную колючей проволокой. Дальше идти было некуда. Проход на север снайпер перекрывал на все сто. На поиски ушло около часа, к этому времени полностью рассвело, туман рассеялся, отравив напоследок воздух. Солнце безжалостно заливало местность, делая заметной малейшую деталь.

— Ну как? — тихо спросил я у Лунатика, когда вернулся.

— Ничего, — прошептал он почти беззвучно в ответ.

Под ярким солнцем тропа за проломом внезапно показалась совершенно безобидной, будто вчерашний снайпер растаял мороком, так же, как призрак Полозова. Идея о том, что опасения пустые и впереди чисто, была заманчивой, но вестись на нее все же не следовало.

— Сейчас проверим.

Я, стараясь не высовываться, возвратился в бункер, добрался до кладовки за перегородкой из сетки и снял с оставшегося там еще одного комбинезона шлем. После этого нашел в куче хлама хороший, прочный кусок арматуры и со всей добычей вернулся к пролому.

Трюк был старым и мог не сработать.

Оставалось надеяться, что засевший на крыше стрелок не принимал гражданских стalkerов всерьез.

Лунатик подал мне знак: «начали».

Я аккуратно выставил в пролом край надетого на кусок арматуры шлема, стараясь держать его лицевым щитком вперед. В ту же секунду пластик треснул, пробитый пулей. Выстрел оказался беззвучным, наверняка убийца использовал глушитель. В какой-то мере это радовало — дальность точной стрельбы у него неизбежно оказывалась не ахти.

Пробитый шлем я постарался уронить понатуральнее.

— Все, засек, — шепнул мне напарник, как только я перебрался к нему поближе.

— Снять сумеешь?

— Сложно. Он за мешками, козел, залег. Мешки, похоже, с цементом или с песком.

— А если высунется?

— Тогда уберу. Но он не высунется, незачем.

— Ничего, причина появится.

Я шепотом изложил Лунатику свои соображения. Потом мы сверили часы.

Вместо «Чейзера» я взял с собой АКМ Лунатика, патроны рассовал по карманам «Севы». У завалов с северной стороны снайпер меня видеть не мог, однако вершину забора тут украшал тройной ряд колючей проволоки на стойках. Забор, впрочем, был не бетонный, а из силикатного кирпича, причем кладку за двадцать с лишним лет подточили выбросы и непогода.

Я отыскал несколько небольших выбоин и, задействовав полузабытые навыки скалолазания, добрался до самого верха, а там перерезал колючку, от души надеясь, что по ней не пропущен ток.

На гребне ограды задерживаться не стоило, пришлось слезть на заводской двор, который оказался пустым и грязноватым, хотя внутренняя территория завода еще сохраняла некое подобие порядка и более-менее уцелела. Много месяцев та самая пси-установка, которая плодила зомби, заодно мешала мародерам хозяйничать в «Янтаре». Теперь ее влияние сошло на нет, и появление снайпера на крыше являлось первым признаком схватки за «очищенную» территорию. Снайпера я собирался убить. Хотя бы для того, чтобы он не убил нас с Лунатиком. Однако я отдавал себе отчет, что очень скоро это удобное место «на тропе» займет очередной отморозок. Действовать, впрочем, следовало быстро и эффективно, а главное, незаметно. Я перебежками добрался до центрального корпуса, а потом, перемещаясь вплотную к стене, отыскал дверь с проржавевшим и оттого не прочным

замком. Чтобы открыть ее, хватило бы и пинка, но шуметь без надобности не стоило, поэтому я потратил драгоценные минуты, ковыряясь в замке.

Несмотря на все усилия, створка отворилась с хрустом и скрипом, осыпая бетон хлопьями ржавой трухи. Я замер, прислушиваясь, не раздастся ли внутри здания стук чужих ботинок. Будь у снайпера напарник, обученный ближнему бою, наши с Лунатиком шансы сейчас стремительно катились бы к черту, но на скрип так никто и не выглянул.

Цех изнутри представлял собой высокий зал с искореженными остатками техники. Металлическая лестница соединяла нижнее помещение с галереей, которая шла вдоль внутреннего периметра примерно на десятиметровой высоте. Еще одна такая же лестница вела от галереи на крышу. Верхний люк сейчас был распахнут, квадрат света из него падал на пол в двадцати шагах от меня.

Ступени металлических лестниц подточила ржавчина. Время от времени они зловеще пошатывались под ботинками. Пыль и труха выглядели нетронутыми, так что снайпер на крышу проник явно другим путем. Добравшись до галереи, я бегом проверил все подсобки второго яруса. Они очень давно стояли разгромленными, с выбитыми дверьми. Ниши для вещей опустошили, местами даже выворотили. Электропроводку тут без церемоний рвали с мясом, концы кабеля то свисали с потолка, то торчали из стен будто перерезанные вены. Пахло нашатырем и гнилью. В самом углу, в отсеке, отведенном для душа, обнаружился человеческий скелет. Скелет сидел «в позе мыслителя» уже несколько лет, так что спецовка истлела, а кости побелели и очистились. Безглазый череп отвалился от хозяина и лежал рядом, весело скалясь в пустоту. Среди всеобщего разгрома на относительно чистой бетонной стене уцелела надпись «Микола лох» и еще полдесятка ругательств...

Я убедился в главном — засады позади не осталось. Последние метры лестницы, ведущей на крышу, оказались прочными, я прошел их медленно, совершенно беззвучно и осторожно выглянул в люк...

...Снайпер лежал так, как мы с Лунатиком и подумали, — в укрытии за мешками с песком. Он все же почувствовал мое присутствие и дернулся, пытаясь развернуть в мою сторону громоздкую снайперскую винтовку. Сделать это он, конечно, не успел — я срезал противника очередью из АКМ. Видимо, некое подобие справедливости существует даже в Зоне — не особо целясь, я случайно попал ему в колени. Парень теперь испытывал то же самое, что и его расстрелянная накануне жертва. Он дернулся, отшвырнул винтовку, завопил, хватаясь за ноги. Вопил он громко и не переставая, одним словом, проблему для нас составлять перестал.

Однако это не означало, что все теперь в порядке.

Еще одна фигура, на этот раз в тяжелой защите, вывернулась непонятно откуда. В ту же секунду враг навскидку разрядил в мою сторону обойму «Макарова». Пара пуль попала в бронежилет «Севы» и застряла в нем, ощущение от удара в ребра получилось крайне паршивое. Я потратил остаток патронов из обоймы АКМ, пытаясь пробить броню чужого экзоскелета, но без видимого успеха. Враг тем временем бросил разряженный пистолет, поднял винтовку раненого и навел ее на меня. За ошибки платят. За предсказуемые ошибки платят вдвойне. Бронежилет «Севы» против пули от снайперки помог бы мне не больше, чем аспирин помогает от чумы. Я находился на открытом месте и понимал, что сейчас умру. Враг стоял там, где поднял винтовку, глухая маска экзоскелета полностью скрывала его лицо. Это было иллюзией, но мне показалось, будто я вижу, как палец «замаскированного» сгибается, доводя курок.

В этой позе и застиг его выстрел Лунатика.

Пуля отыскала слабое место — шов на стыке шлема с броней со стороны затылка, пробила его насквозь и вышла через правую щеку маски. Массивное тело, упакованное в тяжелую защиту, медленно, очень медленно развернулось, согнулось и рухнуло через невысокое ограждение крыши, в позе «ныряльщика» и головой вперед.

Он пролетел вниз метров двадцать, а потом, уже на земле, с грохотом врезался в кучу металлолома.

«Ты в порядке, Моро?» — спросил Лунатик по рации.

— В порядке, молодец, давай быстро сюда.

Раненный мною наемник уже устал орать, он теперь только глухо подвывал.

Я присел рядом на корточки.

— Кто тебя послал?

Он ответил мне длинным, добротным составленным ругательством, но произнести его сумел только сквозь слезы. Парень был без шлема. Лицо у него было совершенно белое и искаженное до неузнаваемости. Впрочем, я и так едва ли его знал.

— Ты мне хуже, чем есть, уже не сделаешь, — прохрипел он, сплюнув в мою сторону и откашлявшись. — Больно, черт. Ты мне колени перебил.

— Не сделаю? Ну-ну, да ты у нас оптимист.

— Ненавижу вас всех! И тебя, сучара, и Бархана...

— Бархан — это кто?

Снайпер, продолжая плакать, захохотал. Он отнял руку от окровавленной штанины и попытался вытереть глаза, но вместо этого оставил на щеках полосы размазанной крови.

— Это тот, кого твой дружок сейчас подстрелил. Только вот... Не, я так не могу... Ненавижу, суки!

Снайпер не смог продолжить. Сквозь все, что он пытался сказать, прорывался неудержимый крик. Лунатик тем временем уже вскарабкался по пожарной лестнице, и его ошеломленное лицо появилось над краем крыши.

— А это кто такой?

— Второй шиш на ровном месте нашелся. Их тут двое было.

— Надо ему вколоть промедол, иначе не заткнется.

Тратить противошоковое из наших и так не сильно больших запасов на эту мразь мне не хотелось, но Лунатик был прав. Минут через десять после укола снайпер притих, даже попытался уснуть, но я как следует встряхнул его за плечи.

— Ладно, пообещай, что отпустишь, тогда скажу... — вяло пробормотал он.

— Смотря что скажешь. Если важное — отпущу.

— Важное, важное... Ты ведь Моро? У Бархана на тебя заказ. А я с ним так... за компанию. Деньги были нужны.

— А сталкеров возле бункера зачем положили?

— Мешали. Мы из-за них, чтобы не рассекретиться, дернуться не могли. Говорил я Бархану, надо было трупы убрать... Сначала не успели, потом вы приперлись.

— Кто меня заказал?

— Не знаю.

— Раз не знаешь, не отпущу, и уговор не действует.

— Черт! Да ты псих! Сам подумай, кто из наших, пусть даже напарнику, секретного заказчика сдаст? Не говорил мне ничего Бархан... Не говори-и-ил! О-о-о!

Хотя промедол действовал, наемник принялся дергаться, изображая приступ боли. Я отошел в сторону, чтобы перезарядить АКМ.

— Убьешь его? — прошептал Лунатик.

— Нет, помилую!

— Не злись.

— А ты зачем спрашиваешь, если сам все понимаешь? Хочешь этого отморозка, который ребят добивал и калечил, лечить, кормить, на себе до госпиталя тащить? Да он по дороге сдохнет. А если не сдохнет, пожалуй, тебе спасибо потом скажет. При случае, пулей в голову...

Лунатик не спорил, но заметно расстроился. Несмотря на время, проведенное в Зоне, и жестокий опыт «концлагеря», в нем до сих пор оставалось что-то от ботаника. Снайпер уже понял, что его ждет. Он перестал кричать и просить, просто смотрел в направленное на него дуло автомата расширившимися зрачками. В последние минуты игра с наемника соскочила

начисто, не осталось в нем ни страха, ни надежды, ни смирения — ничего, кроме изначальной жестокости. Я вдруг понял, что этот человек мне врал — возможно, от самого начала и до конца.

— Ты, главное, труп Бархана поискать не забудь, — с поганой усмешечкой пробормотал он. — А то вдруг трупа-то на месте не окажется...

— Что?

— А то...

Мы оба, Лунатик и я, одновременно рванули к краю крыши и перегнулись через ограждение. Огромного тела, закованного в экзоскелет, на куче металлолома не оказалось.

— Держи второго красавца под прицелом, а я внизу проверю...

— Моро, погоди! Если он там...

— Я тебе сказал — стой на месте. Если что, сверху прикроешь.

Спускаясь по пожарной лестнице, я чувствовал себя очень неудобно — лицом к глухой стене, лопатками — в сторону возможного противника. Радовало только, что Лунатик начеку, а рухнул Бархан без ствола, но такой верзила и без ствола был не подарок.

Все происходящее выглядело более чем странно.

Человек, упавший с двадцатиметровой высоты, даже в броне переломает себе кости. Человек с простреленным затылком — и вовсе не жилец.

Уже внизу, держа ствол наготове, я тщательно осмотрел кучу железа. Темная кровь тут смешалась с ржавчиной, кровавая полоса, понемногу сужаясь, тянулась в сторону пролома. За проломом она исчезала совсем.

— Что там? — крикнул сверху Лунатик.

— Ничего, я возвращаюсь.

Я закинул АКМ за плечо и как можно быстрее вскарабкался наверх.

— Сбежал Бархан? — мрачно спросил Лунатик.

— Типа того. Ты это как-нибудь можешь объяснить?

— Нет.

— Может, у него спросим?

Я склонился над пленником и внезапно понял, что тот уже мертв. Был ли причиной так и не побежденный промедолом шок, сыграла ли роль потеря крови, но парень уже не дышал. Ошеломленный бегством «мертвого» Бархана, я без особого доверия отнесся к смерти его напарника — проверил пульс на шее и на запястьях, дыхание, зрачки, расстегнул комбез и нащупал сердце. Оно не стучало. Парень посинел, наверняка и без сомнения он был уже трупом.

Как бы то ни было, я не стал пускать судьбу на самотек и, предложив моему напарнику постоять в стороне, на всякий случай из «Чейзера» снес уже мертвому наемнику голову.

— Пошли отсюда.

— Куда?

— Туда, куда ты хотел, на Лиманск. Кстати, смотри в оба, неизвестно, на кого еще напоремся.

Территорию «Янтая» мы покидали через дыру в стене позади заводских корпусов.

— Смотри...

Я обернулся. Метрах в ста позади нас, выстроившись в унылую шеренгу, нога к ноге, плечом к плечу, сосредоточенно шагали на север зомби. Монстров было голов двадцать. Если бы не уродливое покачивание на ходу и не странное построение, я бы принял их за экспедицию хорошо организованной группировки.

— Красавцы...

— Да...

На нас сталкеры с выжженными мозгами не обращали никакого внимания. Возможно, лишившись привычного пси-сигнала, они ощущали недоступную людям смертную тоску и тоже отправилась в поход, чтобы отыскать местечко получше.

— Думаешь, Бархан вернется?

— Не знаю, — не совсем честно ответил я, оставляя напарнику некоторое подобие надежды. — Бархана от смерти экзоскелет спас. Лечиться он пошел, к Болотному Доктору или на Большую землю. Надеюсь, надолго там застрянет.

Сам я иллюзиями не тешился и понимал, что «неубиваемый» киллер объявится довольно скоро и самым неприятным для нас образом.

Глава 9. Факир

Октябрь 2011 года, дорога между Янтарем и Лиманском.

Из водоемов Зоны, в теории, пить не стоит, в тех, что погрязнее, ничего, кроме гадости и дряни, нет. В тех, которые чуть почище, можно найти такую интересную живность, как ядовитые караси размером с большую тарелку. Несмотря на все эти соображения, ручей, который удалось отыскать, не «светился», «Велес» не показывал никакой опасности. Мы остановились на дневку, и Лунатик замочил в набранной оттуда воде мой артефакт «медуза», уверяя, что это круто и для очистки, конечно, хватит.

Мне к тому времени стало уже все равно. Гораздо интереснее выглядели некоторые нестыковки в истории со снайперами на «Янтаре».

— Ты этого Бархана раньше встречал?

— Только один раз, на Кордоне, — сознался Лунатик.

— Как он выглядел?

— Ну, обычный мужик. Здоровый, неразговорчивый. Ходил в Зону или один, или новичка с собой брал. За элиминацию неудобных людей, по слухам, брал дорого.

— Экзоскелет он и тогда носил?

— Экзоскелета не носил, но он мог его и попозже завести.

— Еще что-то знаешь?

— Слухи о нем ходили... всякие. Новички, которые с Барханом уходили, часто не возвращались.

— Где он желающих брал?

— Где? Да везде! Подумай сам, Моро, тебе сталкер, который в зоне месяц, в напарники нужен?

— Нет.

— Тебе не нужен, мне не нужен, никому не нужен, все послали... А Бархан, лучший наемник Зоны, вдруг берет. Да они от радости за него шли в огонь и воду.

— Считаешь, он их и убивал?

— Вот вряд ли. Не берег, конечно, использовал как прикрытие — да. А убивать-то зачем? Я тебе вот что скажу... Бархан специалист солидный и для солидных задач. По идее, Моро, ты не та фигура, чтобы ради тебя нанимать Бархана. Крылову проще на твою ликвидацию своих людей послать. Йогу ты разозлил, но у бандитов другой стиль. Чехову ты фиолетов. Давай вспоминай, с кем по-нехорошему пересекся?

Я честно пытался это сделать, но не нашел в памяти ничего стоящего.

— Что это была за история с ликвидацией форпоста в Темной долине? — не унимался Лунатик.

— Да обычная такая история. «Свободовцы» ждали курьера с контейнером, мы с ребятами должны были посылку перехватить. Форпост положили весь, курьера так и не встретили.

— Что было в ящике?

— Не знаю. Я же его не видел, даже снаружи.

— Еще что-нибудь странное заметил?

Я рассказал Лунатику о своих подозрениях, но он встретил эту историю скептически.

— Слить информацию «Свободе» Ремезов, конечно, мог, если наркозависимый. Свалить предательство на тебя — тоже, по идее, мог. А вот нанять Бархана — нет.

— Почему?

— Ремезов кто — олигарх? На Бархана у него денег не хватит.

— С Барханом можно было рассчитаться содержимым ящика.

— Конечно, только делиться-то какой смысл? Скорее уж сам Бархан и был тот курьер. Смотри, Моро, как все логично получается... Бархан нес секретный ящик в Темную долину, но решил оставить его себе. Ремезову он за деньги или наркоту предложил помочь все свалить на тебя. В результате с точки зрения Чехова курьер убит «Долгом». С точки зрения «Долга» операция сорвана и ящик черт-те где. Хабар остается у Бархана, тебя ставят к стенке, и вопрос закрыт.

— Здорово. Только одна подробность не сходится.

— Какая?

— Экса несколькими днями позднее видел вполне себе живого Бархана на границе со Свалкой. Тот шел, не скрываясь, и паники этим не наделал.

Лунатику пришлось согласиться, его версия событий разваливалась на глазах. Я тоже начал сомневаться во многом, что до этого казалось правдой. Был ли Полозов на пороге бункера моим глюком? Был это настоящий Полозов или кто-то другой? Я строил предположения и не догадывался пока, к какому беспощадному ответу могут привести такие попытки.

— Давай тебе в шлем кусок сетки положим, — ни с того ни с сего посоветовал Лунатик.

— Зачем?

— Просто так, не повредит.

Его совет касался давно известной легенды про опасность снов глубоко в Зоне. Говорили, будто такие сны не поддаются пересказу, а иногда способны довести до помешательства.

— Ты же сам знаешь, что сетка — чушь собачья.

— Знаю. Получить пулю в башку, упасть с двадцати метров, а потом просто встать тоже нельзя. Ну и что?

— Зомби может упасть и не умереть.

— Бархан не зомби.

Лунатик помрачнел. Я не стал с ним спорить, нашел в рюкзаке кусок сетки, вырезал неправильной формы круг и, согнув наподобие шапочки, затолкал между прокладкой шлема «Севы» и его внешней оболочкой.

— Вот так, хорошо получилось, только отвяжись.

Лунатик тем временем вытряхнул из котелка «медузу», вернул ее мне, а воду перелил во фляги и большую пластиковую бутылку.

— «Зона минерале»...

Погода быстро портилась. Низкие слоистые облака наплзали с северной стороны. Дождь пока не начинался, последний выброс случился три часа назад, был коротким, и мы пересидели его в разрушенной трансформаторной будке, но на дневку в ней останавливаться не стали — «фонило» там чуть выше нормы для этих мест. Теперешнее место для дневки выглядело гораздо приятнее — обычная поляна, окруженная раскидистыми дубками. Случись вскоре еще один выброс, секция валявшегося неподалеку железобетонного коллектора могла послужить укрытием. Кто-то, проходивший тут до нас, выцарапал на поверхности бетона инициалы М.Ф. и неразборчивую, уже почти истертую дату.

— Ты историю про грузовик смерти слышал? — внезапно спросил Лунатик.

— Нет.

— На машинах по Зоне не ездят — бензин, который был, давно кончился, через военный кордон его таскать желающих мало. Да и опасно с машиной, из кабины болты не особенно покидаешь... Однако сталкеры Валериана один такой грузовик видели. Пер не к центру Зоны, а наоборот, от центра к кордону. В кузове какие-то люди, черт знает какие, но не наши. Сидят с оружием, в броне, и молчат.

— А смерть тут при чем?

— Машина у сталкеров на глазах ни с того ни с сего въехала в очень заметный «разлом», ну и... того.

— Псих за рулем.

— Смысла никакого грузовик психу давать.

— Может, зомби?

— Не знаю... Как ты думаешь, Моро, зомби можно вылечить?

— Не знаю. Некоторые верят, что можно, только стертые мозги уже не восстановить. Дураком будет.

— Понятно, значит, без возврата. А если бы я стал зомби, ты бы меня убил?

— Ну ты, брат, даешь... если бы ты стал зомби, ты бы меня вперед шлепнул, где мне с таким стрелком справиться... — ответил я слегка подначивая, и Лунатик больше не сказал ничего.

Вдалеке громыхнул гром. Струи дождя хлестнули по земле, траве и деревьям, взбаламутили поверхность ручья. Мокрая почва сделала заметной существование совсем неподалеку большой «электры». Чуть ли не сотня потревоженных небольших синих молний взорвалась разом, сбрасывая статику и наполняя мокрый воздух треском.

— Надо бы потом по краешку артефакты поискать, — обрадовался Лунатик.

Он везде и всегда искал их с азартом коллекционера-маньяка.

После взрыва «электра» притихла. Теперь на ее месте образовалась лужа, переполненная жидкой грязью. Мы обошли «электрическую» грязь стороной и перебрались внутрь коллектора, собираясь там переждать непогоду. Мой коммуникатор после взрыва статики вырубился, однако это мало что поменяло — область уверенного приема осталась далеко позади.

— А ты со своими в «Долге» связаться не пробовал? Написал бы им на КПК...

— Для чего?

— Ты разве не собираешься доказывать, что не виноват?

— Поздно писать письма, когда тебя уже к стенке ставят.

— А на мнение нейтралов плевать, значит?

Я не выдержал и захохотал. Дождь хлестал по трубе, наполняя ее протяжным гулом, брызги отлетали от бетонного кольца входа, падали на комбез и лицо.

— У нас тут война, а не тусовка ботанов. Не важно, что обо мне будут писать в сеть сопляки с Кордона. Важно то, что Крылову мои оправдания не нужны. Ему интересно, кто информацию «свободовцам» слил и операцию провалил. Пока других идей нет, для Крылова я — предатель.

— А Костино мнение?

— Костя меня терпеть не может и имеет на то свои причины.

Напарник больше с разговорами не лез, и это меня вполне устраивало. Неприязнь Кости была только составной частью того личного, что связывало нас троих — меня, Ингу и самого Костю, а Лунатика совсем не касалось.

Костя был по жизни циник, как это иногда случается у врачей, но с сестрой носился как с королевой и за нее любому глотку бы порвал. Меня же называл «придурком, годным только драться и стрелять», выражая этим свое мнение максимально точно. Эта заносчивость не мешала Косте до поры до времени оставаться вполне надежным товарищем. Однако после моего развода с Ингой странная дружба с ее братом кончилась дракой, подтвердив Костино мнение обо мне целиком.

Впрочем, факты вещь непреложная. Костя в том, что я не крыса, нисколько не сомневался. Просто, крыса или не крыса, ему было все равно.

— Плохо, когда тебе не верят... — глубокомысленно заметил Лунатик.

— Плохо.

— У нас почему-то всегда между верой и недоверием выбирают второе.

— Традиция такая в отечестве.

— Я бы хотел, чтобы мне верили...

— Угу. А я вот правильным людям верю, а неправильным — нет.

— Это пока ты так говоришь, потому что думаешь, что можешь их отличить.

— Да заткнись ты, Лунатик, и без тебя тошно, — сказал я довольно грубо.

Лунатик если и обиделся, то виду не подал. Он сидел бок о бок со мной, ссутулившись в намокшей снаряге, даже вроде порывался еще порадовать какой-то историей, но я не был настроен слушать.

Дождь прошел так же внезапно, как и начался. Почва быстро высыхала, становилось даже тепло, несмотря на то, что шли уже первые дни октября. Пора было уходить.

— Давай «электру» обобщем напоследок...

Я включил «Велес», и мы подняли артефакт «вспышка», который Лунатик тут же заныкал в карман.

Дальше мы шли гуськом, собираясь держаться прямой дороги, на которой до сих пор сохранился растрескавшийся асфальт. Сквозь этот серый панцирь постоянно с невероятным упорством пробивалась трава. Ее топтали берцами все проходившие здесь мужики, поливал зараженный дождь, временами накрывали выбросы. Тем не менее то здесь, то там поверхность асфальта бугрилась от пытавшихся пробиться наружу растений. В октябре эта трава увядала до весны, но кочки оставались.

— От радиации растет.

— Тут подальше в кусты — грибы по килограмму и ягоды с большой орех размером.

Что бы там ни росло, и сегодня, и завтра есть нам предстояло «почти не просроченную» тушенку и сухари, которые и прочностью, и вкусом напоминали бетон.

Остатки дождя уже полностью испарились, дорога на север пролегла точно по стрелке компаса, казалось, будто ее врезали в эти пологие холмы, заросшие терном, жимолостью и местами — приземистой сосной. Правее и дальше на северо-востоке располагались старые армейские склады и пара примкнувших к ним заброшенных поселков. Поселки и сам склад слыли мутным местом, лезть на рожон не стоило, я настоял на том, чтобы обойти их по краю.

Это было и плохо, и хорошо. На открытом пространстве шоссе мы меньше рисковали влететь в аномалию, но сами становились удобной мишенью для любого противника, включая обычных мародеров. Уцелей у Бархана напарник, этому напарнику ничего не стоило устроить засаду на нас в руине на обочине, а то и прямо в кустах.

— Не придет никто, — будто угадав мои мысли, пробормотал Лунатик. — Плохо ему сейчас. Поправится, вот тогда...

Я очень надеялся, что поправится Бархан не скоро, и выигранного времени хватит, чтобы как следует затеряться в Зоне.

Воздух метрах в десяти правее, над тронутыми желтизной верхушками кустов, внезапно дрогнул и потек наподобие тягучего расплавленного стекла. Стекло это вдруг свернулось в прозрачный водоворот. Листья, захваченные его притяжением, медленно вращались в абсолютном безветрии.

— «Воронка». Ты как хочешь, Моро, а я остановлюсь и немного на местности пошарю... Если «золотую рыбку» найдем, ее можно на блокпосту нейтралов хорошо поменять.

Задерживаться не тянуло. Навязчивая тревога появилась и не исчезала, подсказывая, что убраться отсюда — самое милое дело, хотя в бинокль шоссе и верхушки пологих холмов по-прежнему выглядели тихими и пустыми.

— Всех рыбок не поймает.

— Слушай, Моро, я же, тебя спасая, «светляка» совсем потратил. А если подстрелят из нас кого? Без лечебного артефакта это месяц на койке. А лекарства откуда брать, а еду? Продавать почти нечего, осталась только «вспышка», но на нее спрос сейчас никакой. Вот увидишь, завтра-послезавтра у нас не только хорошая тушенка — у нас даже патроны закончатся. Не веришь? На, поддержи винтовку. Она мне там только мешать будет.

Пришлось согласиться. Он меня достал. Сталкер всегда сталкер и мимо хабара не пройдет, а Лунатик в таких случаях делался одержимым.

День клонился к вечеру, а мы продвинулись совсем не намного. Я присел на обочине, стащил шлем «Севы» с головы и закурил последнюю уцелевшую в пачке сигарету, потом какое-то время рассматривал палевого цвета небо, кусты, редко растущие сосны и очертания руины возле западного горизонта.

— Ты там смотри не убейся... — бросил я через плечо.

— Не убьюсь, не беспокойся, — ответил он.

Я так и остался сидеть к Лунатику спиной, но при этом хорошо слышал его шаги по траве, его бормотание себе под нос и временами хруст веток.

— Ну как, нашел?

— Что-то не ладится.

— Бросай это дело.

— Не толкай под руку, дай полчаса. Сам знаешь, что торопиться вредно.

Он был прав. Спешка могла Лунатика убить, и мне сделалось неловко. Еще какое-то время он повозился, потом потрескивание прекратилось, затушенное налетевшими вдруг порывами ветра. Этот ветер гудел и шумел довольно громко, мотая туда-сюда верхушки кустов. Меня почему-то клонило в сон так, что я даже нечаянно вырубился на минуту-другую и проснулся внезапно, будто меня толкнули.

— Лунатик!

Он молчал.

Я не стал больше окликать напарника, а пошел к нему сам, держа болт и «Велес» наготове. Аномалия «воронка» располагалась в густых зарослях, хотя в непосредственной близости от нее эти заросли оказались почти полностью измочаленными. В кустах было темнее, чем на шоссе, под ботинки попало мягкое и багровое — часть туши убитого аномалией зверя, а может, и не зверя. «Мясо» лежало здесь давно, его уже начали расклевывать вороны.

— Лунатик!

«Велес» теперь неистово и тревожно стрекотал. Совсем рядом чувствовалось мощное шевеление воздуха.

— Не молчи, черт! С тобой все в порядке?

Он снова не отзывался.

Под ноги мне снова попал кусок рваного мяса, я опустился на колени, посветил в заросли фонарем и убедился, что на обрывках кожи еще сохранилась сероватая шерсть зверя. Лунатик не погиб и погибнуть беззвучно не мог. Он бы наверняка закричал. Среди измятой травы на некотором удалении от «воронки» я заметил пряжку от его комбинезона. Почва тут была влажной, а трава не очень густой, следов много, и все они явно человеческие. Ребристые отпечатки ботинок Лунатика отличались от следов «в елочку», оставленных сапогами, и от крупных следов «в пупырышек», вдавленных в почву чужими кроссовками. Именно эти кроссовки сделали бесшумными шаги чужака.

— Лунатик! — заорал, надеясь, что он все же ответит издали, и я засеку направление, однако парню скорее всего заткнули рот.

Что случилось, то случилось, и было оно паршиво. Настолько паршиво, что, пожалуй, столкновение с разъяренным живучим Барханом и то выглядело привлекательнее.

Я не нашел ни одной стреляной гильзы, даже крови почти не оказалось, если не считать нескольких чуть подсохших брызг на траве.

Кто бы тут ни поработал, сделали они это мастерски.

Скрытно и бесшумно подошли с восточной стороны. Заметив их на слишком близком расстоянии, Лунатик по какой-то причине голоса не подал, вместо этого метнулся к дороге, едва не попал в аномалию и повернул назад. Потом, загнанный и прижатый похитителями к «воронке», он достал нож и кого-то ранил. Финку с характерной сборной рукоятью, испачканную бурой, я нашел чуть подальше в кустах.

Вся драка заняла около минуты, и мой напарник ее явно проиграл. Возни мне не было слышно из-за того самого необычно сильного ветра, который гонял и крутил в это время кусты. Забрав пленного, чужаки ушли очень аккуратно и рисковать шкурами ради поиска

еще одной жертвы не стали. От места расправы следы вели точно на восток, по направлению к так называемым диким территориям, состоявшим в основном из перемежающихся перелесков и пустых поселков, заброшенных еще в далеком восемьдесят шестом.

Если честно, я был взбешен и ошарашен.

Убивали в Зоне в последнее время часто и охотно, бессмысленно и зачастую кого попало. Бандиты могли еще и в рабство продать. Вместе с тем отслеживать сталкера, отбившегося от товарища всего на пару десятков метров, скручивать его и тащить на дикие территории не стал бы, наверное, никто.

Или стал бы?

Я разом вспомнил самые мрачные байки Зоны, которые до сих пор считал заведомым враньем.

Вечер почти наступил. Тучи опять заволакивали небо, предвещая ранние сумерки. Помню, как я материл судьбу, дерьмовую долю, неудачливого Лунатика и самого себя, стоя на обочине совершенно пустого, разбитого и полужаросшего шоссе.

Выручать человека из плена на диких территориях было все равно что искать иголку в стоге сена. Идти в Лиманск в надежде встретить там (уже почти легендарного) Полозова я мог и в одиночку, но в общем-то с тем же нулевым успехом. Клеймо ренегата позволяло все — бросить Лунатика в том числе, но вот только настоящим ренегатом-то я все равно не был.

АКМ Лунатика пришлось вдобавок к дробовику навьючить на себя, снайперскую винтовку — спрятать, обмотав брезентом, в самых колючих зарослях, которые только нашлись неподалеку. Стрелял я из нее все равно неважно. Пока не начался новый дождь и не смыл все следы, следовало начинать преследование. Я двигался на восток, а закат уже светил мне в спину. Там, куда я шел, собиралась тьма. Фонарик выхватывал из нее кочки, траву, кусты, россыпь раздавленных ягод величиной с большой орех, кости, давно уже обглоданные псами, вмятины от чужих ботинок. В какой-то момент я потерял чужие следы и, чтобы отыскать, потратил полчаса. С востока почему-то тянуло дымом. Не едким, с привкусом химии, а самым обыкновенным, уютным и дровяным. Там же мирно, по-деревенски лаяли собаки, но я знал, что этот дым наверняка происходит от перегоревшей в «жарке» травы. Лаяли же слепые псы — беспощадные и идеально приспособившиеся хищники Зоны.

— Вот и пришли...

Лунатика я больше не звал, чтобы не демаскировать себя. Фонариком светил крайне осторожно, а потом и вовсе его погасил. Погоня привела меня на окраину почти не разгромленного поселка, следы тут затерялись среди заборов, деревянных сортиров, разросшихся по бывшим огородам лопухов и раздолбанных улиц, покрытых твердой, будто лунная поверхность, коркой грязи.

В поселке теплилась жизнь. Издали доносились грубые голоса и обрывки брани. Там же пылал костер, делавший спорщиков хорошо различимыми, меня же, напротив, он очень удачно прятал, особенно когда я держался ближе к заборам.

Вот эта уверенность в своей незаметности и сыграла со мной злую шутку.

— Эй, мужик, куда прешь! Стой и ствол убери... — раздался из темноты басистый голос.

— А если не убери?

— Никуда не денешься, ты у меня в прицел хорошо виден... Сделал? Вот так. А теперь иди прямо на костер, с тобой Факир хочет поговорить.

— Может, покажешься?

— Но-но, поговори тут... Загашу, да и все.

В конце переулочка мужики в разномастных комбезах обступили уже замеченный мною костер, один жарил мясо, надетое на деревянный шампур, другие то ли грелись у огня (хотя ночь стояла не холодная), то ли просто не хотели ходить в одиночку. У всех на рукавах нашивки оказались спороты (как, впрочем, и у меня самого).

Лунатика я заметил почти сразу же. Уже без «Севы», в одной футболке и камуфляжных штанах, связанный и с большим фонарем под глазом, но пока живой и непокалеченный, он сидел тут же рядом, на корточках, спиной к железной бочке с углем.

— Я бы его за нашего Толяна на ноль помножил, падлу, — хрипло ругался мужик быковатого вида.

— Да жив твой Толян...

— Жив-жив... он Толяну руку ножом пропорол. Пацан теперь не стрелок. Это ж надо...

— Ну, для других дел все равно пригоден, — ответил кто-то из полутьмы, в то время как остальные взорвались неудержимым хохотом.

— Да пошел ты, — злобно выругался «бык».

Главарь, поджарый человек среднего роста, стоял чуть в стороне.

— А ты что скажешь, Факир?

— Парень нам нужен для обмена. Поэтому не убивать и не уродовать.

— Да пошел ты... он же не соображает, твой гребанный контролер...

Факир отреагировал мгновенно — ударил «быка» под ложечку, тот согнулся пополам, тут же получил коленом в челюсть и рухнул всем своим немалым весом кому-то на ноги.

— Опа! Пузырь-то сдулся... — засмеялись чуть в темноте. — Он еще со вчерашнего нарывался.

— Смотрите, Колян еще одного фраера сюда прислал...

Факир пока молчал. Я подошел поближе и имел возможность разглядеть его лицо — оно было худощавое, жесткое, умное, не характерное для подонков. На рукаве, как и у других, остался след споротой нашивки. След был квадратный, так что изгнать Факира могли или нейтралы, или наемники, или «Свобода». Черт знает, что в таком случае хуже.

— Контролер полумертвого не возьмет, — еще раз и очень спокойно повторил он. — Зомби дурак, но им управляет контролер. Контролер передал однозначно — живого и целого.

— Может, ну его, этого контролера с понтами? — спросил из темноты уже знакомый шутник. — Мочим лохов и отходим. Нас много, контролер наверх не полезет, а хабар можно и с трупов собирать.

— Это кто у нас такой сообразительный есть? — насмешливо поинтересовался Факир. — Может быть, его, как совершенно целого и невредимого, мы тогда и поменяем?

Я отметил про себя, что в отличие от других беспредельщиков главарь говорил правильно, спокойно, цинично-вежливо и почти не употреблял бандитского жаргона.

— Зачем сразу так... — обиделись в темноте. — Ты главный, ты и решай, а наше дело маленькое.

— А раз маленькое, то второй раз повторяю. Нашей группе нужен контейнер, который держит у себя контролер. Что внутри — не важно, но за это заплатят так, что хватит и на лекарства, и на стволы, и на водку, и даже на кокс раненому Толяну. Контролер просит хорошего, целого человека, и он его получит. Сейчас я свистну три раза, сюда подойдет зомби. Кто-нибудь из наших, ну хоть ты, Раскол, но только один, возьмешь пленного и пойдешь с ним в подвал. Заберешь контейнер и вернешься назад. Пленного оставишь там, как и договаривались.

— Ну уж нет! — не выдержав, заорал перепуганный Раскол. — Нет моего согласия с контролером общаться. Как хочешь, Факир, можешь на месте забить, как Пузыря, но в подвал я не полезу.

— Да тут не только контролер... — негромко добавил кто-то. — Контролер-то мужик вредный, но тихий, в подвале сидит, ну и хрен с ним, наружу не вылезет. А по ночам кто за пивзаводом рыскает? Кто псов вчера ночью рвал так, что вой стоял? Уходить отсюда надо... Гиблое место.

Отморозки, задвигавшись, зашумели. Перед Факиром они всего лишь пасовали, а встречи лицом к лицу с самыми опасными монстрами Зоны страшились до паники.

Я тем временем прикинул свои шансы на немедленное успешное бегство вместе с Лунатиком, и шансы эти, несмотря на мое превосходство в экипировке, все равно выглядели никакими.

— Кто хочет добровольно пойти? — презрительно повторил Факир.

— Никто!

— Тогда попросим нашего гостя сделать это для нас.

Факир кивнул в мою сторону, и ренегаты неистово заржали, особенно старались оценить шутку жоака две-три «шестерки».

— Где ты, Колян, такого нашел, из-под кровососа вытащил? — поинтересовался все та же шпана из темноты.

В таких случаях оскорбления глотать нельзя, они — в определенной мере проверка на прочность. Он подошел слишком близко, я воспользовался этим и пнул придурку в пах, а легкий комбез от такого удара помогает слабо. Ренегат остался лежать в позе скорчившейся на сковороде рыбины и к тому же хватая воздух ртом, что довершало сходство. Отморозки уставились на Факира, ожидая, не даст ли он команду насчет расправы надо мной, но жоак только хмыкнул одобрительно.

— Не повезло сегодня Карасю. Вот что значит — имя...

Шестерки захохотали громче, но по едва уловимому знаку босса тут же заткнулись.

— Смелый, значит? — бесцветно поинтересовался Факир.

Больше всего в этом человеке меня поразил его противоестественный взгляд. Взгляд был не наглый, не бесшабашный, но и нормальным тоже не назовешь. Правильно было бы сказать — по-плохому умный и крайне скучающий. Однако к этой патологической умной скуке примешивались циничный расчет и выверенная, холодная жестокость. Тип, который стоял передо мной, был опаснее Борова и Йоги вместе взятых. В какой-то мере, пусть не в боевом аспекте, он был опаснее даже Бархана.

— Да вот, нашелся один смелый, — без запинки ответил я.

— Кто?

— Человек.

— Значит, смелый и глупый. Тебе ведь этого хочется вытащить?

Он ткнул в сторону Лунатика.

— Парень мой проводник, другого искать некогда, — ответил я как можно спокойнее. — Тебе, как я понимаю, нужен ящик. Ящик у контролера. Я беру заложника, спускаюсь вниз, контролера убиваю, ящик твой, после этого мы в расчете и уходим. Как тебе такая картина?

Факир явно был псих. Его люто скучающий взгляд уперся куда-то в пространство, мимо меня. Он закурил, затянулся, выпустив струйку дыма в ночь и аккуратно отряхнул пепел, чтобы не испачкать накидку на комбезе.

— А что мне мешает прямо сейчас тебя убить? — тихо, неслышно для других поинтересовался он.

— Убьешь меня — к контролеру самому переться придется, иначе ты для своих шестерок станешь не авторитет.

— А что мне мешает тебя использовать против контролера, а убить после?

— Вообще-то ничего, — тоже очень тихо согласился я. — Только смысла нет. Я драться буду до последнего, ты же сам меня предупредил.

Скука ненадолго исчезла с лица Факира и сменилась полуодобрительной улыбкой.

— Ладно, попробуй погеройствовать, — согласился он. — Ящик только забрать не забудь. И учти — никаких лишних выкрутасов. Шаг влево, шаг вправо, любая попытка создавать проблемы — и умирать будешь медленно и неприятно, моя ребята такое любят. Готов?

— Готов.

— Тогда слушай внимательно. Чуть подальше, за этими домами — заброшенный пивоваренный завод. Под ним — подвал. В подвале сидит контролер и пара зомби. Зомби ты убереешь, не сомневаюсь. А вот выдержи ли твои мозги общение с контролером, сам скоро

узнаешь. Минус в том, что контролер сильный и опытный и окопался тут давно... С плюсами сам на месте разберешься.

— Для товарища мне нужен комбез, ствол и запасные обоймы — тоже для него. Вдвоем проще.

Я показал на Лунатика. Факир опять помрачнел, скука в его глазах, уже было ушедшая, колыхнулась опять.

— Комбез ему подарим, обычный, без наворотов, снимем с трупа. Без обоймы и ствола обойдетесь. Пленные с оружием не ходят, зомби хоть и дурак, но не настолько. Сам не сообразит, так контролер ему подскажет. В общем, напарника уже в подвале развяжешь, а дальше — как хочешь. Можешь один из своих стволов ему дать. Упакуйте мясо для отправки, — крикнул он, обращаясь уже к шестеркам.

Руки Лунатику они развязали мгновенно, так же быстро натянули на него сталкерский комбинезон, во многих местах со следами пуль, а потом связали снова, но напоказ и не затягивая узлы.

— Зря ты в это дело впутался, Моро, — шепнул мне разбитыми губами Лунатик.

— Не зря.

— Шлем хотя бы застегни.

— Сейчас.

Факир не дал нам поговорить и три раза коротко свистнул. Темнота расступилась, пропуская сутулый силуэт. Зомби был высокий, крепкий и мрачный, с замусоленной нашивкой наемника и обнаженной бритой головой. На его грубом лице сильно выпирали надбровные дуги. Нитка слюны из полукруглого рта стекала на воротник.

— Контролер сказал — надо идти, — бесцветно произнес он.

Сам по себе зомби едва ли мог соображать, казалось, его окостеневшим языком ворочает кто-то другой. Этим другим и являлся контролер.

Имей мы дело не с Факиром, а с кем-нибудь другим, более адекватным, я бы обязательно расспросил насчет устройства подвала. Но с Факиром в этом смысле связываться не стал — он мог соврать и подставить меня просто так, чтобы развеять скуку.

Комбинезон «Сева» должен был блокировать часть пси-воздействия, направленного на меня, но кое-как одетый Лунатик сильно рисковал. Проблема заключалась в том, что оставлять его наверху с бандитами нельзя было категорически.

— Автомат дать не забудь...

— Я уже передумал. Лучше не надо.

Он коротко вздохнул — все понял.

— Думаешь — контролер меня скрутит, по тебе же и стрелять заставит?

— Да.

— Судьба паршивая.

— О судьбе потом поговорим, под водку, когда в Лиманске окажемся.

На подвальной лестнице крысиное дерьмо и паутину не убирали, наверное, с восьмидесяти шестого года. Зомби топал первым, стуча разбитыми и размокшими берцами по деревянным плахам ступеней. Развязавшиеся шнурки волочились по грязи...

Я старался не думать, зачем чудовищу нужен человек. Контролер есть контролер. Сталкер ему или игрушка, или еда, или раб. Контролеры, по счастью, встречаются редко. Один такой полгода назад появился у нас на «Агропроме» со своей «свитой» из монстров помельче. Меня, как и других бойцов из группы Рудого, подняли тогда по тревоге и отправили помогать атакованному блокпосту. Хотя агропромковский контролер был не очень опытный и людьми управлял плохо, его возможностей хватало на то, чтобы мешать нам целиться. Мутант смешно качал громадной головой, не использовал оружия и ловко прятался за тушами помощников. По его неслышной команде на нас целый час яростно, жертвуя собой, бросались все снаряды и собаки окрестностей. Остановить это безобразие

удалось только тогда, когда Лис издали, с вышки, выстрелом из снайперки вышиб контролеру мозги...

Похожее чудище поджидало нас сейчас в подвале. В любом случае, без прямого зрительного контакта поработить людей из банды Факира контролер не мог, а выбираться из-под земли и гоняться за ними по поверхности не собирался — возможно, сам кого-то побаивался.

— Пахнет тут... дерьмом, — пробормотал Лунатик.

На самом деле пахло в бывшей пивоварне не банальным дерьмом, а еще более банальной смертью. В самом прямом и некрасивом смысле — где-нибудь в углу завалялась падаль.

Я чуть подался вперед, высматривая на ходу укрытие, и от увиденного холодок побежал по спине.

Все помещение под зданием было голым и пустым, без перегородок, затоптанным и грязным. Единственное укрытие — небольшая металлическая цистерна, прикрученная к полу, — находилось возле самой двери. Освещался подвал яркой лампой, направленной от противоположной стены в дверной проем, то есть в глаза входящему. На границе света и темноты топталась созданная монстром «свита» — полдесятка зомби разной степени потрепанности, под ногами у этих бедолаг шмыгали жирные крысы.

— Держись за мной и левее. Как зайдем — уходи за цистерну... — шепнул я Лунатику.

— Переговоры! — заорал тут же я, на этот раз в сторону зомби, они не могли понять, что происходит, но все же расступились на миг, подчинившись неслышимому приказу, и тут я увидел его. Всего на одну короткую секунду, но я его увидел.

Контролер стоял у задней стены и таращился мне в зрачки.

Глава 10. Глаза в сумерках

Зона, подвал на диких территориях.

Взгляд этих буркал я ощутил бы даже зажмурившись. Зомби почти сразу сомкнулись, невнятно бормоча и своими телами прикрывая хозяина от вероятного выстрела.

— Привет, — сказал я на всякий случай. — Говоришь, дело есть?

Впервые в жизни я пытался поговорить с полностью разумным мутантом. Он же молчал, «прощупывая» и прикидывая, видимо, насколько я защищен. «Сева» помогал, но не абсолютно, присутствие контролера вызывало у меня не дрожь в руках и головную боль, про которые много рассказывал Лис, а только темную тоску и печаль.

— Ну так будем меняться или будем стоять?

— Брось оружие, мужик, и подходи.

Он заговорил внезапно, низким, спокойным глуховатым голосом. Зомби расступились. Направлявшее их существо походило на человека с тяжелой, раздутой как при водянке, головой. Контролер с «Агропрома», убитый когда-то Лисом, был абсолютно лыс. У этого череп покрывали длинные спутанные патлы, парусиновые шорты оставляли голыми волосатые ноги ниже колен и огромные четырехпалые ступни. Ногти на пальцах рук напоминали медвежьи когти. В остальном контролер очень смахивал на человека. Собственно, это и был изуродованный экспериментами человек. Свое мрачное прошлое он помнил едва ли. А если помнил?

— Брось оружие, мужик, — снова терпеливо и бесцветно повторил контролер. — А то умрешь.

Я опустил ствол АКМ, демонстрируя мирные намерения, и медленно придвинулся поближе, но бросать оружие, конечно, и не подумал.

— Ящик сначала покажи.

Зомби, тот самый, с замызганной нашивкой наемника, выдвинул в круг света сапогом небольшой металлический контейнер.

— Отопри и покажи, что там. Думаешь, я на фальшивку поведись?

— Хорошо. Но сначала возьмем твоего человека... — глухо повторил контролер.

...Мне необходимо было проверить, что происходит с Лунатиком. Для этого следовало оглянуться или вернуться на прежнее место у входа.

Что-то меня задерживало. Смушал этот странный, не столько видимый, сколько явно ощущаемый тяжелый и печальный взгляд монстра. Я был защищен, был свободен и мог легко уйти, но не хотелось. Необходимо было что-то сделать в этом месте, но не получалось вспомнить — что именно. Кто-то нуждался в помощи или должен был объявиться, хотя я теперь точно знал, что спустился в подвал совершенно один. Подниматься наверх не тянуло. АКМ мне мешал, я осторожно положил его на пол, оставив себе только дробовик.

— Правильно, а теперь подойди еще ближе, мужик, — низко и глухо сказал контролер.

Я двинулся к нему, навстречу неизвестности, яркой лампе и находившейся позади нее массивной черной фигуре. Крыса шмыгнула по ноге. Бритый парень с грязной нашивкой наемника на рукаве стоял теперь рядом со мной. Он выглядел вполне надежным товарищем, поговорить с ним мешал непонятный шум за спиной, там, кажется, кто-то кричал.

Лицо контролера теперь находилось близко. Тяжелые лапы опустились мне на плечи, широкий подбородок дернулся, губы разошлись, открывая в улыбке острые белые зубы.

— Сними шлем.

Шлем мне мешал, это правда. Чтобы завершить кое-что важное, мне надо было от него избавиться, я шарил в поисках застежки, только пальцы почему-то слушались плохо. За спиной продолжали орать, не давая сосредоточиться.

— Да пошел ты, — сказал я, резко обернувшись, и в ту же секунду понял все.

— Моро! Моро! — кричал безоружный Лунатик, повторяя кличку, данную мне тут, в Зоне. Он полусидел, согнувшись и пытаясь укрыться от взгляда контролера за старой цистерной. В руке Лунатик сжимал кусок красного кирпича. Этот камень полетел в нашу сторону, лампа лопнула под ударом, разлетелась с громким треском, выбросив фонтан раскаленных осколков, подвал погрузился в темноту.

В этой мгновенно свалившейся темноте наступил ад. Меня рвали и хватали жесткие лапы. Я не стал стрелять из дробовика, опасаясь задеть Лунатика, вместо этого вытащил нож и ударил, несколько раз попав во что-то мягкое. В ответ завывали-заорали. Контролер, видимо, не позволял своей свите стрелять, не желая очутиться под пулями из-за неразберихи. Однако через короткое время он перестал вмешиваться, и пули начали ricochet от стен. Я подобрал автомат и ползком перебрался к выходу, который, по счастью, оказался не перекрыт.

— Ты где?

— Здесь!

Я вытащил Лунатика на нижнюю площадку лестницы, устроился за косяком и разрядил обойму в кишашую монстрами темноту. В ответ стонали, бормотали и хаотически стреляли. Что-то у них сильно разладилось, огонь велся куда попало.

— Возвращаемся? Нет, погоди... тут еще кто-то есть.

— Тебе что — интересно? Ну так сейчас узнаешь... — Лунатик вцепился в меня и поволок куда-то в сторону. — Тут кладовая с толстой дверью, давай быстро внутрь.

Мы вместе ввалились в темноту.

— Свети фонарем.

Было тесно. Лунатик, подобрав в углу толстую плаху, часть сломанной скамьи, подпер ею дверь. Противоположный конец мы вдвоем понадежнее уткнули в стену.

За дверью орали.

Крик был нечеловеческий.

Орали, видимо, зомби, умирая один за другим. Я даже не знал, что они могут так.

— Химера там, — пробормотал Лунатик.

— Откуда взялась?

— Вылезла из бокового коридора. Нашумели мы, химера и пришла на шум поохотиться. Контролер на нее отвлекся, тебя выпустил.

— Он выпустил меня, потому что ты лампу разбил.

— Помогло бы это надолго, как же... У зомби фонари. Смотри, там уже светлее стало.

Внезапно сверху, с притолоки, водопадом посыпался мусор. Задетая дверь дрогнула, хотя сколотили ее из толстенных плах. Я осторожно приник к щели и тут увидел ее.

Химера, помесь медведя и пантеры, а точнее — уродливый зверь, похожий на черта, стоял в пяти шагах от двери. Главная голова химеры, обращенная к лестнице, жадно нюхала воздух, вторая, недоразвитая и слепая, смахивала на сморщенный эмбрион. Только что располованный до позвоночника зомби валялся, ткнувшись разбитой башкой в нижнюю ступень лестницы, его невыключенный фонарик давал мне возможность разглядеть целиком всю сцену.

Рыкнув, химера нерешительно вильнула мощным гибким телом и снова принялась.

— Пацаны, — раздался приглушенный расстоянием голос Раскола. — А ведь не вышло ничего. Убили зомби этих лохов.

— Отойди, дурак, от вхо... — ответил ему кто-то, но закончить не успел.

Химера дернула хвостом и одним прыжком рванула на звук, то есть прямо вверх по лестнице. Раскол коротко взвыл и умолк навсегда. Очень скоро во дворе раздался мат и беспорядочные выстрелы. Эта стрельба и прочий шум понемногу отдалялись, видимо, ренегаты спешно отступили в соседнее здание. Чем бы ни кончилась их схватка с химерой, нам она давала самое ценное — время.

— Пошли, осмотримся, что к чему, только быстро.

На полу подвала в перекрученных позах замерли зомби — все они умерли, защищая хозяина. Сам растерзанный контролер валялся в луже темной жидкости, по всей вероятности, своей же крови. Я не стал рисковать и разрядил дробовик в его крупную лохматую голову.

Лунатик до этого момента держался молодцом, но теперь нервы сдали, и его затрясло. Он рухнул на пол у стены и сидел там, обхватив себя руками за плечи, будто мерз.

— Сил никаких нет, — хрипло признался он.

— Блевать тянет?

— Ага... Не люблю пси-воздействие... Моро, ты хоть понял, что пытался сделать? Тогда, с самого начала?

— Сглупил, к контролеру подошел слишком близко.

— Не только.

— Шлем расстегивал зачем-то.

— Ага. Из дробовика ты застрелиться пытался, вот что. Контролер тебе приказал.

Я только сейчас понял, что Лунатик прав. Мое едва несостоявшееся самоубийство было таким неосознанным, что даже не осталось в памяти.

— Странно, что «Сева» почти не помог.

— Помог. Без него ты стал бы зомби. Стреляться контролер заставляет тех, кем сложно управлять, он с упрямыми возиться не хочет.

Разговор о привычках контролера имело смысл пока что оставить в стороне. Мутная тоска отступила, но после мысленного контакта с мутантом меня колбасило. Люди Факира до сих пор сражались, но уже где-то далеко, и стрельба сделалась едва слышной.

— Ящик нужно проверить.

Он оказался заперт. Я поковырял замок тонким гвоздиком, подобранным в углу, замок поупрямился, но в конце концов сдался, коротко хрустнув. В контейнере оказались тетради старосоветского образца, коричневые, в коленкорových обложках, они заполняли его почти доверху. Взяв одну, я тут же ее бросил — бумага ползла под пальцами трухой. Со следующей получилось то же самое. Вытряхнув все содержимое на пол, я не нашел ничего полезного, кроме двух-трех исписанных угловатым почерком страниц, которые убрал в карман. Черная лужа под тушей контролера тем временем расплзлась еще шире.

— Зачем это все Факиру?

— Не для личных нужд. Кто-то ему ящик заказал и обещал заплатить. В любом случае — оно давно истлело... Давай вставай... И подбери свой АКМ.

Лунатик не шевелился и не вставал, тогда я силой поставил его на ноги. Пока мы пробирались узким пыльным проходом, напарник брел за мной будто настоящий лунатик и, казалось, не вполне осознавал происходящее.

Я же понимал, что опасность, которая исходила от банды Факира, никуда не исчезла, мы у него в любом случае предназначались в расход. Выигранным временем следовало воспользоваться, чтобы уйти подальше от деревни.

— Лучше всего на армейские склады. Там можно встретить нейтралов, авось кучей отобьемся.

— Винтовка моя где?

— У дороги спрятал! Тебе АКМ мало? Тебе винтовка сейчас нужна или жизнь?

— Вернуться надо за стволом. Он еще пригодится.

— Чокнулся? Жизнь важнее. Винтовку другую добудем.

Я тащил его прочь.

— Эй, мужики! — раздалось неподалеку.

Поначалу показалось, что воскрес контролер, но голос подал обычный зомби.

Он сидел на земле, пытаясь зашнуровать кеды и не замечая, что шнурков в них давно нет.

— Мужики! Вы меня из Зоны не выведете?

Слова его казались разумными, но вот морда — нет. Распад нервной системы зашел так далеко, что мышцы шеи перекосило. Не стрелял этот зомби только потому, что был безоружен, видимо, из-за потери остатков памяти заодно потерял и оружие.

— Хоть дорогу тогда покажите... Я же тут помру...

— Может, показать? — неуверенно спросил меня Лунатик. — Человек ведь просит...

— Он не человек, он никуда не пойдет, он просто заученные слова повторяет. А если бы и дошел — хороший подарочек нашим сталкерам на Кордоне. Да там салаги в штаны наложат.

— Хочешь пристрелить?

— Зачем? Зря патроны расходовать?

Мы бежали на восток и северо-восток до тех пор, пока не уперлись в какой-то забор, потом перелезли через него. Территория дальше переходила в обычную для этих мест пустошь с редколесьем, а справа упиралась в высокий холм с крутыми склонами. Обращенный к нам склон осыпался песком.

— Наверх не залезть, да и ни к чему. Долго отстреливаться патронов не хватит.

— Думаешь, Моро, погоня будет?

— Черт их знает, но Факир псих, и ящик ему очень нужен.

— Не надо было оттуда бумаги брать.

— Если бы я их не взял, он бы все равно в это не поверил.

Мы метров сто прошли шагом, чтобы отдышаться, а потом снова перешли на бег. О выбросе в этот момент как-то не думалось, хотя, случись той ночью сильный выброс, он бы прикончил нас всех: и меня, и Лунатика, и Факира, наверное, тоже.

Ближе к утру, заблудившись заодно пару раз, мы выбрались на более-менее пологий усыпанный валунами склон и залезли повыше, стараясь не торчать на фоне понемногу светлеющего неба.

Погоня, как оказалось, была.

Не знаю, откуда у потрепанных химерой отморозков нашлись силы, но они преследовали нас всю ночь и выдохлись только к утру.

Спины этих уходящих ни с чем преследователей я рассматривал в бинокль с вершины холма, укрывшись за камнем, который по форме напоминал седло.

Ренегатов выжило человек пятнадцать.

Среди темных фигур я разглядел Факира, хотя обращен он ко мне был, как и все, затылком и спиной.

— Дай и мне глянуть, — попросил Лунатик. — Жаль, снайперки нет, — добавил он, возвращая бинокль.

— Убить его собрался?

— Да.

Лунатик изменился. Я раньше не задумывался, что можно заметно измениться за два-три дня, но со мной после ухода из «Долга» случилось то же самое.

— Ты чего? Оставь автомат, не дури.

— Я у них несколько часов просидел.

— Ты в «концлагере» три месяца сидел.

— «Концлагерь» — это понятно. Йоге нужен хабар. Там некому мстить, это система. А Факир урод. Там в сарае был склад трупов. Все сталкеры-нейтралы и все они... Понимаешь, их не просто убили. Так что пусти. Не мешай.

— Не думай про это, забудь пока. Пристрелишь Факира сейчас — на нас пятнадцать человек полезут, так что не дергайся. И не сомневайся, он свое все равно получит, причем скоро.

Я действительно верил в то, что говорил. Неписанных законов в Зоне мало, и они просты, однако даже бандиты живут «по понятиям». Человек, изгнанный за преступления из группировки, в одиночку долго не протянет. Отщепенец, отвергнутый даже бандитами Свалки, и вовсе не человек. В последнее время психи, опустившиеся предатели и беспредельщики всех мастей хотя бы ради выживания принялись активно группироваться, создавая небольшие, но подвижные банды. Из-за крайней жестокости и внутренних разборок стать уважаемым кланом Зоны им не светило в принципе, среди пестрого сталкерского сообщества они все равно оставались меньшинством. Даже «Долг» и «Свобода» к ренегатам относились в равной мере плохо.

В таких обстоятельствах Факира ждала или пуля от другого главаря на час, или финка в бок — от своих же подручных. Я в этом до поры не сомневался и еще не предполагал, как странно и жестко обернется еще одна наша встреча.

— Ладно, пусти... Не трону я этого Факира, раз ты такой добрый.

Лунатик, похоже, обиделся. Мы оба были в бегах, а я и вовсе пусть формально, но был ренегатом. Чтобы вытащить Лунатика, я несколько часов назад пошел на контролера, но мой напарник это во внимание не принимал, думая, видимо, что убирать всякую встречную грязь — долг правильного сталкера. Не знаю, как он с такими взглядами выжил до сих пор.

— Ладно, пошли.

Лунатик плелся сзади и сердито молчал. Вставало солнце. Оно поднималось над холмами — медно-красное, мутное и слишком жаркое для октября. Мы продолжали уходить ему навстречу, на восток и дальше к армейским складам. Прямой путь на Лиманск был теперь заказан, предстояло сделать большой крюк по территориям, куда Факир не сунется, но вместе с тем опасным и беспокойным.

Я знал, что на заброшенных складах давно не осталось ничего особенного, а самое интересное растащили еще в восьмидесятых, но небольшая база военных там до сих пор существовала. С армией Украины организацию генерала Крылова связывали довольно странные отношения полудружбы-полувражды, которые на «Агропроме» называли «неформальный нейтралитет». На практике этот «нейтралитет» мог обернуться как помощью, так и вооруженной стычкой — все зависело от того, кто командовал, где, когда и как.

Мургол, нейтрал из группы Ореста, всех сталкеров, застреленных патрулями или на армейских блокпостах, называл «построенными», «оформленными» или «стандартными», присутствовал в его словах подходящий к ситуации черный юмор.

Для армии Зона, согласно приказу — территория экологического бедствия. Военных во время взрыва на ЧАЭС облучилось много, а погибло во время прорыва ноосферы в две тысячи шестом еще того больше. Если кто-то и оказался первой и самой трагической жертвой Зоны — так это сами военные сталкеры, которых приказы сверху нередко бросали на верную гибель.

Все это было так — трудно, отчаянно и вместе с тем гораздо паршивее и не очень геройски.

Время шло, к выбросам все понемногу притерпелись, военные сталкеры теперешнего образца «оформляться» в борьбе с заразой Зоны не очень стремились, а вот казенным оружием приторговывали, и весьма. Изъятыми у гражданских сталкеров и лично собранными артефактами — тоже. Ученых охраняли — это да. Мутантов отстреливали при случае. Бывало, этим сталкеров спасали. Бывало — этих же сталкеров расстреливали на месте или бросали на милость бандитов. Майор же Халецкий с заставы возле Кордона и вовсе имел репутацию двурушника-подлеца.

В конце концов все эти мутные дела так запутались, что распутать их могло только вмешательство извне. Именно этого вмешательства властей Украины тут боялись многие, а не хотел уж точно никто.

Для сталкеров «установление законности и порядка» означало зачистку спецназом всех баз, а затем полное закрытие Кордона.

Для «вояк» на Кордоне оно пахло в лучшем случае увольнением с позором, а в худшем — судом.

Сталкеров при зачистке положили бы немерено, но «больших людей» на Большой земле это не волновало.

Жалели они в основном свои карманы. Зачистка убила бы торговлю артефактами, а люди, с которыми Халецкий поддерживал связи, сами давно увязли в этой торговле по уши. В итоге время шло — ничего не менялось.

Таким образом, сталкеры Зоны продолжали оставаться на полунелегальном положении, то ли мы закоренелые преступники, то ли ценные специалисты — сам черт не разберет. Военные же сталкеры, и того хуже, очутились в положении людей, которых терпят по необходимости, но при том недолюбливают и за дело, и просто так.

Глава 11. Барьер

Октябрь 2011 года, Зона, территория армейских складов.

Блокпост находился за баррикадой, состоящей из кирпичной кладки, ржавых машин и бетонных блоков. Укрепление сделали с толком. Между машинами и прочим хламом зигзагами шла тропа, которая отлично простреливалась из нескольких укрытий. Обойти блокпост с флангов мешали часто раскиданные под ЛЭП «электры». Тех же, кто полез напролом, моментально отрезали бы с тыла и положили в узком проходе, однако, судя по бурым пятнам на земле, желающие штурмовать укрепление все равно не переводились.

— Стоять! — заорали нам с той стороны. — Группировка какая?

— Нейтралы, — перебив меня, поспешно ответил Лунатик.

Меня он толкнул в бок, советуя помолчать. Я послушал его, заткнулся, не упомянул «Долг» и, как оказалось, избежал тем самым крупных неприятностей.

Комбинезоны бойцов украшали вовсе не эмблемы армии Украины, а нашивки в виде оскаленной башки зеленого волка. «Свобода»...

— Куда идете?

— В Рыжий лес.

— А почему в обход?

— На ренегатов напоролись, еле оторвались.

— Покажитесь... На открытое место, я сказал... Так. А твой дружок кто? Тоже нейтрал?

— Да, — невозмутимо солгал Лунатик.

...Всем, кроме символа на одежде, эти «свободовцы» сильно отличались от раздолбаев типа Ганжи, к которым я уже притерпелся в Темной долине. Люди тут собрались серьезные,

все как один упакованные в экзоскелеты, с автоматами британского образца. По счастью, меня они раньше не знали, я их тоже в лицо не узнавал.

Командир носил кличку Харт, по крайней мере он так сам себя называл. Этот Харт сидел на расстеленном спальном мешке и, пристроив рядом ноутбук, делал пометку за пометкой на электронной карте. Перчатки от брони мешали «свободовцу», он их стащил и бросил рядом. На нас, особенно на меня, он уставился с сомнением.

— Вы не из тех придурков, которые на «Долг» работают?

— Нет.

— Ладно, идите. Но если врете и просто воякам хабар хотели сбыть, то зря стараетесь. Нет их больше на складах. Теперь это наша территория.

— «Освободили»? — не сдержавшись, поинтересовался я.

— Не хами, — ответил Харт совершенно спокойно, вроде бы даже не обозлившись. — Мы с государством не сотрудничаем принципиально, но воюем тоже не всегда. Не трогали мы вояк, выброс их всех накрыл.

— Подчистую?

— Да. Если кто и уцелел, то единицы. В эфир не выходят, Барьер удерживать некому, если добровольцев не найдется, самое большее к завтрашнему утру тут будет «Монолит», и все дела.

— А вы сами?

— Нас тут двенадцать бойцов, из них двое раненых. Смены уже четверо суток нет.

Харт был не оптимист, но и не пессимист. Он был фаталист. В личное бессмертие он не верил, траву не курил, но при этом пули не боялся. Такие люди спокойно и грамотно делают дело, понимая перспективы, но не особо ими заморачиваясь. Как Харта занесло в «Свободу», не знаю, в «Долге» он скорее пришелся бы кстати.

— Отступать будете? — спросил я уже с уважением.

— А куда? Если «Монолит» прорвется, он двинет на юг, там наших блокпостов вплоть до Темной долины нет. «Монолитовцев» много, перемещаются быстро, почти не спят, зачистят всех.

— Можно соединиться с нейтралами, вместе оборону держать.

— Идея неплохая. Но с нами тут двое ученых, пока они замеры не закончат, ждать придется на месте.

— Сколько ждать?

— Пятнадцать часов. Если «Монолит» к тому времени оборону не прорвет, выдвинемся к Барьеру. Прорвет — обороняться будем здесь. Итог все равно один.

Харт действительно собирался умирать. Он перестал разбираться с картой, выключил и закрыл ноутбук, опустил защитные очки на глаза, натянул перчатки и подвинул ближе ствол.

— Без замеров никак, — добавил он очень спокойно. — Без них с прогнозами выбросов не справиться. Зону принимать надо такой, какая она есть, только законченный фанатик может мечтать ее уничтожить.

Сам Харт явно был «фанатиком наоборот», теперь сделалось понятно, почему он так легко прижился в «Свободе». Не хотелось думать, что с его людьми произойдет за те самые пятнадцать часов.

— Станный парень, — пробормотал Лунатик, когда мы отошли немного в сторону.

— Но ведь без замеров нельзя.

— «Нельзя» будет, когда их тут всех перебьют. А ты бы что сделал, Моро?

— Если шансов нет, скомандовал бы отступить. Люди важнее науки.

Несмотря на эти разговоры, делали мы сейчас нечто не менее отвязное, чем люди Харта, а именно — собирались двинуться прямо на восток, еще ближе к осажденному Барьеру. Мешала только накопившаяся усталость после бессонной ночи. Веки слипались, ноги сделались тяжелыми и чужими.

— Если хотите, разрешаю здесь задержаться на дневку. Стволами только не размахивайте, люди нервничают, — буркнул нам вслед командир.

Он теперь отставил ноутбук и рассматривал попеременно то западный горизонт, то восточный, прижимая бинокль к воспаленным от бессонницы глазам. Подальше, возле вагона-бытовки, превращенного в постоянное жилье, потрескивал почти бездымный костер. Еще один «свободовец», сменившийся после ночного дежурства, проводил там время, перебирая струны гитары. Мне и Лунатику он улыбнулся довольно дружелюбно.

— Всю ночь не спал — и не хочу. Барьер близко, поэтому. А если даже усну — такие ужасы снятся...

Ужасы его, видимо, не пугали, а забавляли. По меркам Большой земли парень был неплохой, но в Зоне он был мой враг, член группировки, с которой «Долг» собирался вести упорную войну до полного истребления. При других обстоятельствах он бы меня убил легко, я его — тоже. Приходилось глядеть мимо лица этого парня — на руки с гитарой, на костер и остатки еды, — я опасался, что глаза меня выдадут.

— Выброс через два часа, можете в вагончике переждать...

В вагончике я рухнул ничком на пустую койку и сразу уснул. Во сне пришел вовсе не ужас, хотя хорошим такое видение не назовешь. Худая некрасивая брюнетка с татуировкой в виде черепа на запястье склонилась надо мной, исцеленный Бархан молча ждал за ее спиной. Женщина зло трясла меня за плечо, но сон продолжался — события последних недель причудливо перемешались в какую-то ерунду. На фоне огня и молний мелькали физиономии ренегатов и бандитов, дегенеративные рожи зомби, цепкие лапы снорков, безглазые и оскаленные морды собак. Я не мог вмешаться в их беспорядочное коловращение. Не мог даже шевельнуть пальцем, оставалось только дожидаться, когда скучная неразбериха из людей и монстров исчезнет.

— Ничего вы во сне, падлы, не сделаете, — сказал я, поддразнивая.

Они и вправду были бессильны, и это безобразие в итоге прекратилось само собой.

Однако, как только оно прекратилось, я увидел самый настоящий, качественный кошмар.

Связанная Инга с повязкой на глазах и кляпом во рту находилась внутри круга, нарисованного мелом на бетоне. На ее лицо падала тень. Брюнетка с татуировкой склонилась над жертвой, держа нож наготове. Силуэты, очень похожие на боевиков «Монолита», что-то тянули припевом, помогая себе хлопками и завываниями.

Я хотел встать, перестрелять их из АКМ, перерезать по одному или порвать голыми руками, но даже не дернулся. Хотел пересилить себя и все же подняться, но не мог, будто в мире сна не имел никакой силы.

Тогда я стал звать Лунатика, но Лунатик, точно такой же, как Инга, беспомощный и немой, находился внутри еще одного очерченного мелом круга.

— Костя, мать твою! Ты где, черт тормозной? Помогите! — орал я и от этого крика в конце концов проснулся.

— Что, сильно приперло? — поинтересовался явившийся на шум веселый «свободовец» с гитарой.

— Типа того.

— Это из-за выбросов. Со всеми так. Ты шлем от «Севы» надень обратно, в нем и спи.

Я послушался, сделал, как он предлагал, и на пару часов выключился уже без сновидений.

Лунатик меня растолкал ближе к вечеру.

— Я тут с пацанами из «Свободы» поговорил немного. Есть мнение, что они видели Полозова за два часа до нашего появления. Если так, то я беру назад свои слова, сказанные на Янтаре...

Я сел и потер лицо руками, пытаюсь согнать остатки мутного кошмара.

— Если Полоз жив, то что здесь делает?

— Не знаю. Может быть, ищет тебя, но это едва ли. Скорее всего, как и мы, шел на Лиманск напрямую, но свернул сюда из-за ренегатов.

— Неплохо бы самим его отыскать.

— Сейчас все нейтралы собираются у Барьера. Полозов, наверное, там. Пошли?

— Пошли.

Мы снялись с места очень быстро. На Лунатике до сих пор был окровавленный и дырявый комбинезон из запасов Факира, но заменить эту рвань было нечем.

— На Барьере пси-излучение начнет зашкаливать. Тебе туда нельзя. Или таблетки придется наторговать.

— Ничего, я тут себе шлем подобрал некомплектный.

Лунатик продемонстрировал то, что когда-то являлось частью очень хорошей «свободовской» брони, но теперь, отделенное от туловища, должно быть, валялось у Харта на свалке.

— Я его прикреплю шнурком, на один раз сойдет, потом поищем что-нибудь получше. Если всех военных выбросом накрыло, их запасы бесхозными остались. Успеем первыми — затаримся на дорогу, но сначала придется на Барьер.

Лунатик рисковал, но вызвался и настаивал, а упускать Полозова было глупо. Харт, кстати, снова маялся у себя в засаде с ноутбуком. Карту он больше не трогал, вместо этого перечитывал старую почту и играл с «искусственным интеллектом» в маджонг. Откупоренная, но почти не тронутая бутылка водки стояла рядом на плоском камне.

— Хотел бы я с вами туда двинуть... — сказал он вместо прощания.

Прирученный «свободовцами» ученый, очкарик в темно-синем балахоне, возился с какими-то приборами под навесом. Время от времени он беспокойно вздрагивал и тер тыльной стороной ладони белый, с залысинами лоб.

— Сколько еще тебе надо на опыты? — раздраженно бросил Харт.

— Два часа, — рассеянно ответил очкарик.

— Слышали? Два часа на замеры, еще два часа на сборы и дорогу. Через четыре часа мы будем у вас в восточном укрепрайоне. Все, кроме раненых. Десять стволов, из них один снайпер...

Я тогда был оптимистом и не сомневался, что он придет.

Территорию возле Барьера военные в свое время укрепляли тем, что было проще достать, то есть согнали или стащили на буксирах отработавшую свое технику — сломанные БТРы, старые трактора. Железобетонные блоки, оставшиеся от незаконченной стройки или извлеченные из развалившихся зданий, по возможности сложили аккуратными штабелями, немного более низкими, чем в рост человека. Укрепления эти располагались линиями и оставляли свободным узкий, извилистый проход. Так же, как на блокпосту Харта, проход этот отлично простреливался из огневых точек и представлял собой мешок-ловушку для зарвавшегося противника.

На первый взгляд, обороняться здесь было удобно, но простота обороны сводилась почти на нет самой природой Зоны.

Причиной было пси-излучение, накрывавшее место.

Возле самого укрепления оно оставалось терпимым, в «Севе» почти незаметным, хотя нескольких часов пребывания там хватало, чтобы расклеиться в хлам. По мере продвижения в сторону Барьера уровень стремительно рос и в ста метрах за укреплениями становился уже непереносимым даже в защите. Мозг человека, очутившегося там, мог разрушиться в считанные минуты.

В бинокль я рассматривал покореженные деревья без листвы. Они находились совсем недалеко, над полумертвым редколесьем нависла фиолетовая туча. Земля выглядела обыкновенной, разве что сильно каменистой и заваленной валунами, но там была смерть. Барьер. Непроходимая и невидимая линия, которая мешала любопытным лезть в сердцевину Зоны.

Боевикам «Монолита» она, впрочем, совсем не мешала — эти лезли в обратную сторону, то есть из-за Барьера на сталкерские территории, часто, охотно и зачастую толпой. Подстреленный полчаса назад зомби с перебитыми ногами прямо сейчас лежал на

«нейтральной» полосе. Он очень убедительно отыгрывал смерть, но процесс регенерации шел вовсю, и зомби мог подняться с минуты на минуту.

— Надо бы дострелить, — поделился соображениями Захарченко. — Патронов только жалко. Может, он, как встанет, так сам уйдет.

Захарченко был сталкер-нейтрал, с которым мы познакомились всего полчаса назад. Он принял командование обороной Барьера, удерживал его со своими людьми вторые сутки и ни разу не отошел на более «чистые» в смысле пси-излучения территории. Лунатику Захарченко был рад. На меня смотрел с сомнением (возможно, был наслышан). С моей же точки зрения оставаться во вменяемом состоянии Захарченке оставалось в лучшем случае пять-шесть часов.

— Не бойся, скоро сменят меня, не успею свихнуться, — невесело рассмеялся он, видимо, угадав мои соображения.

Барьер удерживали в этот момент не более тридцати бойцов, все — нейтральные сталкеры-одиночки.

— «Долг» обещал подойти — не подошел, — ворчал Захарченко. — Застряли где-то в Рыжем лесу, бой у них там, что ли... «Свобода» тоже обещала, только их, кажется, хрен дождешься...

— Вы тут что, совсем? И тех, и других вызывали? — до глубины души поразился Лунатик. — Хотите, чтобы они прямо здесь сцепились?

— А ты полегче... — буркнул Захарченко. — Не дергайся, пацан. У нас и с тем, и с другими нейтралитет, и родились мы не вчера. Кто первым явится, тому и спасибо, а остальных развернем назад по рации — скажем, мол, спасибо, сами справились.

— А не боишься, что тебе позже за такое башку открутят и в одно место засунут? — поинтересовался я.

— А мне на ваши идейные противоречия плевать, — невозмутимо ответил Захарченко. — Мне нужно, чтобы потери среди ребят были минимальные и позиция за нами осталась. А кто в этом поможет, «Долг» или «Свобода»... В общем, мне без разницы, то есть по это самое.

С точки зрения конечной цели он был прав.

Зомби тем временем закончил цикл регенерации, зашевелился и поднялся на косолапые ноги, заодно подобрав автомат. Пули выбили дорожку по самому краю бетонного блока, как раз над нашими головами. Захарченко высунулся лишь на секунду и метко вклепил зомби в голову пулю из винтаря.

— Ну, теперь успокоится.

Зомби и впрямь больше не шевелился. Он распластался, обхватив раскинутыми руками усыпанную бетонным крошечком и гильзами землю. Был он в прошлом такой же сталкер, как и все мы, возможно, сидел у тех же костров, пил ту же водку, менялся хабаром и думать не думал, что кончит жизнь безмозглым ходячим полутрупом, по необходимости расстрелянным своими же...

— Суки этот «Монолит», — сказал Захарченко. — Ну, понимаю, сектанты, фанатики — да. Бывает, видели... Сектанты на Большой земле тоже есть. Но чтобы своего брата-сталкера в такое вот превращать...

Он плюнул и замолчал, не собираясь дожидаться моего ответа. Я с ним спорить не собирался, хотя мог бы сказать, что в Зоне не только «Монолит» пакостит, и «загасить» брата-сталкера за дешевый артефакт ничуть не лучше, чем подправить ему мозги в «нужную» сторону, а то и вовсе заменить на кашу. «Монолит» мне, впрочем, тоже не нравился. Группировка была мутная и к причине зла имела самое близкое отношение.

— Они сюда прут, потому что исполнитель желаний охраняют, — с видом знатока сказал Захарченко. — Машина есть такая на четвертом энергоблоке. Стоит только до нее добраться, сделает все, что пожелаешь, — будут тебе бабки, телки, здоровье как у быка...

— Там уже кто-то побывал?

— Никто.

— Тогда откуда известно, что она там есть?

— Тьфу! Заткнись, Моро, не трави душу... Красивая ведь легенда. Всегда вы так, болтуны, только бы мечту человеку испакостить...

Захарченко замолчал и отодвинулся. Лиловая туча на востоке сгустилась и нависла низко над местностью. Там шел дождь. Граница дождя проходила как раз над линией смертельно опасного излучения. Труп зомби мок в кровавой луже.

— Полозова тут не приметил? — тихо спросил я Лунатика.

— Нет, — виновато ответил он.

— А что другие говорят?

— Говорят, не видели. Думаю, он по дороге на Рыжий лес отправился, к блокпосту «долговцев» свернул.

Наше пребывание на Барьере с этой точки зрения теперь лишалось всякого смысла, но и тихо исчезнуть мы тоже не могли. Уйти из и так не многочисленной группы Захарченко перед самой атакой означало сильно испортить себе репутацию, хотя мне, наверное, и портить было нечего.

— Если они тут прорвутся, ни в чем смысла не останется, — тихо сказал Лунатик, в очередной раз угадав мой настрой.

Зомби в луже внезапно шевельнулся и поднял голову. Он до сих пор был жив. В бинокль я видел много мелких деталей — рваную экипировку, повязку на нижней части лица и полностью белые, совершенно закатившиеся глазные яблоки.

— Вот они, «монолитовцы», идут... Занимаем позиции, хлопцы! — приказа! Захарченко.

Чужаки показались на фоне тусклого, лилового от заката тумана, как раз там, где он сливался с низко нависающей сизой тучей. Противники шли цепью, почти не скрываясь, и в своем упрямстве выглядели как зомби.

Когда мы открыли огонь, сделалось понятным, что настоящих зомби среди «Монолита» не более четверти. Более-менее автономные боевики с не до конца промытыми мозгами поспешили занять укрытия на местности, в то время как зомби продолжали лезть вперед, не обращая на наш огонь никакого внимания. Сами они при том стреляли удивительно метко.

Я устроился за штабелем бетонных блоков. Мой дробовик на расстоянии более тридцати метров был бесполезен.

— Возьми пока мой АКМ, — предложил Лунатик.

— А ты?

— Мне Захарченко винтовку дал с оптикой, осталась от снайпера, убитого вчера.

Зомби тем временем отчасти полегли под огнем, но уцелевшие подбирались к баррикадам. Треск выстрелов смешался с криками раненых и возгласами «монолитовцев». Сталкеры, которые заняли позиции на переднем крае, сейчас понемногу отступали. Они отстреливались и уходили по извилистому проходу, заманивая противника в глубь нашей обороны.

Их отход прикрывали другие сталкеры. Отрезанные от своих зомби были обречены на уничтожение группой, которую Захарченко полчаса назад отправил в засаду. Однако его план очень быстро оказался под угрозой из-за того, что залегшие было «монолитовцы», разгадав нашу тактику, зашевелились. Они не могли приказать зомби отступить — те слишком утратили человеческие навыки. Но вот испортить наши дела противник мог, причем очень серьезно.

— Ложись! — заорал кто-то.

Я едва успел пригнуться. Выстрел из подствольного гранатомета пришелся по соседней огневой точке. Там сейчас кто-то кричал, но у меня не было времени подойти — зомби, каким-то образом избежав плотного огня, очутился совсем рядом. Он шел прямо на нас с Лунатиком и неплохо ориентировался, хотя глаза закатились так, что на виду оставались одни белки без зрачков. Пули входили в этого монстра, не причиняя ему видимого вреда.

— В голову...

По крайней мере две пули уже попали ему прямо в лицо, еще одна оторвала ухо, но этот парень, видимо, уже полностью слепой, против всяких правил продолжал двигаться на меня, стреляя длинными очередями куда попало и не давая толком высунуться.

— Дробовик! — заорал Лунатик.

Я поднял дробовик и выстрелил в голову зомби, когда он находился всего в нескольких шагах от баррикады. Голову этим выстрелом ему снесло начисто, после чего монстр упал и принялся, дергаясь, отыгрывать имитацию смерти, но смерть на этот раз у него приключилась самая настоящая.

— Ложись! — снова заорал кто-то.

Граната разорвалась близко, один из осколков порвал рукав «Севы», второй врезался в ствол дерева возле меня.

— Лунатик, слышишь меня?

— Да.

— Сними вон того «монолитовца»! — приказал Захарченко. — Моро, прикрой парня.

Я снова поднял АКМ, перезарядил его и очередью заставил подтянувшихся врагов залечь. Действия Лунатика в этот момент я видеть не мог, но, как ни странно, чувствовал его сосредоточенное и холодное напряжение. Он высунулся совсем не надолго, я стрелял тоже недолго, но эти короткие доли секунды казались очень длинными.

— Есть...

«Монолитовец» с гранатометом ткнулся головой в кочку.

— Не давайте другим к нему подползать...

После этого стрельба из подствольника прекратилась. Мы же открыли шквальный огонь, не давая боевикам «Монолита» подняться.

— Дмитро, давай, покажи им...

Тот, кого звали Дмитро, перебрался к нам из дальней огневой точки с револьверным гранатометом «Бульдог-6», гранаты теперь рвались как раз там, где залегли наиболее сообразительные бойцы «Монолита», — на территории со смертельным для нас уровнем излучения.

— Все, уходят...

Уцелевших, надо сказать, осталось мало. Им стреляли вслед, но без особого рвения, патроны у людей Захарченко почти закончились.

— Еще одна такая победа, так и поражения не надо, — сердито буркнул он.

Близко подобравшихся зомби добивали тщательно, стаскивали в сторону и кидали прямо в потрескивавшую на обочине «Электру». Синие искры и молнии пробегали по скорчившимся трупам. Зато некоторые раненые «монолитовцы» так и остались лежать на «нейтральной» полосе в низине, невидимые в прицел, но все еще живые и недосыгаемые из-за смертельного уровня пси-излучения. Лезть туда никто не хотел, а тратить гранаты Захарченко запретил, их и так оставалось немного.

— Дмитро, подбери уroda, который с самого что ни на есть краю лежит, вон там, возле кустов, есть один. Но если это обычный зомби, сразу добей, нам нужен тот, у которого башка соображает.

Лунатик осматривал свою новую снайперку и молчал. Я прибрал оставшиеся патроны и заклеил дыру на «Севе» ремонтным набором. Сизая туча над Барьером поредела, дождь над укрепрайоном так и не пошел. Наступило затишье. Лунатик совсем осунулся — то ли испугался все-таки, то ли пси-излучение подействовало. Вдобавок все мы схватили небольшую дозу радиации.

— Смотрите, Дмитро возвращается, «монолитовца» волокет...

Дмитро сбросил на землю человека, одетого в серо-белый комбинезон неизвестного производства, похожий по структуре на хорошие стажерские костюмы.

— Противогаз с него снимите...

Противогаз с человека сдернули и отшвырнули в сторону.

У «монолитовца» было обычное лицо — не искаженное сумасшествием, с довольно ясными, хотя и беспокойными глазами, без пятен, характерных для зомби.

— Имя? — коротко спросил его Захарченко.

«Монолитовец» не просто молчал, но, что самое страшное — улыбался. Улыбка у него была снисходительно-презрительная, спокойная и не имела никакого отношения к желанию повыделываться напоказ.

— Врезать бы гаду как следует, — посоветовал кто-то.

— А не сдохнет?

— Ну и сдохнет — жалко, что ли?

— Благодарю тебя, священный Монолит, за то, что раскрыл мне, слуге своему, козни врагов наших. Озари сиянием мою душу, я же отдам жизнь за исполнение воли твоей... Дай братьям моим отомстить за меня... — внезапно пробормотал пленный.

— Молится он, что ли?

— Ага. Камню молится. Или куче мусора. Правильный он весь из себя. Сиянием сильно озаренный... аж от задницы до башки.

Я не стал вмешиваться, но подумал про себя, что из затей с допросом у людей Захарченко ничего не выйдет. Кличку «монолитовец» мог выдумать себе какую угодно, а происхождение клана «Монолит» и так не было секретом: в него странным образом попали сталкеры, которые слишком активно лезли к сердцевине Зоны. Группировка полностью организовалась только после большого выброса в августе этого года. Получилась она бойка, идейная, с плохой репутацией, зато с очень хорошей экипировкой. Выжигатель мозгов на них не действовал, радиация, видимо, тоже. Настоящих, классических зомби эти ребята использовали как рядовых боевиков и фактически вели беспощадную войну со всеми прочими кланами Зоны. Что самое любопытное — эту войну они до сих пор как минимум не проиграли.

Захарченко плюнул на траву и пошел прочь, не желая больше смотреть в сторону адепта «Монолита».

— Каких хлопцев у нас положили! Это ж лучшие... Нет больше таких сталкеров и не будет... И ради чего? Ради вот этого куска дерьма, который нам же в лицо и лыбится.

«Монолитовец» молился и улыбался.

Здоровяк Дмитро тем временем старательно и молча носил раненых и умирающих в более-менее незагаженное радиацией место. Там он их клал одного за другим на расстеленный брезент, который тут же побурел от крови. Захарченко тоже был задет осколком, но продолжал это принципиально не замечать, и рукав у него сильно набряк.

— Захарченко, ты бы на перевязку сходил...

— Отвяжись, Моро. Вон там Богдан лежит... — продолжал он. — У хлопца есть подруга на Кордоне, красивая, смелая, никто ее сюда не звал — сама приехала. Люди Валериана ее, конечно, поберегут, дальше Кордона не пустят, в Зону не поведут, о том была договоренность. Но что я ей скажу? Вон, коммуникатор Богдана валяется и даже не совсем сгорел — может, знаешь, что ей отписать?

— Не знаю.

— Вот и я не знаю. «Погиб твой Богдан в бою против придурков, которые молятся каменной куче... не сказать бы чего, невежливо».

— Нам бы лучше уйти... — пробормотал Лунатик. — Пойдем отсюда, Моро. Все равно Полозова тут нет, зачем на это смотреть.

«Монолитовца» тем временем колотили вовсю, больше из мести, чем в расчете узнать что-нибудь путевое.

Кое в чем был я с Захарченко не согласен, бойцы «Монолита» мне тупыми придурками не казались. Фанатизм в них был, и немалый, — этого не отнимешь. Однако между фанатизмом и смелостью граница вообще-то размытая. Оружие у «Монолита» водилось первоклассное, комбезы — ни на какие другие не похожие, но новейшего образца, значит, стояла за ними реальная, без мистики, сила. Что за сила, откуда взялась, кто за веревочки дергал... Потолковать на эту тему с «монолитовцем» мне очень хотелось, но он, возможно, и сам ничего не знал.

— Пошли, Моро.

Лунатик почти сорвался, он все тянул и тянул меня за рукав. Показалось даже, что парень испуган, хотя причину я тогда не понял.

— Вот союзнички, мать их, — снова возмущался в стороне Захарченко. — Ни «Долга», ни «Свободы» так и не видать... Думал, выбирать придется, а хрен — выбирать-то и не из кого...

Захарченко был прав. Харт со своими людьми не пришел, его опоздание нечем было объяснить, кроме нежелания ввязываться в чужие для него дела...

— Я на блокпосту Харта компас свой позабыл, — смущенно признался Лунатик. — Хороший, лучше твоего.

— Артефакт, что ли?

— Нет, обычный компас, но без него ведь тоже нельзя. Не ругайся, Моро, но возвращаться придется...

Компас был предлогом, по какой-то причине Лунатик стремился уйти подальше от отряда Захарченко, точно так же, как несколько часов назад стремился в этот отряд попасть. С моей точки зрения, он в отличие от всех нас жалел «монолитовца», но, возможно, были и другие причины.

— Ладно, пошли.

...Мы двигались обратно, на запад, в сторону блокпоста «Свободы». Небо поменяло все оттенки от алого до темно-лилового, а потом угасло. Собаки опять были вдалеке, но к нам не лезли, наверное, затравили на ужин парочку плотей.

— Ты много знаешь про «Монолит»?

— Ну, примерно то же самое, что и другие... — ответил я Лунатику. — Люди, повернутые на мистике, есть везде. В Зоне они были тоже, играли в какие-то свои игры, ну и заигрались. Когда в августе шарахнуло, они все разом снялись и ушли за выжигатель мозгов. Коммуникаторы у них, что интересно, при этом отключились. Впрочем, при высоком радиационном фоне электроника просто горит. А что?

— Ничего. Просто интересно, что их вдруг позвало. А ты где был во время большого выброса?

— Там же, где другие ребята, — в казарме на «Агропроме».

— Почувствовал что-нибудь странное?

— А что я мог почувствовать? Колбасило гораздо сильнее, чем всегда. А так больше ничего.

— Ясно... — задумчиво протянул Лунатик.

Возле блокпоста «Свободы» по-прежнему горел костер. Только теперь, в темноте, он выглядел очень ярким. «Свободовца» с гитарой возле него не оказалось. Я немного опасался, что сгорая и в темноте нас могут встретить пулями, поэтому подал голос издали:

— Нейтралы идут!

В ответ промолчали.

Когда мы подошли вплотную, костер продолжал гореть, медленно угасая и превращаясь в круг раскаленных углей, запас топлива, аккуратно нарубленных сухих веток, лежал неподалеку.

— Эй, ребята, есть тут кто?

Кусок колбасы до сих пор оставался на расстеленной старой газете. Он был розовый и свежий, надрезанный с краю. Распахнутая дверь вагончика покачивалась на ночном сквозняке. Внутри вагончика, на железной койке, на той самой, на которой я валялся, пережидая выброс, кто-то бросил пустую коробку из-под антибиотиков. Больше с нашего прошлого посещения не изменилось ничего.

— Держи ствол наготове.

Мы двигались предельно осторожно, прикрывая друг друга. Блокпост находился в полном порядке, нигде ни следов борьбы, ни капли крови. Ноутбук Харта на расстеленном

брезенте работал, демонстрируя заставку из абстрактных линий. Сигарета, брошенная в песок, еще не догорела и тлела оранжевой точкой. На брезенте сохранилось углубление, примерно соответствующее контуру лежащего человека. Лезть еще дальше, в извилистый проход между штабелями бетона, мне не хотелось — там стояла тьма кромешная.

— Пошли назад, Моро, — вдруг сдавленно прошептал Лунатик. — Быстро...

— Проверить бы надо... Мало ли... Опять же, ты компас там мог уронить.

— Моро... Не надо проверять... Черт с ним, с компасом.

Он теснил меня назад, отчасти прикрывая собой и держа АКМ наизготовку.

— Ты чего?

— Ничего.

— Мандражишь, что ли?

— Да.

— Где все?

— Нигде.

— Что это было?

— Не надо про это говорить.

Мы пятились, тишина стояла мертвая, не свистел ветер, не лаяли даже псы.

— Прикрой, я ноутбук Харта подберу. Правда, если он догадается, кто взял, — башку мне при встрече оторвет.

— Нету больше Харта, Моро. Не вернется он, и не будет встречи.

Я и сам уже все понимал, но ноутбук поднял.

Мы так и ушли, отступая за пределы мутного круга света, создаваемого умирающим костром.

Глава 12. Поиски

Октябрь 2001 года, Зона, территория военной базы.

Мутант, как это обычно бывает, вывернулся ниоткуда. Точнее, определенные признаки его скорого появления имелись — я заметил, что в темноте, на расстоянии нескольких шагов от меня, без видимой опоры болтаются в воздухе светящиеся глаза. Потом глаза «обросли» темным силуэтом, и на нас, размахивая когтистыми руками, попер голый мужик, весь в рыжеватой короткой шерсти и с вытаращенными буркалами. Это был любимый персонаж сталкерских анекдотов — кровосос. Если бы не щупальца вокруг рта, он смахивал бы на сбежавшего из лечебницы психа, однако смешного в происходящем оказалось мало, поскольку кровосос был голоден, на ужин наметил меня и уже заходил сзади.

Внезапно он исчез, будто растворился в воздухе, а через секунду вцепился, щупальца ткнулись в закрытый (по счастью) шлем «Севы» со стороны затылка, а по стеклу возле моего лица, но с наружной стороны, потели струйки слюны, смешанные с парализующими выделениями желез. Я пытался оттолкнуть монстра, а он все пытался высосать из шлема несуществующую кровь.

— Вот ведь гад такой... — растерянно сказал Лунатик.

Стрелять он не мог, опасаясь меня же и задеть, поэтому несколько раз ударил ножом, метя в межпозвоночные диски. Кровосос не впечатлился, а просто отмахнулся лапой, сбил Лунатика с ног, но меня не выпустил. Дергайся — не дергайся, а схватив жертву, кровосос уже не отвяжется, пока ее не убьет, и отогнать его невозможно. «Севу» он все равно бы прокусил в конце концов, поэтому я развернул дробовик через собственное плечо, выстрелил и попал удачно — в шею и верхнюю часть груди чудища.

Даже умирающий кровосос выпускал меня очень неохотно. Он упал. Из пробитого жилистого тела активно вытекала жидкость неясной природы. Чудище, утробно простонав, уже сдохло, а Лунатик до сих пор лежал на земле и едва поднялся, когда я ему помог.

— Вот ведь гад, врезал мне прямо под ложечку, так что чуть не стошнило, да еще и комбез порвал. Не нравятся мне кровососы, глаза у них жуткие.

— А кому такое нравится?

Я попытался почистить шлем, но он не чистился.

— Вроде других таких больше не видно.

— Хотелось бы верить.

Остаток ночи следовало потратить на поиск снаряжения для Лунатика. Его комбез, и без того ветхий, за последние сутки превратился в ни с чем не сообразную рвань.

Военная база находилась на юге, то есть в противоположной стороне от Лиманска, на развилке нам попался еще один блокпост, довольно многолюдный, плохо обустроенный и только недавно занятый людьми Захарченко.

— Новости есть? — поинтересовался худой парень в трофейном камуфляже.

— Лагерь Харта пустой стоит.

— Даже так... — Он заметно помрачнел, но не особенно удивился. — Здесь такое иногда бывает. На час отошел от лагеря, вернулся — нет никого, только костер догорает. Ни тел, ни следов, ни крови — чисто, будто бы сами перебрались в другое место, только вещи зачем-то бросили.

А поконкретнее что-нибудь знаешь?

Сталкер дернул плечом и напоказ отвернулся, говорить об исчезновениях он почему-то не хотел, и я от человека отстал.

— Если к казармам идете, поаккуратнее там... — все же посоветовал он. — Рассвета лучше дождитесь. Хотя чего ждать? Светает уже... В общем, зомби там замечены, причем не «монолитовские» они, а какой-то другой породы.

Я сказал парню «спасибо», после чего мы с Лунатиком свернули на дорогу к базе, выложенную крупными плитами. То здесь, то там на обочинах застыли навсегда брошенные машины, были среди них и легковушки образца 80-х и даже заржавевший БТР. Пляц, казармы и подсобные постройки ограждал от посторонних отлично сохранившийся кирпичный забор с вышками и воротами, однако ворота эти сейчас стояли распахнутыми настежь. Неподалеку лежали трупы в армейских комбезах, над телами, сгрудившись, ворчали слепые псы. Лунатик выпустил по собакам очередь, мутанты отступили, но не сбежали, а продолжали кружиться неподалеку, то ли поджидая нашего ухода, то ли собираясь напасть.

— Надо казармы проверить и склад.

— Вон там, на плацу... Красавцы, нечего сказать...

Худой сталкер не соврал, по плацу и в самом деле шагали зомби, десяток, может быть, чуть больше. Они еще сохранили остаточные воспоминания солдат, поэтому, несмотря на открытые ворота, не пытались выбраться за территорию базы, вместо этого двигались хаотически, характерно, на мутантский манер, косолапая. Мы, стараясь не показываться, двинулись вдоль забора, с его внутренней стороны.

— Снимешь зомби из снайперки? — шепотом спросил я Лунатика.

Он только молча кивнул и начал осторожно, стараясь не греметь ботинками, подниматься на ближнюю вышку. Лестница шла вокруг этой вышки спиралью, а на самом верху упиралась в крытую площадку.

Я на самый верх не полез, а остался прикрывать напарника на втором ярусе.

Винтовка Лунатика выстрелила бесшумно и без вспышки. Когда первый зомби упал, остальные не обратили на это особого внимания. До их угасающего создания перемена обстановки доходила очень туго. Зомби вообще умирают медленно, первый мутант еще шевелился на асфальте, когда от выстрела свалился второй.

Вот в этот момент все изменилось, зомби, тяжело стуча ботинками, бросились к вышке, намереваясь добраться до Лунатика раньше, чем он развернется с громоздкой снайперкой и перестреляет их по одному. Пока враги бежали, Лунатик уложил еще троих. Оставшиеся пятеро разделились. Двое заняли позиции внизу и попытались огнем помешать Лунатику высунуться, еще трое рванули по винтовой лестнице вверх и для него попали в «мертвую

зону». Меня встретить на втором ярусе мутанты не ожидали, поэтому первого я сшиб из дробовика. Двое выживших отступили вниз по лестнице и засели за большим ящиком. Чем он был наполнен, не знаю, но чем-то тяжелым, потому что пули его не брали. Два других зомби, занявших позиции на плацу, мгновенно перенесли огонь с Лунатика на меня. Пули свистели совсем рядом и звякали об арматуру ограждения, но мой напарник получил несколько секунд форы и успел уложить самого назойливого из этих из стрелков. Выживший зомби снова перенес огонь на Лунатика, но тот уже пригнулся, зато высунулся и начал стрелять я. Перестрелка в том же духе продолжалась какое-то время, нас выручала неспособность зомби долго координировать свои действия. Самый последний раненый зомби продолжал давить на спусковой крючок, не замечая, что кончились патроны, не замечая даже свой развороченный живот. Этот мутант оказался везучим и едва не убил меня, попав из пистолета в верхний край бронежилета «Севы». Его это не спасло, но мне показало, что слишком надеяться на глупость противника не стоит, даже если основания для этого имеются. Раненого мутанта я добил, на этом зачистка и закончилась, хотя зомби-одиночки еще могли бродить где-нибудь внутри зданий.

— Ты цел? — крикнул сверху Лунатик.

— Да.

— Я спускаюсь.

Спускался он слишком медленно, а когда наконец появился, я увидел, что Лунатик ранен. Он был с непокрытой головой, сломанный шлем «Свободы» выбросил сразу после обороны Барьера, теперь след от пули проходил через висок над ухом. Был задет череп или нет, я не понял, но кровило сильно. Кровь стекала по левому уху и щеке, делая Лунатика не похожим на себя и превращая его лицо в асимметричную маску.

— Зацепили немного, мелочи.

— Обработать нужно, — настаивал я.

— Сейчас само присохнет.

Оно, конечно, не «присыхало», но трогать эту рану руками я не решился — антисептиков не осталось, кроме водки, к тому же мы оба были грязные как черти — в ошметках зомби, в радиоактивной пыли, а я перед этим извожился в слюне кровососа.

— Давай сюда рюкзак.

Я обшарил оба рюкзака, но из антибиотиков нашел одну-единственную ампулу с наполовину стертой неразборчивой маркировкой.

— Вот ведь, зараза хренова. Пошли в казарму.

Была вероятность, что медицинские запасы базы сохранились. По крайней мере зомбированным военным лекарства точно не нужны, а сталкеры до сих пор держались возле Барьера.

Ночной ветер посвистывал и гонял мусор на плацу. Луна светила очень ярко, озаряя странную смесь порядка и запустения и заставляя вышки отбрасывать длинные тени.

Лунатик шел все медленнее. Правая сторона его лица, не покрытая кровью, казалась мертвенно-бледной. Я опасался, что он свалится и не дойдет, поэтому, не тратя времени, потащил своего напарника прямо через плац к центральному входу.

Уцелей где-нибудь недобитый зомби, мы бы сделали для него неплохой мишенью, но мутанты то ли полегли все, то ли разбрелись в поисках других врагов.

Здание казармы когда-то построили из красного кирпича. Теперь на уровне второго этажа прямо в стене фасада зияла приличных размеров дыра. Кто ее, когда и при каких обстоятельствах проломил, сложно было догадаться, во всяком случае, кирпичи обвалились наружу, а не внутрь, и пробоина не являлась результатом обстрела. В остальном это здание сохранилось неплохо, хотя некоторые другие постройки представляли собой руины.

Внутри казармы горел свет, наверное, генератор находился в подвале. Целые и даже будто бы новые лампы странно контрастировали с обшарпанными стенами, изуродованными и изогнутыми перилами лестниц. Вся обстановка, включая пол, стены, остатки мебели, немного «фонила».

— Держишься?

— Держусь... — пробормотал Лунатик.

Он шатался, поэтому я нес и его винтовку, и свои стволы, иначе бы он уронил оружие на пол, но я не мог нести еще и человека. Я не знал, как ему помочь без аптечки, поэтому зашел в первую попавшуюся комнату и уложил на металлическую голую койку. Кроме этой койки, в комнате (крашенной когда-то синей масляной краской) обнаружился порожний ящик из-под патронов.

— Жди меня здесь.

— Ладно. Ствол только оставь.

Я положил возле Лунатика его винтовку, после чего обыскал комнаты на первом этаже. В основном они стояли пустыми, но в одном из металлических шкафов нашелся очень хороший, модернизированный бронекостюм «Булат», он бы подошел Лунатику, но Лунатик был совсем никакой. Когда я вернулся, притащив комбез, на полу под койкой уже скопилась лужица подсыхающей крови.

— Что-то не останавливается, — сказал он смущенно, как будто провинился в чем-нибудь.

Надо было искать медикаменты, хотя бы все тут пришлось перевернуть, но переворачивать-то оказалось особенно нечего — вещи с первого этажа почти все вынесли, только возле лестницы я нашел высокий алюминиевый контейнер для жидкости, герметично закрытый. Из вполне понятной предосторожности контейнер открывать не следовало. На втором этаже сквозило через дыру в стене. Свет тут тоже горел, за проемом выбитой двери внезапно обнаружился огромный и совершенно целый бильярдный стол. Шары и кии исчезли, но зеленая обивка выглядела чистой и почти новой, хотя бильярд тут стоял наверняка еще с восемьдесят шестого года. В комнате был даже пестрый ковер. Почти такой же ковер лежал в кабинете Крылова...

Ковер и бильярд вызывали ложное чувство безопасности, я поддался ему и чуть на этом не погорел. Лязгнул металл. Пистолетная пуля, просвистев рядом, вошла в остатки искореженного деревянного косяка.

— Кровосос, сука... — раздался из-за угла хриплый голос. — Давай, приходи, жри...

— Не нужен ты кровососам, они дураков не едят, — отозвался я, не высовываясь из-за стола.

— Человек, что ли? — неуверенно спросил все тот же хриплый голос.

— Человек.

— Ну, тогда ладно...

Он больше не разговаривал, только тяжело дышал.

— Ствол брось, тогда поговорим, — предложил я.

— Я те брошу... — мрачно отозвался он. — Знаем мы вас, мародеров, сталкеров, шпану. Я ствол брошу, ты меня сразу добьешь.

— Военный, что ли?

— Капитан Бурцев.

— Меня зовут Моро. Ствол можешь не бросать, но опусти и выходи так, чтобы я тебя видел.

— А зачем мне выходить? — задумчиво поинтересовался капитан, и я понял, что человек явно не в себе.

— Так и будешь сидеть в углу?

— Ага, буду. Я тут последний. Жду, пока подкрепление не подтянется.

— Я от самой Свалки шел, ни одного вашего отряда не встретил. Никто сюда не придет. Ну, может, разве что и впрямь твои бывшие кореша, а ныне зомби, заявятся.

— Вот зомби-то едва ли, — засмеялся Бурцев. — Слышал, как вы их на плацу и возле вышек положили. Хотел после вас в дыру гранату кинуть, но передумал... Наверное, зря.

— А теперь что, снова решил повоевать?

— Нет, я тебя за зомби принял. Вижу я плохо в темноте.

По спине между лопатками у меня пробежал холодок. Бильярдная, как и большинство комнат, освещалась довольно яркой галогенной лампой.

- Эй, капитан... Ты что, слепой, что ли?
- А ты догадливый, сука... Я думал, что раз ночь, значит, темно.
- Откуда знаешь, что ночь?
- По ночам тут собаки воют...

Бурцев был слеп и более-менее неопасен. Я не пытался его разоружить, просто попятился в сторону коридора и осторожно вышел.

— Если медикаменты ищешь, то они в последней комнате направо, — заорал Бурцев мне вслед.

Видимо, потеряв зрение, он приобрел интуицию и способность ориентироваться по звуку. В указанной им комнате могло оказаться что угодно, в том числе и ловушка, но я все равно туда пошел.

Это была небольшая запущенная клетушка с хирургическим столом в давно засохшей крови, с неработающим стерилизатором и несколькими медицинскими шкафами. Стеклопанные дверцы шкафов не открывались без ключа, я их попросту разбил, а потом взял несколько стандартных армейских аптечек, перевязочный материал, одноразовые шприцы, коробку с большими ампулами и несколько других коробок — поменьше.

— Если нужна вода — она в подвале только из крана течет! — снова мне вслед заорал Бурцев.

Вода была сомнительной, но выбора не оставалось, и я набрал ее в единственную подходящую посуду — в алюминиевое ведро из разоренного буфета.

Когда я вернулся к Лунатику, он уже не лежал, а сидел и выглядел не таким усталым, я вымыл руки и обработал ему голову, соединив края раны скобками, сделал перевязку и закатил пару уколов. Все это вместе должно было предотвратить заражение, но использованный мною транквилизатор неизбежно вызывал сонливость. Спать в зараженном месте не следовало, но и уходить было некуда — разве что в такой же радиоактивный поселок, к тому же наполненный собаками и кровососами. Подумав, я просто заставил напарника надеть броню «Берилл», а сам положил в карман «медузу». — Шум был... Кто там наверху?

— Слепой армейский псих.

Услышав такой ответ, Лунатик почему-то успокоился, наверное, опасался другого.

— Спать хочется, но ведь нельзя, — вяло пробормотал он и отключился.

Я обошел здание и запер и завалил мебелью потяжелее все внешние входы-выходы. Отбить в одиночку атаку многих мутантов я бы не смог, но в запертые двери они ломались редко.

— Э-э-э! — донесся приглушенный крик Бурцева со второго этажа. — Бу-бу-у...

Слов я не разобрал, поэтому поднялся узнать, чего он хочет.

— Ствол убран, подходи, поговорить хочу.

Армеец выбрался из своего угла в бильярдной и теперь сидел на одном из уцелевших стульев. Я рассмотрел его как следует. Человек давно не брился и сильно оброс, выглядел похудевшим и осунувшимся. Глаза у капитана были совершенно нормальные на первый взгляд, только слишком неподвижные. Носил Бурцев форменный армейский «Берилл» с отстегнутым шлемом.

— Удивляешься, что я здесь делаю? — спросил он с кривой улыбкой. — Все очень просто — я уйти не могу. Сам дорогу не вижу, а главное, не вижу тех, кто по дорогам ходит, да и, если честно, вообще ничего...

Бурцев был прав — за пределами казармы порвали бы его в минуту. Он и так выжил чудом.

— Как это случилось?

— Большой выброс в конце августа, вот, после него.

— Значит, уже месяц...

— Да.

— А остальные где?

— Будто бы ты не знаешь... Убиты выбросом сразу, ушли, зомбированы... Варианты есть, и все эти варианты паршивые.

— А тебя почему бросили?

— Я примерно сутки как труп лежал. Очнулся — темно. Сначала думал, ночь. Потом понял, в чем тут дело... на помощь звать не стал, добрался до казармы на ощупь, сразу на второй этаж полез. Сидел тут сутками, двери этим самым бильярдным столом и подпирал. Снаружи — вой, шум, крики, а временами такая тишина, аж жутко. По рации пытался с командованием связываться... Много раз. Все время глухо, думаю, сломалась она. Может, отремонтировать сможешь?

— Чего ради?

— А того ради, что, пока мы тут товарищей клали и месяцами Барьер держали, вы, шушера сталкерская, за Кордон таскали артефакты и друг другу в разборках мозги вышибали, — сказал Бурцев зло. — Ты ведь из этих, которые «нейтралами» себя называют?

— Да, — солгал я.

Разубеждать его не хотелось. «Долг» с Зоной воевал жестче и успешнее, чем армейские сталкеры, часто из бывших военных и комплектовался. Однако капитану историю моего «отступничества» знать было ни к чему.

— Я, скажем, починю твою рацию, а ты «вертушку» для зачистки сюда вызовешь.

— Вызову или не вызову... Доложить об обстановке все равно обязан, вот что. Ну и заберут меня отсюда — тоже хорошо. Думаешь, весело в этой дырище за чужой хабар умирать?

— Какой хабар?

— Будто бы не знаешь? В сентябре полыхнуло не просто так... Кто-то к центру Зоны в обход выжигателя мозгов пролез. Лезть ему туда не за чем, кроме как за хабаром.

— С чего ты это взял? Ты же тут месяц один сидишь.

— Знали мы заранее, что будет попытка прорыва к центру Зоны. Откуда — не твое дело.

Бурцев прекратил разговор, видимо, понял, что сболтнул лишнее, причем основательно.

— Ну так как — рацию починишь? — через некоторое время вкрадчиво поинтересовался он.

— Нет, не починю. Я тебе лучше попозже помощь вызову. Наемников или «Долг», кого получится. С наемниками сам рассчитаешься, не деньгами, так информацией. А «Долг», наверное, и так поможет, у Крылова с вашими нейтралитет.

В качестве благодарности Бурцев обложил меня трехэтажным матом, но это значения не имело. Проблема была в том, что я ему не особенно доверял, в основном из-за малозаметных, но для меня очевидных нестыковок в рассказе.

Выжить на заброшенной базе, окруженной мутантами, слепому можно, хоть и сложно, чудеса иногда бывают. А вот утаить собственное присутствие от сталкеров Захарченко, которые эту базу пусть даже наспех, но осматривали, нельзя, да, собственно, и незачем, если все по-честному. На кухне и в буфете я не нашел остатков еды, не было их и в бильярдной. Свой «Берилл» Бурцев принципиально носил без шлема, детектора я у него тоже не заметил.

— Так какая тебе разница, с которой рации подмогу вызывать? Зачем твою чинить, если моя исправна, — предложил я, дождавшись, когда он выдохнется. — Не хочешь позже, давай я прямо сейчас вместо тебя и попробую.

— Черт с тобой, придурок упрямый. Только завтра утром, не раньше. Халецкий спасибо не скажет, если его ночью из-за меня разбудят.

— Хорошо, — ответил я.

Бурцев облокотился о бильярдный стол и уронил голову на скрещенные руки.

— Устал, спать хочу... Столько дней на нервах... — пробормотал он.

— До завтра, я к напарнику пойду, надо посмотреть, что с ним...

Мне и Лунатику с базы следовало уходить. Как можно быстрее, пока не поздно, и не в прибытии военной «вертушки» было дело. Перед тем, как спуститься вниз, я подошел к дыре и выглянул наружу. Медленно и нехотя занимался октябрьский рассвет. В пробоину просматривался кусок плаца, вышки, брошенные в спешке ящики, ржавый, завалившийся набок джип, ближний холм с оградой, проходящей по гребню. Ничего подозрительного я не замечал до тех пор, пока за соседней руиной не мелькнула тень, очень похожая на человеческую. Там мог оказаться недобитый зомби или заглянувший поживиться мародер, но готовиться следовало к плохому.

По лестнице я спускался без спешки, так, чтобы Бурцев слышал мои спокойные шаги.

Лунатик проснулся и выслушал меня внимательно. Лицо у него окаменело.

— Так... Давно ты этого самого Бурцева встретил?

— Два часа назад, когда медикаменты для тебя искал.

— Почему сразу ничего не говорил?!

— Ты вырубился, по тебе кровь текла, как вода. Без перевязки бы далеко не ушел...

— Что я могу, а чего не могу, не тебе решать, Моро. Сейчас-то почему встревожился?

— Зрачки у этого Бурцева ненормальные. Вертикальные они, как у зверя.

— Ясно... Я в порядке, так что уходим, пока они не опомнились.

Лунатик боялся, хотя, несмотря на внешность ботаника, трусом он не был. Страх Лунатика сильно обеспокоил и меня.

— Кто «они»?

— Потом расскажу, сейчас каждая минута на счету.

— Может, пристрелить капитана и не заморачиваться?

Я думал, что мой напарник, с его идеализмом, станет возражать, но он только мотнул опушенной головой и ответил довольно жестко:

— Поздно, не поможет. Да и справиться с такими, как Бурцев, нелегко, не настолько он слепой, как кажется.

Лунатик явно знал куда больше, чем говорил, и я твердо решил, что расспросить его нужно посерьезнее, но в тот самый момент времени уже не оставалось.

Мы разбаррикадировали дверь и собрали вещи. Старый комбез Лунатика бросили, медикаменты рассовали по рюкзакам. Из артефактов я взял себе «грави», который позволял увеличить переносимый вес, и почти все вещи навьючил на себя. Лунатику осталась его винтовка, которую он ни за что не соглашался сменить на АКМ. Светало очень быстро. Теплые дни осени кончились безвозвратно, сырой и холодный октябрьский ветер гнал низкие облака. Тела убитых вчера зомби мокли под дождем на плацу, но было их уже восемь, а не десять.

— Поднялся кто-то?!

— Наверное. Звери же их не едят. Ты постой тут, Моро, и прикрой, я первым выйду.

— Зачем?

— На мне «Берилл», его пули почти не берут.

Я пустил Лунатика вперед неохотно, ситуация мне не нравилась все сильнее. Он перемещался перебежками один через открытое место на плацу, слишком напоминая приманку. Глядя вслед Лунатику, я впервые задумался о том, о чем, по идее, обязан был подумать гораздо раньше. Зачем он так настойчиво приглашал в Лиманск меня? Отступник для любого нормального сталкера был не лучшей компанией, а выносливости и сообразительности несильного на вид Лунатика по любым меркам цены не было. Вот и сейчас он двигался спокойно и уверенно, выбирая укрытия грамотно, и быстро продвигался к воротам. С позиции возле этих ворот он видел бы все пространство перед казармами и мог легко прикрыть меня.

Все было правильно и целесообразно, но тревога моя усилилась, а это уже нехороший знак, который иногда посылает сама Зона.

— Вот ведь...

Лунатик вдруг рванул в укрытие, я сразу понял, откуда по нему стреляли — с той самой вышки, которая послужила нам огневой позицией прошедшей ночью. Я выпустил по снайперу очередь из АКМ и заставил его залечь. Лунатик тоже залег за большим контейнером, находившимся возле ржавого джипа. Снайпер, пока я веду непрерывный огонь, не высовывался, пока он не высовывался, Лунатик не мог его ликвидировать, так что ситуация получалась патовая. Между мною и напарником теперь было метров тридцать. Координировать наши действия мы не могли иначе, чем по наитию, а наитие плохо работает, если ты целую ночь не спал.

Глава 13. Схватка

Октябрь 2011 года, Зона, территория военной базы и другие места.

Снайпером скорее всего был Бархан, пусть он появился слишком рано, зато почерк был похожим. Кричать что-то Лунатику сейчас смысла не имело, вдобавок патроны в магазине кончились, я убрался подальше от дверного проема, чтобы перезарядить автомат. В горячке стрельбы о Бурцеве мы позабыли, но теперь я все же о нем вспомнил. Был «капитан» якобы слеп, но, чтобы швырнуть гранату сквозь дыру в сторону Лунатика, острого зрения и не требовалось. По лестнице вверх я несея, перепрыгивая через ступени, в совершенном отчаянии, что не разобрался с Бурцевым еще прошлой ночью, но сожаление — дело бесперспективное. Догадался ли Лунатик о моих намерениях, или нет, но, оставшись без прикрытия, он залег и не высовывался. Бархан наверняка следил за его укрытием в прицел, а я, ворвавшись в бильярдную, застал ее пустой. Около дыры-амбразуры Бурцева тоже не оказалось. Всего комнат на этаже было шесть или семь. Я поочередно проверял каждую, не понимая, куда лжекапитан мог подеваться. Нашелся он сам, выскочив на меня со стороны запасной лестницы. Видимо, пока я поднимался по левой стороне, он спускался с правой. Видел Бурцев действительно плохо, поэтому под пули на плацу не рвался, но встречи со мной он искал.

— Эй, Моро, ты здесь? — неуверенно спросил он.

Я промолчал, выжидая.

— Отчего стрельба? — спросил он, повернувшись точно в мою сторону.

Я опять не ответил. Бурцев не пытался напасть, он вообще вел себя довольно естественно для человека, застигнутого непонятными событиями врасплох. Я уже начал сомневаться в своих недавних выводах и подозрениях.

— Да ладно прикалываться, я же чувствую, что ты неподалеку стоишь.

Он смотрел мне прямо в лицо. Зрачки у капитана были словно у кошки — большие, вертикальные, однако такая мутация еще не делала его врагом.

— Подойди поближе, — попросил он. — Помоги сориентироваться. Я же тут топчусь как дурак, направление потерял. Стреляет кто?

— Снайпер на вышке ночью засел.

— Я тебе, Моро, обузой не буду, нянчиться со мной не надо, только отведи обратно в бильярдную. Помочь хотелось бы, но сам понимаешь...

Бурцев был безоружен и слеп. Он был прав, а я — неправ в своих подозрениях, так мне тогда показалось.

Поэтому я подошел ближе и взял его за руку.

Через секунду из пистолета, спрятанного в рукаве, он выстрелил мне прямо в грудь.

Считается, что бронежилет «Севы» способен остановить пистолетную пулю. Это в теории, а в реальности эффект такой, будто тебя лягнул осел и в лучшем случае синяк сядет размером с небольшую тарелку. Руку Бурцева я выпустил и рефлекторно отпрянул, пытаюсь восстановить дыхание, АКМ висел на плече, я не сразу его стащил, а слепой Бурцев продолжал палить по звуку, собираясь истратить все патроны в обойме.

...Он имел мало шансов, но что-то для лжекапитана пересиливало эту безнадежность — то ли яркая ненависть ко мне, то ли просто приказ. Я в конце концов расстрелял его в упор из автомата, но этот человек (или нечеловек), против всяких законов природы, продолжал дышать, даже вертикальные зрачки вдруг утратили свою неподвижность и запульсировали.

После контрольного выстрела покрытые слоем грязи и крови пальцы Бурцева все равно шевелились. Он уже не мог сражаться, но продолжал инстинктивно бороться за жизнь, и я спускал курок до последнего, пока останки того, кто уже перестал быть человеком, не прекратили дергаться совсем.

На этом все и закончилось.

Гордиться тут было нечем, от результатов такой расправы, наверное, стошнило бы даже циника Ремезова, а может, даже упрямого Шуру, однако Бархан никуда не делся, и у меня не было времени на подобные заморочки.

Стрельба во дворе утихла. И Лунатик, и Бархан засели каждый в своем укрытии. Я вернулся к пробоине в стене второго этажа и обнаружил, что через нее огневую точку Бархана видно гораздо лучше, да и расстояние по прямой не очень велико. Это был неучтенный фактор, о котором мы не договаривались с Лунатиком, оставалось надеяться, что он сориентируется и сумеет действовать по обстоятельствам.

Гранат у меня оставалось три. Все три гранаты я «отправил» Бархану одну за другой. От взрывов сверху посыпался мусор и неясной природы обломки.

— К воротам! — заорал я Лунатику и на всякий случай выпустил по позиции на вышке длинную очередь.

Бархан в ответ больше не стрелял. Он не стрелял даже тогда, когда я спустился во двор и быстрыми перебежками вслед за напарником переместился к воротам. Путь был открыт, а мы свободны, но я решил вернуться и зачистить позицию на вышке, даже двинулся туда и сделал несколько шагов.

— Стой, — внезапно сказал Лунатик.

— Ты чего?

— Не суйся наверх, он жив, просто винтовку заклинило.

— Откуда ты знаешь?

— В прицел видел, как он там возится, но в стык брони попасть не сумел.

— Если сейчас не закончим, он следом будет идти. Или мы его, или он нас, третьего тут не дано.

— Да знаю я, Моро, — с досадой ответил Лунатик. — Все понимаю, но тот, кто полезет вверх по лестнице сейчас и лоб в лоб к этому уроду, — точно покойник. На нож попадет. Я туда не пойду и тебя не пущу. Он за нами сразу не двинется, сначала другую винтовку искать будет, а мы людей Захарченко предупредим, чтобы с этим Барханом не связывались, ни стволов, ни патронов ему не продавали. Так что побегать ему придется немало.

Как меня такая незавершенная операция злила — нет слов. Тот факт, что мы вдвоем не могли «оприходовать» одного «бессмертного» Бархана, злил тоже. Но, по сути, Лунатик был прав, и я послушал его, хотя и неохотно. Дождь тем временем припустил вовсю, ухудшая видимость и превращая окрестные пустоши, населенные кровососами и собаками, в скопище непролазной грязи.

— Пошли отсюда, пока он не оклемался.

— Зрелище первоклассное — победители убегают...

Дождь все хлестал и хлестал по дороге, брызги, разбиваясь, отскакивали от бетонных плит. Над блокпостом развилки, несмотря на ливень, дымилось. Позже оказалось, что дымили мокрые дрова в наполовину потухшем костре. Вскоре он погас полностью. Сталкеры сбились под навесами, но, чтобы дать нам место, немного подвинулись. Они нервничали и говорили все разом — кто-то перетирал вчерашнюю историю с обороной Барьера, а Дмитро навязывал компании бородатый анекдот про сталкера на перекрестке.

— Идет сталкер и видит три указателя...

— ...Прямо написано — монстры, направо написано — аномалии... — подхватил кто-то.

— А налево — кабаки и девки, — упрямо продолжал Дмитро. — Вот и думает сталкер, спросить бы у кого поопытнее, что это за ужасы новые, невиданные — кабаки и девки...

— Заткнись, слушать тошно.

— Да уж, старый анекдот, надоело.

С нами поздоровались, но больше внимания не обращали. Напасть на блокпост Бархан бы не посмел, так что убежище было хоть на короткое время, но надежное. В общем гуле голосов наш с Лунатиком тихий разговор не слушал никто, а побеседовать было о чем.

— Давай раскалывайся. Я хочу услышать, что ты знаешь о Бурцеве и почему вчера так испугался. Только не забалтывай меня, что, мол, ничего не знаю.

Лунатик какое-то время молчал, он сидел, обхватив руками колени, будто бы мерз, хотя в тяжелом «Берилле» такое невозможно.

— Ладно, расскажу, — ответил он в конце концов. — Был у меня товарищ, он позже в «концлагере» у Йоги умер. Этот товарищ рассказывал про «Монолит» кое-что интересное. Считается, что попасть туда может только полный фанатик, да и то после промывки мозгов.

— А разве не так?

— Так, но это правда не до конца. Они еще до выброса людей вербовали, иногда, хоть и редко, — добровольно. Был слух, что вербовали прямо на Большой земле, хотя это, возможно, и враки. В нормальном состоянии к «монолитовцам» никто не пойдет, поэтому выбирали тех, кто полезен, имеет навыки, но у кого большие проблемы. Такие большие, что за их разрешение не жаль половину жизни выложить.

— Например?

— Например, тот же Бурцев. Он на самом деле военный, из тех, что попали под первый супервыброс. Выжил он тогда, но остался слепым. Жить, как хотел, уже не мог жить, как позволено — не сумел. На этом его «Монолит» и зацепил. Зрение вернули, но видеть он мог только до тех пор, пока ходил под пси-излучением. Не знаю, что Бурцева загнало на старую базу, но уровня пси там ему не хватило, так он в безысходности и застрял.

— Откуда у тебя эти подробности?

— Друг мой, который потом в «концлагере» умер, сам к «Монолиту» хотел прибиться. Не потому что фанатик, а потому что другого пути не видел. Он и с Бурцевым поэтому познакомился.

— А что не прибился?

— Опомнился, струсил... можно по-разному называть, только был он в этом, конечно, прав.

Лунатик снова замолчал. Дождь все колотил и хлестал по навесу, поливал дорогу, ржавую технику и кусты. Костер окончательно залило, небо заволокло, и мрачная атмосфера нависла над местом.

— Ладно, понял, — сказал я наконец. — Не знаю, что там были за дела, друг твой к «Монолиту» пытался прибиться или ты сам, но если не прибился и одумался — молодец. Хотелось бы еще знать, зачем тебе для похода на Лиманск отступник? Парень ты ловкий, мог любого грамотного нейтрала на Кордоне уговорить, а не рисковать и связываться с тем, про кого даже своя организация не скажет ничего хорошего. К тому же у меня Бархан на хвосте.

— Слушай, Моро, ну ты и вредный, — не выдержав, возмутился Лунатик. — Видимо, ты забыл, где меня подобрал. Я же из лагеря Йоги тогда сбежал, от охраны пулю получил, а ты меня спас просто так и вытащил просто так. Кому ты доверяешь, это твое лично дело. А кому я доверять собираюсь — это дело мое. Если тебе — значит имею на это полное право, а если ты с этим не согласен, то и черт с ним, с твоим мнением.

После этой вспышки Лунатика я не выдержал и начал хохотать.

— Ладно, проехали, — сказал я, отсмеявшись.

История с нечеловеческими зрачками капитана Бурцева получила естественное объяснение, и тревога моя исчезла. Темная фигура возникла вдалеке под дождем.

— Мужики! Вы чего на сообщения Захарченко не отвечаете? — заорал побежавший сталкер.

— Не было никаких сообщений, — заворчал было Дмитро.

— Как не было?

— Да у него коммуникатор в луже всю ночь пролежал.

— А рацию что, все из принципа повывключали? Вставайте все, тревога. Вчерашний «монолитовец» смылся.

— Куда смылся?

— Куда-куда... конечно, к своим, проблема не «куда», а «с кем». Ромку сегодня видели?

— Видели...

— Нет, вчера видели, а сегодня — нет.

— Пятерка Вавилова останется здесь, Синус и Фатьян с остальными — быстро в поселок, там все собираемся...

Мы с Лунатиком поднялись на ноги.

— С ними, что ли, пойдем?

— С ними тоже неплохо, поближе к людям — подальше от киллера.

...До поселка мы добрались быстрым шагом всего за полчаса. Люди толпились возле кирпичного дома за покосившимся деревянным забором. И дом, и забор, и поляна на месте давно заброшенного огорода выглядели мирно и не вязались со следами кровавой разборки, которые находились за дверью.

— Как «монолитовец» развязался? Как сумел ребят положить?

— Может, ему снаружи кто-то помог?

— Никто ему снаружи не помогал, — возразил Захарченко. — Дверь была закрыта на засов изнутри, снаружи ее не ломали. «Монолитовец» в подполе сидел, оттуда так быстро не выскочишь. Всех ребят прикончили из пистолета, первого — точно во сне. Пистолет такой был только у Ромки, Ромки здесь нет. Вывод понятен?

— Не может этого быть, — возразил Фатьян, — я Ромку давно знаю, он парень правильный.

— Правильный — не правильный... Коммуникатор его в сети? Синус, проверь... Координаты определить сможешь?

— Если он отключился — нет, не смогу. Хотя ладно, сейчас проверю...

— ...Готово, — через короткое время ответил Синус. — Забыл он включиться, всегда наш Ромка раздолбаем был. Лежит сейчас его коммуникатор где-нибудь на дне рюкзака и сигнал нам подает, по этому сигналу парня сейчас и выцепим.

— Выцепим — не выцепим... Если они за выжигатель мозгов побежали, где их теперь найдешь.

— А вот за выжигатель — едва ли... — подал голос Фатьян, говорил он медленно, действовал, как потом выяснилось, хоть и с раскачкой, но основательно. — Ромка за выжигатель не двинется, там для него — смерть. Если они вместе удрали, то другим путем.

— Каким?

— На соединение с отрядами «Монолита» они пошли, с теми, которые сейчас Лиманск атаковать готовятся.

— Это что же такое, — мрачно сказал Захарченко. — Если и Ромка туда же, кому теперь верить?

— Теоретически — никому, — охотно согласился Синус. Этого парня ничего не заботило, кроме технической стороны погони. — Кстати, я же сказал уже, что выцепил его. Фатьян прав, Ромка сейчас восточнее и южнее Рыжего леса, как раз на тропе в обход блокпоста «Долга», так что к Лиманску он спешит, только окружной дорогой.

— Ну, ему спешить не долго, если и впрямь ребят положил...

Захарченко собирался вести погоню сам, оставив две трети людей у Барьера. Наблюдать их разборки с очередным отступником мне не хотелось, но перемещаться в группе по этим местам лучше, чем вдвоем, особенно если принять во внимание Бархана.

— Надо бы их по дороге перехватить, — строил планы Фатьян. — Пока оба поглубже в Рыжий лес не залезли. Там и искать будет сложнее, и брать... Да и самим можно на аномалии напороться, паршивое там место.

— Выдержишь? — спросил я у Лунатика. — Голова-то как?

— Нормально моя голова. Ничего, на стимуляторах дойдем...

— После твоих стимуляторов день в лежку будем лежать.

— Плевать. Ближе уже, Моро... Совсем немного осталось. Доберемся до Лиманска — после этого все изменится.

Он сказал это с такой убежденностью, что я не стал возражать, хотя простой здравый смысл подсказывал, что в районе боевых действий (которым стал к тому времени Лиманск) ничего в лучшую сторону не меняется, и ждать можно только новых проблем.

Стимулятор накопившуюся усталость не уничтожает. Он просто вызывает выброс адреналина в кровь и делает ее незаметной на время. Сердце бьется сильнее, рюкзак становится невесомым, риск тебя только заводит, дорога сама стелется под ботинки, предстоящее дело вдруг резко упрощается, и жизнь пусть ненадолго, но хороша, хоть и опасна до одури. Сталкера, употребившего напиток «дожигатель», легко отличить по расширившимся зрачкам.

Потом, правда, наступает суровое отрезвление, и ты начинаешь понимать, что сердце бьется хоть и часто, но до странности неровно, рюкзак весит столько же, сколько и всегда, а дорога под ботинками — сплошная лужа непролазной грязи.

Сталкера, который слишком часто использует такой допинг, тоже легко отличить — он ослабевший и истощенный доходяга, на которого обычная доза больше не действует.

Ни я, ни Лунатик стимуляторами обычно не злоупотребляли, но сейчас находились как раз на второй стадии адреналинового эффекта, то есть в состоянии частичного отрезвления, а попросту говоря, плелись за людьми Захарченко из последних сил. «Грави» помогал мне тащить вещи, но прошедшая бессонная ночь все равно сказывалась. Каждый новый шаг давался все большим усилием, кайф опасности и борьбы давно прошел, да и бороться пока что было не с кем.

— Ну, Синус, если ты со своим пеленгом что-то напутал... — многозначительно пообещал Захарченко.

— Не напутал я ничего. Скоро уже.

— Это ты скоро называешь? Вот он, лес, — по левую сторону...

— Ромка и «монолитовец» туда не полезут, опасно слишком. До последнего тропы держаться будут...

Через полчаса ходьбы деревья заметно потемнели. «Велес» запищал, предупреждая о загрязнении, и я опустил на лицо шлем комбеза. Лунатик сделал то же самое. Рыжий лес не зря так назывался, в далеком восемьдесят шестом он принял на себя большую дозу радиоактивной пыли. Сосны, а местами и лиственные деревья тогда умерли, приняв бурокрасный цвет. Говорили, будто по ночам здесь до сих пор светятся стволы, радиация действует на убитое ею дерево, не давая ему рассыпаться трухой и создавая это мерцание. Лес после аварии в восемьдесят шестом собирались зачистить бульдозерами, но почему-то это дело забросили. Природа залечила раны, вырастила молодые деревья рядом с сухостоем, однако прорыв ноосферы, случившийся пять лет назад, снова все изменил. Отправленные тогда к четвертому энергоблоку армейцы почти все погибли. Военная техника так и осталась стоять на узких дорогах и в туннелях под холмами, заглохшая и зачастую покореженная. Холмы и чащобу облюбовали слепые псы, пси-собаки, местами снорки, а также мутанты других, еще более опасных пород. В общем, Зона сделала это место странным, опасным и диковатым.

— Добро пожаловать на границу заповедную! — хмыкнул кто-то из сталкеров.

Он не шутил. Тут и вправду когда-то находился «Лиманский биосферный заповедник», только вот остались от него местами ограда, местами — линялые щиты с едва различимыми надписями.

— Внимание, ребята, — сообщил Синус. — В ста метрах отсюда они, как раз за поворотом.

— Неужели Ромка по своим стрелять сейчас начнет? — с сомнением протянул кто-то.

— А вчера он этого не делал?!

— Может, это был не он.

— А кто еще? Сейчас сам все увидишь... Жить захочет — начнет отстреливаться, потому что деваться ему некуда.

— Может, у него объяснение какое есть?

— Объяснение чему? Тому, что он троих своих же товарищей за чужого «монолитовца» положил, да еще одного из них — во сне?

— Тихо, хлопцы, без лишних разговоров... — приказал Захарченко.

Вопрос насчет способности Ромки стрелять по своим разрешился сам собой — в нашу сторону открыли огонь сразу из двух стволов, укрыться было негде, разве что в «пересвеченных» зарослях, поэтому многие сталкеры попадали просто в грязь.

— Монолитнутаго сразу убрать. Ромку попробуйте взять живым... Я с ним сам переговорю, — приказал Захарченко.

Со своим уставом в чужой клан не ходят, однако, на мой взгляд, поступить следовало как раз наоборот. «Монолитовец» мог знать кое-что полезное, злополучный же Ромка был просто предателем, а предатель — он и в Зоне предатель. Обвиненный в отступничестве ни за что, я возненавидел настоящих отступников холодной, непоколебимой ненавистью. Парень, который залег в ста метрах от нас, отступником был стопроцентным, прямо сейчас над нашими головами свистели пули его АКМ.

— Вот ведь, паскудина, что творит... — выругался обычно сдержанный Фатьян.

Несмотря на все это, их было двое, а нас — гораздо больше, и застали мы их на открытом месте, так что беглецы с самого начала были обречены. «Монолитовца» жестоко подвел невыключенный коммуникатор в Ромкином рюкзаке. Сейчас этот парень метнулся в сторону леса, он не заботился больше ни о снарядах, ни о собаках — он хотел просто выжить, уйти из-под пуль, но скрыться там все равно не успел. Синус, в точности выполняя приказ Захарченко, снял «монолитовца» выстрелом в голову.

— Сдаюсь! — немедленно закричал Ромка, бросая АКМ в грязь. — Не убивайте, ребята!

Он встал и выпрямился, так и стоял, не скрываясь, с поднятыми руками, наверное, поэтому по нему никто не стрелял, хотя в группе были друзья сталкеров, ликвидированных прошлой ночью.

— Дяденька Захарченко! Я все объясню.

Мы стояли вокруг него в глубокой грязной луже, потому что, кроме этой лужи, да еще радиоактивного леса на обочине, поблизости не было ничего.

— Сестричка у меня больна! — орал Ромка. — На Большой земле умирает... Маленькая! Семь лет всего! Врачи отказались, а он обещал, что «Монолит» вылечит... Да! Я же не со зла! Я не хотел! Ребята не поняли, я им собирался рассказать... Не трогайте меня, пожалуйста! Я сам уйду... Все, что есть, продам, семьям ребят деньги вышлю... Здесь Зона, не Большая земля! Это со всяким может быть! Со всяким! С тобой, Фатьян, тоже! Тут разве кто святой есть? Дяденька Захарченко, скажите им... нельзя меня убивать!

Он продолжал истерически кричать, а мы стояли и смотрели молча. Потом Ромка повернулся и пошел, а после побежал, его снова никто не остановил, все так и стояли в ступоре. Только Синус, выждав, пока согнувшаяся фигура Ромки удалится метров на пятьдесят, послал ей вслед одну-единственную пулю. Этой пули хватило, отступник упал и больше не двигался.

— Жалостливые нашлись, — холодно сказал Синус. — Я с ним из одного города, рядом жили. Нету у него никакой сестры и не было.

— А зачем тогда...

— Деньги он проиграл, полгода назад еще. На счетчике был, вот поэтому.

Синус закинул винтовку за плечо и пошел прочь, обратно в сторону армейских складов, холодный и правильный, и ошарашенный Фатьян потянулся следом. Захарченко только молча махнул рукой и зашагал туда же со своими людьми. Обыскивать труп предателя никто и не дернулся...

Дождь снова полил как из ведра.

Глава 14. Наследство Харта

Октябрь 2011 года, Зона, обходная дорога на Рыжий лес.

— Все, не могу больше, — объявил вдруг Лунатик. — Привал, Моро, или я помру.

Мы, отделившись от нейтралов, вдвоем плелись вдоль восточной границы Рыжего леса, собираясь проникнуть в него с северной стороны. Дорога была, мягко говоря, не прямая и крюком. От Лиманска нас сейчас отделял только этот самый лес, но пересекать его напрямую, особенно после того, как кончилось действие стимуляторов, я бы не рискнул.

Деревья на обочине слегка излучали, но дорога, вымытая ливнями, оказалась более-менее чистой. Бархан если и пошел по нашему следу, то наверняка напоролся на возвращавшуюся группу Захарченко и с нею увяз. Тишина, а также и отсутствие стрельбы указывали на то, что след он отыскал едва ли. Определенно, дневку сделать имело прямой смысл. Дождь кончился, но грязь еще не подсохла, поэтому мы устроились на железобетонной панели, которая валялась тут плашмя, наверное, еще с восьмидесятых. Рядом скособочилась груда другого бетонного хлама, который в случае выброса мог послужить укрытием.

— Отдыхай, я покараулю.

— Через два часа встану, — пообещал Лунатик, после чего мгновенно провалился в сон.

Я же решил заняться делом и вынул из рюкзака ноутбук Харта. Лавина событий последних часов заставила забыть об исчезнувшем отряде «Свободы», но теперь появилась возможность ответить на вопрос, который пока оставался мутным.

Батарея еще не села, ноутбук оказался не защищен паролем. Интересно, как Харт умудрялся держать его работоспособным? Для своего коммуникатора я обычно таскал несколько аккумуляторов, заряжая их впрок на базе, но никаких источников питания для техники Харта я тогда, на стоянке возле блокпоста, не заметил. Времени для разгадки исчезновения оставалось совсем не много — до тех пор, пока батарея ноутбука не разрядится окончательно.

Среди почты и коротких сообщений не нашлось ничего полезного, этих сообщений вообще было мало, Харт прибирал за собой тщательно и разговоры с контакторами не хранил. Карта, над которой он работал в последние часы перед исчезновением, изображала все известные мне области Зоны, включая Рыжий лес, Лиманск и еще одно, никак не обозначенное место, севернее заброшенного города, но южнее АЭС. Эту карту я переслал сам себе на коммуникатор, намереваясь позднее ею заняться.

В папке с картинками отыскиались фотографии самого Харта, которые он наверняка пересылал знакомым на Большую землю. Парень был не лишен тщеславия, камера запечатлела его в броне и со стволом на фоне «электры» (тут воздействие аномалии оказало плохую услугу, превратив Харта в трудно узнаваемый черный силуэт). На другом кадре он же позировал возле туши псевдогиганта, поставив на уродливую башку чудовища собственную ногу в ботинке натовского образца. Все остальные фото были сделаны в том же воинственном стиле, хотя с убитыми гуманоидами этот «свободовец» не снимался, что все же говорило в его пользу.

Я уже собирался захлопнуть ноутбук, когда наткнулся на нечто интересное — на заметки, которые хранились отдельно и не предназначались ни для пересылки, ни для чужих глаз.

Список вновь зафиксированных кланов на сентябрь-октябрь 2011 года и степень их влияния на события в Зоне

1. «Монолит» — окончательно оформившаяся не более двух месяцев назад, отлично организованная и экипированная группировка военно-религиозного характера. Комплектуется преимущественно фанатиками и зомбированными, однако это не объясняет качество и количество имеющихся у них вооружений. Члены группировки отличаются подавленной волей и неспособностью оценивать собственный клан критически, однако они выносливы, тверды в своих убеждениях, имеют иммунитет к радиации и смертельному воздействию пси. Существующие на данный момент «официальные» технологии не позволяют достичь такого эффекта, а трофеи, захваченные в результате ликвидации мелких диверсионных групп «Монолита», не были произведены на известных нам предприятиях Украины или Российской Федерации. Это заставляет предполагать, что на «Монолит» работают специалисты высокого класса, завербованные без применения средств, понижающих их умственные способности, либо присоединившиеся к организации добровольно. Место производства вооружений и экипировки неизвестно, предположительно оно находится в центре Зоны, однако высокие технологии «Монолита» не могут быть реализованы без финансовой помощи и доставки сырья извне. За счет частичной мутации адептов группировка в условиях Зоны легко противостоит подразделениям регулярной армии и, с учетом ее возможных связей на Большой земле, является очень опасной.

2. «Чистое небо» — никому не известная до начала сентября группировка ученых. До этого времени находилась в изоляции. Обнаружена благодаря большому выбросу в августе 2011 года, существенно поменявшему топографию Зоны. Состоит из идеалистов, имеет идеологию, близкую к экологической, стремится изучить Зону ради ее ликвидации «мягкими» методами. Лидер группы, некто Лебедев, по нашим сведениям, был участником экспериментов, неудачное течение которых породило Зону. В настоящее время он считает своим долгом исправить «нанесенный вред» любой ценой. Вместе с тем ради достижения формально гуманных целей «Чистое небо» охотно привлекает наемников и, в отдельных случаях, одобряет ликвидацию опасных с ее точки зрения субъектов. Существует явное противоречие между низким военным потенциалом организации и ее неразборчивостью в средствах. Влиятельные связи на Большой земле у группировки в настоящее время утрачены, союзнические отношения внутри Зоны не существуют. Это делает легко прогнозируемым полное уничтожение клана в течение ближайших месяцев.

3. «Грех» — законспирированная организация псевдомистического толка. Идеология основана на имитации воззрений дьяволопоклонников и отрицании моральных норм даже в том сильно усеченном виде, в котором они существуют в Зоне. Абсолютизирует получение наслаждения от насилия, зачистку слабых и непригодных. Одобряет и поощряет предательство доверившихся и жесткие методы достижения целей, обычно вполне материальных. Предположительно имеет богатые схроны артефактов, добытых убийствами и грабежом. В масштабных боевых столкновениях «Грех» никогда не участвует, своей территории и жесткой структуры не имеет. Членство держится в тайне, члены «Греха» могут обитать среди нейтралов и формально (но не по сути) состоять в любой организации Зоны. Создание «Греха» из отколовшейся части организации «Монолит» не доказано. Возможно также, что связи между «Монолитом» и «Грехом» не существует, а своеобразная идеология последнего заимствована у сходных сект на Большой земле. Ошибкой является отождествление

«Греха» с «Темными Сталкерами». Последние — всего лишь люди, пережившие в Зоне выброс 2006 года и при этом необратимо искалеченные. Члены же «Греха» физически полноценны и имеют отклонения только в области морали.

При всех своих негативных чертах реальной военной угрозы «Грех» не создает, и расходование ресурсов на его немедленное уничтожение нецелесообразно. Возможность использования этой группировки в наших целях требует дополнительного анализа.

Дело о розыске пропавшего агента Томаса Норберта Бейкера

Достоверно установлено, что Бейкер, работавший под прикрытием, в качестве репортера ВВС неоднократно пользовался профессиональными услугами наемника по кличке Бархан. В августе 2011 года они вдвоем отправились в слабо изученные области Зоны с целью обнаружения неизвестных до той поры проходов к ЧАЭС. Супервыброс застал обоих предположительно в районе бывшего озера Янтарь либо севернее. Можно предполагать, что Бейкер погиб, а Бархан выжил и скрыл гибель клиента, чтобы не повредить профессиональной репутации. Однако обстоятельства указывают...

На этом самом интересном месте батарея села окончательно, и ноутбук, пискнув, отключился. Я остался сидеть над мертвым экраном, совершенно ошарашенный, и даже не успел скопировать себе шпионские записки Харта. Кем бы ни был этот человек, свои отчеты он едва ли отправлял Чехову, да и к «Свободе» отношение имел номинальное.

— Ты чего ругаешься, случилось что-нибудь? — спросил меня пробудившийся Лунатик.

— Ничего не случилось, ноутбук вот только разрядился. Спи дальше.

— Я больше не хочу.

Он приподнялся и потрогал свою перевязанную голову. Повязка, которая еще вчера пропиталась кровью, сейчас совсем подсохла.

— Больно?

— Нет, онемело.

— Может, бинты сменить?

— Не надо бинты зря тратить, их теперь трудно будет достать до самого Лиманска. На мне царапины зарастают как на собаке. Давай лучше поменяемся, я караулить буду.

Честно говоря, бессонная ночь, схватка с зомби, Бурцевым и Барханом, ранение Лунатика, погоня за отступником бегом на допинге и, наконец, конспиративные откровения Харта довели меня до полного ступора. Я не стал возражать, свалился, уснул надолго и на этот раз не видел снов.

На следующий день погода улучшилась, потеплело и стало сухо. Ноутбук Харта не работал, но я еще надеялся зарядить его, добравшись до дружественной обитаемой территорий. Вместе с тем перспектива добраться до такой территории стремительно сокращалась прямо сейчас. Это происходило потому, что блокпост впереди занимали бойцы в экзоскелетах «Долга», их хорошо было видно в бинокль.

Пройти мимо ребят из «Долга» неузнанным я не мог и прекрасно знал об этом. Оставалось обогнуть блокпост с западной стороны, то есть пробираться лесом. Лунатик возился то с рацией, то с коммуникатором, пытаясь понять, что происходит.

— Сеть не ловится, — виновато сообщил он.

В радиозэфире он жадно слушал на мой взгляд ничего не значащие обрывки чужих разговоров, где-то западнее постреливали, и постреливали всерьез. Сообщений о новых выбросах пока не наблюдалось, и все оставалось как бы в пределах нормального везения-невезения...

Если бы не чертов блокпост, охрана которого знала меня как облупленного.

— Ладно, срежем немного через лес. Тут и идти-то от силы километр осталось.

Мы, закрыв шлемы, свернули на обочину и углубились в чащу. «Велес» у меня то пощелкивал, предупреждая о радиации, то замолкал. Лес состоял из мертвых и живых сосен, трухлявых дубов, корявых елей и буйного, но уже пожелтевшего от наступившей осени лиственного кустарника. Кустарник этот был таким густым и прочным, что при попытках продираться насквозь издавал противный треск. Пахло тут осенью, грибами и чем-то чуждым, с тревожным привкусом химии, запах этот умудрялся пробиваться сквозь фильтры комбеза.

— Как бульдозер ломимся.

— Думаешь, твои услышат? Мы на километр отошли... — рассеянно ответил Лунатик.

Он в какой-то мере был прав, но иррациональная тревога заставляла меня забирать все глубже и глубже в чащу. Один раз мы чуть не влетели в странное образование, наверняка аномальное, но неизвестной до сих пор природы.

Сразу несколько сосен и дубов, а может, еще каких-то деревьев то ли срослись, то ли сплелись между собой, образовав общий купол. Я хотел было пошарить под этим куполом, но предусмотрительный Лунатик утащил меня в сторону.

— Смотри, что там на земле...

На земле под куполом застоялась лужа, на вид обыкновенная, но пованивала она кислотой. Местами в луже мокли остатки костей, на вид — собачьих.

— Ты росянки когда-нибудь видел? — спросил Лунатик.

— Ну да, они комаров едят.

— А это не росянка, а соснодуб, и ест эта штука не комаров, а попавшую под купол крупную органику. Мы, например, ей подходим.

Я с уважением и на приличном расстоянии обошел по периметру этот новый для меня вид аномального растения.

— Черт с ней, пускай растет.

«Велес» показывал координаты артефакта, я пошарил немного в траве и подобрал «пустышку». Она представляла собой два диска, сцепленных вместе слизью, и то ли помогала от ожогов, то ли была аномальным аналогом все того же стимулятора. Едва ли эту штуку мог породить соснодуб, скорее всего она завелась тут после одного из прежних выбросов.

— Хоть бы что-то полезное, — ни с того ни с сего разозлился Лунатик.

— А ты чего хотел?

— «Пузырь», «светляка» или пускай бы «мамины бусы»...

Больше он мог ничего не объяснять. Все перечисленные артефакты или помогали от радиации, или лечили раны, то есть вполне укладывались в перспективу, которая маячила для нас в Лиманске.

— «Пустышку» продать можно.

— Кому? Я тут ни одной базы не знаю, кроме той, где Лесник! А Леснику «пустышка» ни к чему, он и так через аномалии проходит...

— Не может быть.

— Мне-то что, ты у него сам спроси, правда или нет.

Лунатик уже успокоился. Лес шумел под порывами осеннего ветра. Блокпост остался далеко в стороне, нужно было идти дальше. Внезапно к шелесту деревьев под ветром добавился еще один звук — кто-то быстро, но осторожно пробирался сквозь кусты.

— Тихо...

Хрустело теперь совсем близко. Я взял дробовик наизготовку и едва не выстрелил, когда контур живого существа очутился рядом.

Это был не мутант, а человек. Бесформенным его делал темный кожаный плащ с капюшоном, накинутый поверх комбеза. Чужак мог поднять пальбу и тем самым растревожить ребят с «долговского» блокпоста, но позволить ему переться на нас просто так, со стволом и непонятно какими намерениями, я тоже не имел права.

— Стоять, — тихо приказал я.

Чужак замер. Наверняка он тоже нес рюкзак при помощи «гравии». Этот артефакт уменьшает гравитацию, но не уничтожает инерцию, поэтому обманчиво легкий, а на самом деле стокилограммовый груз пнул резко остановившегося сталкера в спину и пониже спины. Тот пошатнулся на скользкой траве, капюшон слетел, и я узнал ту самую худую брюнетку, которая когда-то подседала к нашему костру на Болоте. Сейчас сталкерша попыталась натянуть капюшон обратно на лицо, но задравшийся при этом рукав обнажил татуировку на запястье, выполненную в виде черепа.

— Нифига себе плохая примета, — пробормотал Лунатик, когда «черная невеста» удрала в лес, не оглядываясь. Мы не окликали ее и, конечно, не догоняли. Не могу сказать, чтобы суеверия на меня сильно действовали, но повторная встреча, да еще в чаще полумертвого от радиации леса, выглядела не ахти.

— Нечего стоять, пошли куда собирались.

— Ты знаешь ее?

— Нет, — неожиданно зло отрезал Лунатик.

Мне показалось, будто он темнит, но в личные дела других сталкеров я никогда не лез, поэтому промолчал.

К базе Лесника мы попали со стороны ограды, ворот тут не сделали, но это место по крайней мере не охранялось бойцами «Долга», так что ворота нам были и не нужны. Двухметровый забор от времени покрылся щербинами. Я легко вскарабкался наверх и помог перебраться Лунатику. По другую сторону ограды сгрудились четыре невысокие постройки из красного кирпича, наследие давно уничтоженного аварией «лиманского биосферного заповедника». Место выглядело слегка запущенным, но пригодным и для жилья, и чтобы выброс пересидеть.

— Вон в том доме живет Лесник, на втором этаже.

— Думаешь, нам к нему обязательно?

— Было бы не обязательно, — мрачно буркнул Лунатик, — но я тут радиопереговоры послушал. Большая часть «Долга» уже перешла реку и в самом Лиманске воюет. Большая часть «Свободы», заметь, тоже. Воюют, понятно, друг с другом, и у всех большие потери. В прошлые дни обе группы нас обогнали, потому что шли прямой дорогой и на сражения с контролерами, ренегатами и прочими психами не отвлекались. Впрочем, те к ним и сами не лезли. Теперь еще и с юга туда подтянулись самые отъявленные отморозки, вроде того же Факира, а откуда-то с севера нагрянул «Монолит». К «Долгу» и «Свободе» подкрепления идут, но вот дойдут ли... Мост через реку-то ренегаты подняли и проход в город заблокировали. Так что в любом случае ничего хорошего там нет. Я правду говорю, ты, Моро, не обижайся, но там звездеч. Не знаю я, как в сложившейся ситуации Полозова искать. Тем более коммуникатор его не пеленгуется.

— А при чем тут Лесник?

— Через пару-тройку дней бои в Лиманске утихнут, хотя и на время — раненых там и так уже много. После этого можно будет через реку в город перебраться, и не через бандитский мост, а иначе. Лесник местный сторожил, знает все переправы, если он посоветует что полезное, то проблем станет меньше. Вот в таком аспекте. Ты согласен, Моро?

Я понял, что он имеет в виду — самым первым участникам боев за Лиманск предстояло «помножить друг друга на ноль», хотел я этого или нет.

Я этого, кстати, не хотел, в том же «Долге» воевали ребята, которые раньше были моими друзьями и, хотелось надеяться, в мое отступничество не верили до сих пор.

Надежду отыскать Полозова я уже начинал терять, этот Полозов бегал от нас будто призрак, если, конечно, существовал вообще. При этом Лиманск был интересной, необследованной и, возможно, богатой территорией, а без пополнения ресурсов я не мог противостоять ни Бархану, ни стоящим за ним заказчикам. Другого пути уже не оставалось, хотя я понимал, что запутался и утратил первоначальную ясность цели.

— Ну так как, Моро? — настаивал Лунатик.

— Разговор не повредит, пошли.

«Избушка лесника» (о которой рассказывали на «Агропроме») на деле оказалась не избушкой, а комнатой на втором этаже кирпичного здания бывшей «администрации заповедника». Над притолокой двери до сих пор сохранилась табличка «Диспетчерская» с двумя первыми полустертыми буквами.

Лунатик постучал.

— Заходите, — раздался с той стороны хриплый голос старика.

Комната, в которой обитал Лесник, где он ел, спал и скорее всего проводил большую часть времени, почти полностью сохранилась еще с восьмидесятых, вся — включая жиденькую и уже облупившуюся голубую масляную краску на стенах. На бывшем «канцелярском» столе в углу в ряд выстроились старая электроплитка, еще более старая радиолка, придавленная сверху ламповой радиостанцией. Заднюю стену украшало чучело головы кровососа с висящим рядом охотничьим ружьем и календарь восемьдесят пятого года с видом Лиманска и изображением белобрысой девочки со скакалкой.

— Рассказывайте, зачем пришли...

Лесник встретил нас, сидя на койке, перед грубо сколоченным дощатым столом, на котором лежали остатки еды и недокуренная пачка сигарет. Его лицо, окаймленное седой бородой, еще с лета загорело до красноты. Носил он высокие сапоги и подпоясанную патронташем куртку, из-под которой выглядывал край тельника.

— Ну, чего молчите? Ты зачем, Лунатик, пришел? — повторил он довольно сурово, обращаясь прямо к моему напарнику и как будто игнорируя меня.

— Дорогу на Лиманск спросить у вас хотели...

Я чувствовал странную неловкость, что-то шло неправильно или я не понимал сути происходящего.

— Говорил я тебе, сынок, что доиграешься, — добавил Лесник ворчливо, но обтекаемо. Я не знал, на какие разговоры и поступки он намекает, но вмешиваться не стал, опасаясь навредить. Дед явно был с характером и с Лунатиком знакомство поддерживал уже давно.

— Надо очень, вы поймите...

— Кому надо-то? Тебе, Лунатик? Я же говорил много раз — иди на Большую землю и не возвращайся. Пока будешь здесь крутиться и по здешним законам жить, Зона тебя не отпустит.

— Она и там не отпустит... — обреченно сказал Лунатик.

— Как знать, ты же не пробовал... А я вот что скажу — темнишь ты, сынок. Зачем лезешь в Лиманск? Если за хабаром, то сам знаешь, что суeta все это, и деньги за хабар как приходят, так и уходят — все Зона себе заберет...

— Место хочу видеть, где родители погибли.

— Может быть, может быть... А все равно сомнительно. Могилки их там не найти, а место само по себе незавидное — аномалии там да руины.

— Я вспомнить хочу! Знать!

— А вот это, парень, врешь. Тебе сколько лет сейчас?

— Двадцать шесть.

— Надо же! А я-то думал, меньше. Все равно не мог ты тогда ничего толком запомнить.

Лесник замолчал и плеснул из бутылки на дно граненого стакана.

— Пить будете, гости? Тогда стаканы в шкафу возьмите. И ты, сынок, больше мне тут вранья не повторяй. Я на вранье чуткий, еще раз услышу — выгоню, и не будет вам моей помощи. Как будешь готов правду говорить — скажешь, а до поры лучше помолчи.

Лунатик сидел подавленный, к водке он едва притронулся. Глаза у него в последнее время были красные — то ли от недосыпания, то ли еще от чего. Мне затея с посещением Лесника не нравилась все сильнее и сильнее. Дед явно был мутный, хотя и не злой, но запретить сталкеру в Зоне придерживать информацию — все равно что запретить ему дышать, есть или ствол с собой носить. Не спрашивай лишнего — не получишь вранья.

Вместе с тем причины, подтолкнувшие Лунатика на опасный и тяжелый поход на Лиманск, меня тоже интересовали, но причины эти могли оказаться обычными, начиная с

нехватки денег. После открытия Лиманска сталкеров-одиночек поразила настоящая «золотая лихорадка», а разговоры об уникальных артефактах, которые там будто бы грудями лежат, пошатнули не одни мозги. Лунатик тоже собирал артефакты с фанатизмом коллекционера. Мог ли я осуждать его за это? «Светляк», добытый им когда-то, спас мою жизнь...

— К Лиманску мы идем из-за меня, Полозова мне нужно найти, — сказал я, решив вмешаться.

— Вот, значит, как... Человек не иголка в сене, должен отыскаться. А зачем он тебе?

— Правду хочу восстановить.

— Правда — это хорошо, но только правды тоже разные бывают... Восстановив ее, как бы потом не пожалеть...

— Пожалее или нет — это только меня касается.

— И то верно... Ну, за здоровье! — сказал Лесник, опрокидывая стакан.

После этого он перевел разговор на другое, и касалось все это в основном наемников некоего Хога и других не относящихся нам дел. Расспросы явно зашли в тупик.

— Может, мы пока пойдем? — спросил Лунатик с тем особым видом, который у него был признаком подавленного раздражения.

— Идите, ребята, только недалеко... Выброс будет через два часа, так что возвращайтесь — у меня для гостей место есть. И на патрули «Долга» напарываться не надо, а то пока твой друг будет правды добиваться, так уже и пулю словит... И глубоко в лес забредать поостерегитесь. А то так бывает... Зайдет человек в туман — и там как слизало его. Назад не вернется, и смерть его лютую никто не увидит.

С такими напутствиями мы с Лунатиком перебрались в другое здание, своротив заколоченную дверь, внутри было пыльно и полутемно. Лунатик разложил спальник и улегся сверху, как был, в броне «Берилл».

— Если ты понял, Лесник — человек проблемный.

— Угу.

— Заметь, его дом внутри «светится», причем сильнее, чем эта руина, однако старику хоть бы что, он даже защиту не носит. Есть мнение, что Лесник может сквозь аномалии проходить без вреда для себя. И еще... Знаешь, почему его Лесником называют? Он еще до черновыбросской аварии в заповеднике работал. После аварии никуда не ушел. Во время супервыброса в две тысячи шестом — тоже. То есть, по идее, уцелеть он не мог, но все-таки уцелел... Мне он помогать не хочет, сердится, мы с ним поссорились полгода назад. Я думал, он уже остыл — а вот ничего подобного, все помнит. Тебе бы помог, но тут проблема другая — он ни «Долг», ни «Свободу» не любит. Терпит — да. Разрешает «долговцам» тут блокпост держать, потому что все равно помешать не может. Но на самом деле надеется, что обе группировки друг друга перебьют...

— Давай без Лесника обойдемся.

— Как?

— Как-нибудь. Непреодолимых преград не бывает.

— С ним было бы проще.

— А без него спокойнее. Он просто так помогать не станет, потребует что-нибудь взамен, а я втемную не играю. Дед от нас правды ждет, а сам ничего не говорит. Неравноценный обмен.

Лунатик долго не отвечал, рассматривая потолок, весь в пятнах плесени и комьях старой паутины.

— Да, ты прав, наверное, но все же жаль...

Мы больше не разговаривали до самого выброса. Я поискал, где бы зарядить ноутбук Харта, но электричество тут было только в камерке самого Лесника, а к Леснику возвращаться не хотелось. Именно поэтому я и отложил чтение досье Бархана на потом.

Ближе к ночи случился выброс.

Я спал до выброса и проснулся перед самым его началом. Сон, который на этот раз мне приснился, был странным до одури. Мы с Костей шли рядом по узкой тропе между двумя мерцающими стенами, составленными из сплошных аномалий. Искры от «электры»

разлетались по сторонам, попадая на комбезы, оружие и пришитую к моему рукаву эмблему с оскаленной башкой зеленого волка.

— Ты ведь этого всегда хотел, — сказал мне Костя во сне. — Ты хотел свободы. Вот она, бери, сколько хочешь.

Мы так и шли гуськом, вовсе не свободные, а зажатые между двух смертельно опасных барьеров. Позади оставалась тьма, но точно такая же тьма маячила вместо выхода.

— Обязательств не бывает, — продолжал Костя. — Если ты передумаешь, мнение всегда можно изменить. Это, в сущности, твое право.

«Электры» тем временем становились все жиже и ниже, сквозь них начал проглядывать бледный, словно размытый пейзаж. Тьма на выходе тоже истаяла, сменившись мутными предрассветными сумерками. Мы вышли из заколдованного коридора наружу, и я узнал место — дорогу между холмов, ведущую на «Агропром». Сам «Агропром» странным образом приблизился, во дворе возились чужие люди. Старая мозаика на стене получила свежие отметины пуль. Мертвецы валялись во дворе, один из них — лицом вверх, я узнал в нем бармена Колобка. Из здания вышли «свободовцы» и принялись прибирать трупы, укладывая их возле стены штабелем. Кое-кого из наших ребят вывели живыми и поставили у стены, чтоб расстрелять, издали по рыжей голове я узнал Лиса.

— Тут без вариантов, — сказал Костя. — Или мы, или они. Ты сам знаешь.

Я хотел изменить течение сна, но, как оказалось, это невозможно, хотел проснуться, но не мог, а поэтому был вынужден смотреть все новые и новые подробности выноса нашей базы на «Агропроме».

Генерал Крылов мне приснился в самом конце. Он сидел у себя в кабинете, неподвижный, откинувшийся на спинку старого стула. Запрокинутое лицо смотрело вверх. Пистолет из разжавшихся пальцев выпал и теперь валялся на ковре, среди мусора и россыпи гильз. На виске у генерала темнело пулевое отверстие.

— Моро! Что, опять кошмары?

Лунатик тряс меня, принуждая проснуться. Я открыл глаза и увидел все тот же пыльно-паутинный потолок лесничества и встревоженную физиономию моего товарища.

— Что приснилось?

— Вынос «Свободой» нашей базы на «Агропроме». Там всех убили. Пленных расстреляли.

— А Крылова?

— Крылов, похоже, не сдавался до конца. Когда в здание ворвались, застрелился из наградного пистолета.

— Ну, Крылов, он мужик такой... — с уважением сказал Лунатик. — Только ты лучше не спи, потому что сейчас будет выброс.

Едва он успел это сказать, как мир вокруг заметно трянуло. В глазах сверкнуло кровавым, но тут же прошло, хотя картина окружающего мира продолжала рябить и двоиться. Этот мутно-розовый то ли туман, то ли кисель мешал мне сосредоточиться, оставалось только переждать, кое-как справляясь с позывами к рвоте. Самым неприятным образом сюжет сна прямо в голове накладывался на паршивую реальность, вызывая у меня такую тоску, хоть волком вой.

— Что-то сегодня все не торжественно, — озорно сказал Лунатик, которого колбасило не меньше...

Когда выброс наконец закончился, я обнаружил нечто очень неприятное — ноутбук Харта, раскрытый и забытый на полу, валялся все там же, но еще и раздавленный всмятку. Чинить там было уже нечего, даже если бы имелось, чем чинить. Это меня взбесило.

— Ты что — наступил на него? — орал я Лунатику, добавляя подходящие по случаю слова.

Он долго сдерживался, а потом послал меня надолго и далеко, так что мы чуть не разодрались. Я уже собирался ему врезать, но не смог — голова у этого раздолбая до сих пор была в бинтах, так что дело о гибели Хартовского ноутбука пришлось спустить на тормозах.

Лунатик, видимо, посчитал, что ноутбук во время выброса раздавил я сам. Он обиделся и молчал до вечера, пока я не остыл и не извинился. Вся эта разборка наверняка происходила не без психологического влияния Зоны, однако «дело о розыске пропавшего агента» я так и не дочитал до конца. Важная подробность истории Бархана оставалась темной, а сам Бархан мог объявиться в любое время.

Глава 15. «Долг» и «Свобода»

Октябрь 2011 года, Зона, Рыжий лес.

— Слышишь? Стреляют...

Грохот выстрелов доносился со стороны блокпоста, но гораздо ближе к лесу.

— Схожу погляжу, — сказал Лунатик. — Но только один.

Вчерашняя ссора утихла, но мой напарник все равно нервничал и ясно давал мне понять, что слушаться так, как раньше, беспрекословно, не собирается. Я же посчитал, что у этого парня стремительно портится характер. Ходить одному по Рыжем лесу опасно, об этом нас сразу предупредил Лесник, но навязывать человеку помощь — не самое лучшее дело.

— Ладно, иди, — согласился я. — Если надо будет — вызывай меня сразу по рации.

Так он ушел, а я остался и просидел, ничего не делая, примерно полчаса. Рация молчала, стрельба все отдалялась, а потом притихла. Лунатик на связи так и не появился, на мои позывные тоже не отвечал. Происходившее все больше мне не нравилось, в побег напарника я не верил, так как успел изучить его достаточно хорошо. Скорее уж Лунатик попал в серьезную заваруху, из которой не сумел выпутаться. Следовало срочно вмешаться, чтобы потом вернуться засветло, но непонятно было, где и как мне теперь искать своего напарника. В результате я взял с собой только рюкзак, воду, немного еды, аптечку, «Чейзер», пару обойм и нож. Вести затяжные перестрелки с солидной вооруженной группой смысла все равно не было — не имел я для этого ни возможностей, ни, конечно, желания.

...Блокпост «Долга» оказался покинутым. В этом не было ничего странного: лесничество для «Долга» тактического значения не имело, а завязавшийся в другом месте бой мог потребовать немедленных подкреплений.

С этими соображениями я и углубился в чащу и шел до тех пор, пока не наткнулся на уже знакомый соснодуб. Этот монстр растительного мира задумчиво переваривал мужика в камуфляже. К которой группировке этот бедолага принадлежал при жизни, разобрать не получалось, но это точно был не Лунатик. Под купол человек влез по незнанию, возможно, в поисках удобного места для стрельбы, да там и остался. «Чейзер» я теперь держал наготове и временами натывался на следы перестрелки — раненые сосны выпускали смолу, под ботинки попадали гильзы, в одном месте, под корявой елкой, я нашел пустую коробку из-под армейской аптечки. Несмотря на все признаки недавнего боя, люди бесследно исчезли. Эфир забивали помехи, иногда по рации я слышал обрывки фраз, искаженных до неузнаваемости, будто их специально произносили задом наперед.

Единственными внятными звуками были звуки самого леса. Ветер гудел в кронах. Шуршала пораженная радиацией, но не вполне мертвая хвоя. В отдалении лаяли псы. Что-то грузное и тяжелое ворочалось поблизости. Ощущение чужого, мощного и агрессивного присутствия заставило меня насторожиться. Почва под ботинками слегка завибрировала, а потом дрогнула всерьез, едва не сбив меня с ног. Я уже понял, что напоролся на псевдогиганта.

Двухметровая туша, которая с рыком бросилась на меня, передвигалась на двух громадных задних лапах, передние, скрюченные и атрофированные, мутант прижимал к груди. Голова у него была большая, с зубастой пастью и крайне толстой черепной коробкой.

Ударная волна, едва не сбившая меня с ног, каким-то образом создавалась этим чудищем. В целом монстр походил на небольшого тираннозавра, но в форме коленей, кистей, ступней и глаз еще оставались слабые черты искаленного человека. Других двуногих он ненавидел по праву и продемонстрировал это вполне, собираясь меня прикончить.

Я ничего не мог ему противопоставить, кроме выстрела из «Чейзера», поэтому выстрелил, целясь в морду, после чего бросился бежать. Пробить череп гиганта такой выстрел не мог, но некоторый вред ему все же причинил — мутант взревел от боли и попытался достать меня ударной волной, хотя я уже отбежал слишком далеко. Он ломился следом, топал лапами, с хрустом ломал кусты и молодые деревья. Весила эта тварь более тонны, и остановить его, наверное, смог бы крупнокалиберный пулемет, которого меня не было. Оставалось надеяться, что попадется какая-нибудь скала или руина, на которую можно вскарабкаться и пересидеть атаку, но ничего не попадалось, а расстояние между мною и мутантом, поначалу увеличившееся, теперь постепенно сокращалось. Он был зол и собирался отомстить.

Когда земля у меня под ногами дрогнула в очередной раз, я не удержался и упал, перекатившись через плечо, при этом едва не выронил «Чейзер». Хватать добычу передними, атрофированными конечностями гигант не умеет, поэтому, чтобы поймать меня, он резко остановился, в тот же миг когти царапнули по комбезу, разрывая верхнюю оболочку. Я откатился в сторону, оставляя в когтях гиганта лоскутья изорванного «Севы», вскочил, увернулся от новой попытки захвата и бросился бежать, изменив направление. Пульс стучал в висках, по лицу под шлемом текли струйки пота, смешавшегося с сукровицей от полученных при падении ссадин. Левое колено, которым я ударился, теперь горело огнем.

В сущности, я был обречен.

Бегать от гиганта меня заставляли в основном упрямство и взятая на вооружение привычка сопротивляться до конца даже в самых безнадежных обстоятельствах. Я попытался петлять, надеясь, что гигант врежется во что-нибудь, но столкновения даже с крупными деревьями не производили на него никакого впечатления. Он прибавил скорости, взревел и цапнул меня пастью прямо на бегу, зубы со скрипом скользнули по шлему, я увернулся, споткнулся и покатился вниз со склона, наматывая на себя ошметки травы, грязь, сухие листья и радиоактивную хвою.

Ниже склона над лужайкой одиноко висел радужный, почти совершенно прозрачный пузырь. Это была аномалия «телепорт», но образовалась она слишком высоко над землей, поблизости не нашлось ни крепкого дерева, ни высокого камня, запрыгнуть в пузырь оказалось невозможно, и «окно к спасению» болталось тут словно бы издевательства ради.

Я остановился, стараясь успокоить дыхание и дожидаясь приближения гиганта.

Он замедлил бег, а потом перешел на шаг — не потому что устал, а потому что собрался сожрать загнанную до полусмерти добычу с расстановкой и удовольствием. Он совершенно меня не боялся и имел к этому все основания — мощные мышцы, толстенный череп и, в сущности, немалый, хотя и звериный, интеллект. Единственной слабостью гиганта была его масса и связанная с нею инерция.

— Давай иди сюда, жри...

Я дождался, когда противник приблизится вплотную, остановится и протянет заднюю лапу для захвата. В этот момент он балансировал на единственной, хоть и очень мощной конечности, чем я и воспользовался.

Когти бессмысленно сгребли пустоту, меня на месте уже не оказалось.

Пока зверь пытался понять, что происходит, я поднырнул под его брюхо, очутился за спиной, запрыгнул на массивный загривок и, используя башку мутанта как опору, перемахнул в центр телепорта-пузыря.

Не знаю, способны ли псевдогиганты понимать унижение, обман и обиду. Во всяком случае, нервная система у них достаточно сложная, чтобы не только соображать, но и оценивать. Обманутый монстр взревел, развернулся с невероятной для такой туши ловкостью, даже успел обдать мой комбез слюной и слизью, но я уже исчез для него, вывалившись из телепорта совсем в другом месте...

В теории, после прыжка я мог очутиться где угодно: внутри Зоны, в том числе на Кордоне, в кабинете Крылова, или в середине какой-нибудь «жарки». Неизвестно, где было бы опаснее — в «жарке» или у Крылова, итог, наверное, получился бы один...

Однако ничего такого не произошло. Вокруг шумели деревья. Сыпались желтые листья. Тень ворона мелькнула на земле. Если не считать шелеста, стояла глубокая тишина, псевдогигант исчез. Я отстегнул шлем, подставляя голову свежему осеннему ветру. Место выглядело незнакомым, но совершенно точно находилось в Рыжем лесу, очень далеко меня не забросило. Над старым танком неподалеку завис еще один аномальный телепорт, но лезть в него пока что не хотелось. Отправить он меня мог куда угодно, в том числе обратно к взбесившемуся от злости псевдогиганту. Таким образом, в телепорт я не полез, зато неподалеку от него обнаружил нечто поразительное. Это была аномалия около тридцати метров в диаметре, чем-то похожая на «загребущие руки», но гораздо внушительнее. Нечто, возможно, гравитация или пси-излучение, заставило неорганическое вещество почвы вытянуться вверх, создав гигантские крючья, обращенные внутрь тридцатиметрового круга и одновременно к небу. В целом аномалия напоминала то ли голые стропила, оставшиеся после гигантского шатра, то ли вывороченные наружу корни чудовищного дерева. Земля вокруг аномалии побурела и стала почти безжизненной, марево перегретого воздуха, колеблясь, поднималось над этой мрачной поляной высоко в небо. Лезть в круг смерти я не собирался, но «Велес» показывал артефакт, и, повозившись, я его нашел. Это оказалась «пружина», странная штука, немного похожая на «пустышку», но иного воздействия. Я такие никогда не пробовал, но, по слухам, «пружины» хорошо смягчали гравитационный удар.

Я убрал находку и опять задумался над необычайной живучестью Бархана. При наличии парочки таких «пружин» в снаряге наемника, его почти безвредное падение с крыши завода «Янтарь» переставало казаться невероятным и приобретало вполне рациональное объяснение.

Лес шумел, отчасти заглушая прочие звуки. К тому же вдалеке лаяли псы, но ко мне они пока не лезли. Еще через несколько секунд тишину разорвали выстрелы, и стало понятно, что место, в котором я очутился, действительно отстояло от прежнего довольно далеко.

— Лунатик, Лунатик, ты меня слышишь? — передал я, не называя себя, но на сталкерской частоте.

Он ответил почти сразу же:

— Слышу! Здорово. Оставайся на месте, сейчас выйду прямо на тебя.

Он, видимо, засек мой коммуникатор, который я специально держал включенным и, убегая от псевдогиганта, чудом не разбил.

Я опустил на траву, продолжая держаться подальше от аномалии-переростка. Наверное, я был счастлив, потому что остался жив в безнадежной ситуации, и пусть на шаг, но приблизился к пониманию истории Бархана, хотя на самом деле я просто сильно устал после драки. Где-то поблизости начиналась еще одна разборка — пока непонятно, какая и с кем.

Лунатик вышел на меня довольно точно, но не с той стороны, то есть боком. Если бы он так выслеживал врага, а не товарища искал, наверняка напоролся бы на пулю.

— Напутал я, извини, заблудился немного, — усевшись рядом на траву, устало объяснил он.

— Как сюда попал?

— Через телепорт. А ты?

— Тоже через телепорт. Псевдогиганта с той стороны видел?

— Нет.

— Ну, тогда, считай, тебе сильно повезло.

— В этом смысле — да. Но вот в другом... не знаю, как сказать.

— Да уж говори прямо.

— Блокпост «Долга» стоит покинутый, но это ты, наверное, и сам заметил. Оттуда все выдвинулись на Лиманск. Там будет соединение с главными силами, еще одна большая группа подходит сейчас с «Агропрома»...

— Ты из-за этого нервничаешь? Мы с тобой к нашим соваться не обязаны.

— Не только из-за этого. Сюда не только «Долг» подходит, «Свобода» уже здесь. Прямо несколько часов назад появились, шли от Свалки на Армейские склады, оттуда западной дорогой на Лиманск, чтобы своим в окружении помочь. Мост разведен, они туда не попали. Зато развернулись и схлестнулись с «Долгом» прямо в лесу, то, что ты сейчас слышишь, — их перестрелка.

— Сведения откуда?

— Я... говорил кое с кем.

— С кем именно?

— С Эксой.

— По рации говорил или он здесь?

— Здесь!

— А насчет Кости не знаешь?

— Экса сказал, что Костя в Темной долине, Чехов пока тоже, но, если будет решено бросить старую базу и перебраться на армейские склады, к Лиманску поближе, тогда все изменится.

— Усложнится?

— Да.

Я это понимал. Из-за подошедших подкреплений разборки в Лиманске могли вспыхнуть с новой силой, вдобавок я рисковал, попадаясь на глаза ребятам из «Долга». Не знаю, во что теперь ценилась прошлая дружба, но едва ли она помешала бы им меня расстрелять по приказу, а насчет существования такого приказа я чем дальше, тем меньше сомневался.

— «Долговцев» Крылов ведет?

— По счастью, нет. Ведет какой-то молодой парень, я его издали видел, не особо присматривался.

Ответ был не самым безнадежным, по крайней мере командиром у них был не Ремезов.

— Прямо сейчас обстановка там какая?

— А думаешь, я это понял? Стреляют там, — безнадежно ответил Лунатик. — Как только бой начался, я от «свободовцев» отстал. Они, собственно, меня оставлять и не приглашали. Я не член группировки, так что не обязан. Как только отвязался — сразу к тебе. Пытался по рации связаться — сигнал не проходит, коммуникатор вдруг вылетел в очередной раз... Ну, думаю, придется сначала к Леснику идти... А тут смотрю, ты на связи. Кстати, видел эту громадную штуку на поляне?

— Угу.

— Аномальный хит сезона, называется «симбионт». Он сейчас не опасен, потому что хорошо заметен. А вот ночью может сильно навредить. Да и в целом места мутные. Пошли, вернемся к Леснику. Если дед уже подобрел, он нам поможет, а если все еще упрямится — там хотя бы крыша есть над головой. Можно вон в тот телепорт над танком залезть, как раз у Лесника окажемся... Ну так как — пошли, Моро? Не хочешь идти? Смотри, темнеть начнет скоро. Тут ночами собаки ходят стаями. Говорят, снорки тоже водятся.

— Сейчас пойдем, только надо выяснить кое-что...

...В прагматическом смысле Лунатик был прав, но меня нестерпимо тянуло проследить, чем оборачивается стычка между агропромовцами и «зелеными волками». Я выбрал ель на вершине холма, потолще и повыше, с хорошими крепкими сучьями, и влез с биноклем, твердо намереваясь посмотреть, что происходит. Стрельба как раз перемещалась в нашу сторону, так что долго сидеть наверху мне не пришлось. Сверившись с картой, я очень скоро понял, что происходит. Отряд «Долга» поначалу двигался с юга на север, пытаюсь

пересечь Рыжий лес насквозь, однако уперся в почти непроходимую гряду холмов с высокими отвесными склонами. Под холмами существовал туннель, обозначенный далеко не на всех картах. Пытаясь пройти через туннель, отряд «Долга» столкнулся с боевиками, которые там засели. Принадлежали ли они к «Свободе», или воевали сами по себе, я не знал, да и особого значения это уже не имело.

Малочисленную группу из засады в конце концов выкурили, возможно, закидали гранатами, но в пылу сражения не сразу заметили «свободовцев», которые внезапно атаковали «Долг» с тыла, загнали ребят все в тот же туннель и заперли там огнем. Свободным, по идее, оставался северный выход. Я его хорошо разглядел в бинокль. Вел он на склон, за которым начиналась пустошь перед аномалией «симбионт», то есть отступить «долговцы» могли только в нашу с Лунатиком сторону.

Это только в теории.

На практике снайпер «Свободы», обустроивший позицию где-то на гребне холма, очень этому мешал.

Неузнанный мною парень в комбезе с надписью «ДОЛГ» на спине прямо сейчас лежал ничком, раскинув руки и уткнувшись лицом в траву. Судя по неловко разбросанным конечностям, он был мертв. Еще один человек, но раненный, а не убитый, отполз в «мертвую зону», где его не могли достать пули. Парень сидел там, сняв шлем и прижимая к раненой голове скомканный кусок перевязочного материала. Он был в сознании, шевелился, но оставался совершенно беспомощным из-за залитых кровью глаз. Я бы ни за что его не узнал, если бы не непокрытая голова и ярко-рыжие волосы.

Лис, который спас мне жизнь на «Агропроме», сидел сейчас перед выходом из туннеля, а я ничем не мог ему помочь...

Лунатик у подножия ели тем временем крутил пальцем у виска и строил сердитые физиономии, намекая, что пора спускаться. Я махнул ему, призывая подождать, и снова приник к биноклю.

...Возле выхода из туннеля снова произошло шевеление. Кто-то высунул шлем, надетый на палку, и подвигал им, провоцируя снайпера на выстрел. Кем бы ни оказался неизвестный мне стрелок «Свободы», действовал он хладнокровно и мастерски, на шевеление пустого шлема не реагировал никак. На одном из искуроченных деревьев неподалеку от аномалии болтался кусок бинта. Выглядел он странно, но висел там не случайно, играя роль флюгера, по которому снайпер определял направление ветра. То, что Лис выжил, выглядело чудом. Возможно, снайпер оставил его в живых ради приманки, собираясь отстреливать всех, кто попытается помочь раненому.

Кое-кто действительно попытался. Шлем на палке спрятался, вместо него появился боец, одетый в пулестойкую броню. Я готов был заорать и демаскировать себя, чтобы не дать ему высунуться, но он уже рванул вперед, собираясь одним махом проскочить расстояние до Лиса.

На середине броска парень в броне остановился, ткнулся головой в песок, перевернулся набок и, дернувшись, замер. Пробитое стекло шлема пошло сеткой мелких трещин. Выстрел был бесшумным и бездымным, позицию снайпера я не успел засечь.

Лунатик, который все еще торчал у подножия ели, скрестил обе руки в запрещающем жесте. Он смотрел на меня с таким отчаянием, что я начал спускаться.

— Ну что, разглядел все? — прошептал он, когда я спрыгнул на подушку желтой хвои вперемешку с осенними листьями дубов.

— Видел. У меня к тебе просьба. Нужно «свободовского» снайпера на том холме обнаружить и снять.

— Моро, ты хоть подумай, о чем говоришь... — Лунатик, и так не сильно загорелый, казалось, еще сильнее побледнел.

— А что я говорю? Глаз у тебя меткий, винтовка что надо. «Свободовец» атаки с этой стороны не ждет. Как только он в очередной раз высунется, заметишь его и, по возможности,

ликвидируешь. Не знаю, сколько наших в тоннеле, но жизнью двадцать ты, наверное, этим спасешь.

— Моро, я не могу.

— Что не можешь-то?! — заорал я, но тут же, спохватившись, приглушил голос. — Я же мог из-за тебя к контролеру лезть или с зомби махаться. Я ведь не многого прошу, да и риска нет почти никакого.

— Моро, я не могу... — еще раз, упрямо до жути, повторил он. — У меня *нейтралитет*. За тебя лично, чтобы тебя выручить, — да, буду стрелять, причем в кого угодно при любых обстоятельствах.

— Ну так какого черта?

— Так это *за тебя лично*. А вот вмешиваться в войну «Свободы» и «Долга» между собой — извини, не имею права.

Мы так и ругались с ним шепотом, что само по себе было смешно.

— Да кто тут устанавливает эти правила? Тут Зона! Нет тут никаких правил! Тебе же «свободовца» снять — как два пальца... Ты же ничем не рискуешь, а там — мои ребята... Они запертые, без воды. Еще сутки-двое, они или умирать начнут, или напролом полезут и все полягут.

— Тихо, тихо, Моро... между прочим, «Долг» тебя уже выгнал, а я со «Свободой» никогда не ссорился, и не такие они распоследние отморозки, как ты думаешь.

Я, собственно, этого и не думал и не говорил. Меня моральный облик «Свободы» волновал меньше всего, и к людям Чехова никакой личной неприязни я сейчас не испытывал. Просто такова простая реальность — если ты встал на одну сторону, там и стой до конца, а в противном случае — ты или труп, или дезертир, или отступник и предатель.

— Ладно, черт с тобой, — сгоряча сказал я Лунатику. — Давай винтовку, я сам снайпера выкурю.

Он некоторое время колебался, поглядывая на меня с сомнением, но, видимо, понял, что меня не переупрямить. Снайпер из меня всегда был очень посредственный, недаром я таскал с собой в основном «Чейзер»,³ Лунатик об этом отлично знал и мои умения в плане снайперской подготовки ставил крайне невысоко.

— Ладно, чего уж там, — прошептал он наконец. — Я его сам сделаю... Без правил, так без правил. Только, Моро, это первый и последний раз, и не жалуйся потом, что я тебя насчет «Долга» не предупреждал. Это ты такой группировке лояльный. Но не факт, что они там лояльные тебе.

Лунатик был прав, но по части последствий мне было все равно, перевешивала необходимость спасти Лиса. Он до сих пор был жив, но сидел в своем укрытии почти неподвижно, все так же прижимая кусок бинта к голове. Хотя близился вечер, примерное расстояние от лежки снайпера «Свободы» до выхода из туннеля позволяло, используя ночную оптику, работать даже в темноте.

Мы оба понимали это.

Действовал Лунатик крайне осторожно, на дерево не полез, вместо этого перебрался за россыпь камней на возвышенности и замер там, неподвижный и незаметный до такой степени, что даже я внезапно потерял его из виду.

Оставалось ждать.

Я сгоряча ляпнул напарнику, что он ничем не рискует, хотя он, конечно, рисковал. Теперь я очень жалел о сказанном. «Свободовец» мог поменять позицию, заметить наше перемещение и до времени выждать. Любая ошибка Лунатика могла ему дорого обойтись, потому что иначе не бывает, и на войне безопасных мест нет.

Я ждал, прислушиваясь и боясь дернуться лишний раз, как будто вражеский снайпер был способен прочитать мои мысли.

Судя по звукам, возле южного, скрытого от нас за холмами выхода до сих пор вяло постреливали. Возможно, осажденные надеялись на подкрепление, возможно, на то, что «Свобода» потратит патроны и отвяжется, сняв осаду. Однако надежды эти, по причине

³ В качестве оружия ближнего боя.

общей сложной обстановки на подступах к Лиманску, имели в основе больше надежду, чем уверенность. Хаос в событиях все нарастал, и завершиться они могли не в чью-то конкретную пользу, а самым паршивым для всех сторон образом, правда, пока непонятно как.

С эти минуты ожидания я дал зарок сам себе: Лунатика больше ни о чем не просить, напротив, вернуть ему долг, довести до Лиманска и, главное, вывести обратно невредимым.

Стрельба в отдалении становилась все реже, через некоторое время на выходе из туннеля опять появилось едва заметное шевеление. На этот раз боец двигался очень осторожно, но, в сущности, эта осторожность оставалась бессмысленной. Снайпер точно знал, где появится цель, и выстрелил самым подлым образом — в колено. Парень свалился и заорал так, что мне было слышно отлично. Прием был жесткий и старый как мир — спасти раненого, не выдерживая его крика, полезут друзья и тут же моментально полягут. Они и впрямь полезли, забив на известные правила, может быть, даже на запрет командира группы. Тем не менее ничего не произошло. Раненого подняли, но вражеский снайпер не подавал признаков жизни.

...Я не слышал выстрела, которым Лунатик убрал противника. Я никогда не видел трупа этого стрелка — мне было не до него.

Я встал во весь рост, отыскивая взглядом напарника, а он уже шел вниз по склону ко мне — измазанный землей, с пучком травы, пристроенным на макушке к шлему. Я думал, он злится или печален, но события последних минут, видимо, изменили его мнение — Лунатик выглядел как человек, который мастерски сделал свое дело, причем это дело не лежало в области несправедливости.

— Победа, — только и сказал он.

Когда ребята из «Долга» появились, чтобы подобрать раненых, среди них я заметил Шуру. Волобуенко и еще нескольких прежних друзей. Волобуенко пожал мне руку, а Шура просто сухо кивнул, держась, впрочем, как ни в чем ни бывало.

— Снайпер — твоя работа? — коротко спросил он.

— Нет, его, — показал я на Лунатика.

— Хорошая работа, гад ползучий из «Свободы» нас тут несколько часов продержал.

— А по другую сторону туннеля что?

— «Свободовцы» выход пристреляли, там их основные силы. Но это ничего, мы их сейчас холмами обойдем и атакуем сверху и с тыла. Возьмем в клещи — вот и все.

— Людей хватит?

— Людей у нас примерно поровну, но мы патроны экономили, а «волки зеленые» такими вещами себя не утруждали. Думали, нам тут конец. Так что у них осталось в лучшем случае по обойме на рыло. На каждое волчье рыло.

— Понятно...

Я думал, Шура спросит хоть что-нибудь об обстоятельствах моего «отступничества», но он опять не спросил ничего.

Лиса и того, второго, раненного в колено, уже уносили в укрытие, Волобуенко шел рядом и монотонно повторял: «Аккуратнее... да осторожнее, черт... Ну кто так носит... Не мешки ведь». Раненный в колено больше не кричал, видимо, получил укол промедола.

— Поговорить нужно... — твердо сказал я Шуре.

— Поговорить? — скептически сощурился он. — Мне, Морокин, говорить сейчас некогда. У нас тут «Свобода» недобитая на хвосте. Если честно, то вообще вести разговоры с тобой желания нет, но если настаиваешь, то потом.

Он повернулся, пошел прочь и исчез за деревьями.

— Ой, мама, какой у вас тут новый важный чин завелся... — ехидно протянул Лунатик. — Умный сам и умными мыслями какает.

Лунатик сегодня был герой, а разборки внутри «Долга» его совсем не касались, так что изгаляться он мог по-всякому. В целом нейтральный Лунатик «Долг» недолго любил, втайне

и по личной склонности предпочитая более анархическую группировку. Вид у моего напарника был подозрительно довольный — он уже сообразил, что в свой бывший клан я немедленно не вернусь, и его экспедиция на лиманские поля бесчисленных артефактов не окажется под угрозой.

Шура с частью людей двинулся в обход, а для этого им понадобилось влезть на крутой холм, в итоге справились они с этим очень прилично и довольно быстро. Заняв позицию наверху, открыли огонь по позиции «свободовцев» у входа в туннель, чего те, естественно, не ожидали (хотя, по мне, так должны были). Возможно, «Свободу» подвело бестолковое на этот момент командование, но атакующей группе серьезного сопротивления они оказать не смогли, отступать в лес (что имело смысл) не стали, а вместо этого пошли на прорыв в туннель, надеясь выбить оттуда вторую половину Шурино отряда и уйти из-под обстрела в сторону Лиманска, то есть ближе к своим.

Из сотни патронов, которую нормальный человек в принципе может носить с собой, у «свободовцев» к тому времени осталось по десятку на человека, поэтому в ход пошли ручные гранаты. Кому-то из наших ребят при этом досталось, но не сильно — проход изгибался, препятствуя разлечанию осколков. Изнутри неплохо отстреливались, поэтому уцелевшую группу «свободовцев» зажали между атакующим и обороняющимся отрядом.

Непосредственно эти события я видеть не мог, но весь их ход восстановил позднее, по рассказам Волобуенко и ребят. Последних «свободовцев» достреливали прямо там, у южного выхода из туннеля. Отношения между группировками к этому времени уже перешли в стадию «войны на уничтожение», так что выживших оказалось мало.

Я собирался уйти, чтобы еще до ночи попасть в лесничество, удерживала меня на месте только необходимость переговорить с Шурой. Ничего особо приятного от такого разговора я не ждал, но и тихо смыкаться тоже не собирался, к тому же информация лишней не бывает.

Мы с Лунатиком прикинули, лезть ли через крутую гряду холмов, и вместо этого предпочли пройти туннелем.

В нем застоялся запах пороха.

Лиса и второго раненого вынесли на свежий воздух, но насмерть застреленные (самый первый, в тяжелой броне, и еще тот, второй) до сих пор лежали возле стены под брезентом. Я отогнул край и только сейчас вблизи, несмотря на изуродованные лица, узнал их обоих.

— Твои товарищи?

— Да.

— Вечная память.

— Земля им пухом...

Мы медленно двинулись дальше по туннелю.

— Спасибо тебе за работу, — запоздало сказал я Лунатику.

— За месть спасибо не говорят.

— Это не за месть, а за то, что людей выручил.

— За это тоже не надо благодарить.

Туннель, как я и предполагал, был проложен зигзагами. Кое-где внутри него застряла еще с две тысячи шестого года сломанная техника, неясно для чего загнанная сюда без всякой системы и также бессистемно брошенная ржаветь. В тупике я заметил расстрелянное из дробовика логово снайков. Перед смертью мутанты зачем-то свились клубком.

— Пошли отсюда наружу, — предложил Лунатик. — Воняет смертью.

Мы выбрались под небо. Оно только-только начинало сереть, создавая первый намек на сумерки. Ветер трепал кроны сосен, дубов и остролистов, гонял по траве и мел к подножию холма желто-коричневую листву.

Здесь, на усыпанной листьями прогалине, я и увидел четверых пленных «свободовцев».

Они были ранены и лежали на земле — Экса, потом еще тот второй, чернявый парень, который когда-то от самого блокпоста провожал нас вместе с Лунатиком. С ними вместе еще двое других, незнакомых, один из них явно очень тяжелый...

Шура стоял неподалеку, рассматривая на своем коммуникаторе фрагмент карты. С его лица до сих пор не сошло злое, напряженное выражение. Он жевал то ли щепку, то ли спичку и часто тыкал по клавишам невпопад.

— А, это ты...

— Ну да, я.

Значит, что тебе сказать... По правилам, если ты действительно боец «Долга» Морокин, мне тебя нужно расстрелять. А если ты не боец «Долга» Морокин, а неизвестный наемник из команды какого-то там вольного Лунатика, то спасибо за помощь, плату получит твой наниматель, может, и с тобой поделится.

— Все?

— Все.

— Ты что, до сих пор уверен, что я виноват?

— Знаешь, Серега, просто я в этом не хочу разбираться, дело тут липкое, темное и чужое. В нашем мире все проще — или ты враг, или ты свой. Ну, в крайнем случае — нейтральный прохожий. А четвертого варианта не бывает, не нужен тут никому этот четвертый вариант.

Шурка глядел зло. Он заметно и не в лучшую сторону изменился после нашей последней встречи.

— В общем, раз своим быть не можешь, тогда выбирай — или ты прохожий, или ты враг. Не помоги вы нам сегодня со снайпером, я бы с тобой и разговаривать не стал. Крылов еще так-сяк, он мужик отходчивый. А вот Ремезов сволочь злопамятная. Мне ссора с Ремезовым ни к чему.

Шурка смотрел в сторону, испытывая, видимо, некоторое подобие приступа совести.

— Не злись, тут ничего личного, — добавил он наконец. — Если ты это дело сам разрулишь, я только рад буду.

Волобуенко подошел ближе, хмуро слушая наш разговор. Он стоял, большой и сутуловатый, стащив с себя перчатки и шлем и не обращая внимания на нечастые потрескивания детектора. За короткие прошедшие недели хирург тоже успел перемениться. Он осунулся, седины на висках стало больше.

— Еще приказы будут? — обратился он к Шуре.

— Двоих раненых отправляем назад, с ними восьмерых сопровождающих, остальные на Лиманск, на соединение с нашими. Кстати, как там у Лиса и у Прохорова?

— С Прохоровым сейчас все ясно — жгут, наркотики, операционный стол, инвалидность. Для нас он потерян, возможно, навсегда. Лис жить будет, на аптечке дотянет, может быть, даже сам пойдет, — отозвался Волобуенко. — А с этими ребятами что? Перевязывать?

Хирург показал в сторону раненых боевиков «Свободы».

— Да ну их к хреновой матери! — внезапно взорвался Шура. — У нас из-за них «два места холодного груза», Прохоров покалечен, Лиса чуть не порешили, а ты собрался на эту сволоту бинты тратить. Иди отсюда, Волобуенко, куда хочешь, вот, за Лисом присмотри, не доводи меня до греха...

— Бросишь их как есть?

— Ага, щаз... брошу, я сейчас их так брошу...

Шура сплюнул вместе с кровью щепку, которую держал в зубах, передернул затвор, подошел к крайнему из «свободовцев» и выстрелил ему в висок.

— Все равно бы снарки сожрали...

Лунатик, оцепенев, смотрел, как Шура добывает следующего раненого.

Это было не по правилам. Точнее, не по правилам в том, другом, оставленном и полузабытом нами мире, который назвался Большая земля. В Зоне нет законов. В ней нет привычной морали. В ней нет места жалости. Зона спишет все. Я это понимал. Я сам собирался расстрелять пленного снайпера на «Янтаре». Понимал заодно и то, что у группы Шуры не нашлось бы ни сил, ни возможности, отбиваясь заодно от мутантов, тащить на горбу никому не нужных «свободовцев».

— Ты чего вылупился, а? — заорал Шура, но на меня, а вовсе не на Лунатика, который действительно не отрывал от него черных, расширившихся зрачков. — Интересно тебе, мудака, да? Может, помочь хочешь? Да? Тогда давай, не тяни! Пристрели оставшихся. Тебе своих предавать все равно что водки тяпнуть...

Вот после этих последних слов я его и ударил.

Ударил я его так сильно, что Шура отлетел на пару шагов и, споткнувшись о кочку, свалился навзничь. Оброненный пистолет тут же подобрал Лунатик, а то бы мой бывший товарищ точно бы меня пристрелил.

— Ах ты, сучара, — пробормотал Шура, вставая.

Он быстро вынул нож, а нож у него был хороший, отлично сбалансированный и заточенный профессионально. Мешала Шурке разве что избыточная злость, которая лишала его сообразительности. Он лез на меня так, будто верил в собственное бессмертие, а я не хотел его убивать. Мы крутились, он — наступая, я отбиваясь, краем глаза я видел напрягшиеся скулы Лунатика, который замер с пистолетом навскидку. Он слишком хорошо знал меня, чтобы лезть под руку, и одновременно был готов в любой момент спустить курок. Прикончи мы сейчас Шуру, дела с Крыловым навсегда зашли бы в тупик, но в драке об этом не думаешь.

— А ну, прекратить! — заорал внезапно подоспевший Волобуенко. — Кто успеет последним, того лично пристрелю. Тебя, Шурка, несмотря на свежий чин, это тоже касается. Сопляки вы оба передо мной.

Пока мы дрались, хирург исчез с места действия, а потом вернулся с дробовиком в руках и сейчас, не стесняясь, навел его на нас. Мой противник, помявшись, убрал свой «Скиф» в ножны на поясе, и только тогда его примеру последовал я. У Волобуенко было очень красное лицо и бешеные глаза.

— Борцы с заразой Зоны, мать вашу! Герои хреновы! Куда вам переться мир спасать, вы и друг с другом-то поладить не можете.

Я не стал спорить с ним и отошел. Лунатик тем временем оттащил двух расстрелянных «свободовцев» в сторону, искал, чем их прикрыть, но ничего подходящего, кроме веток, не нашлось.

Экса был жив и, что еще хуже, в сознании. Он видел все, запомнил все, смотрел не отрываясь, и этот взгляд жег меня будто кислотой. Находимся мы сейчас на Большой земле, тех расхождений во взглядах, которые существовали между мною, Шурой, Эксой или Волобуенко, не хватило бы даже для хорошей драки. В Зоне их хватило на то, чтобы только пристрелить двоих раненых.

Я взял свою аптечку, а потом и аптечку Лунатика, начал перевязывать выживших «свободовцев», сначала Эксу, потом того, другого.

— Вообще-то Шура отчасти прав, — хмуро сказал Волобуенко. — С собой их никак не взять — живыми не дотащим, а на месте оставлять — ночью или снорки, или собаки порвут, а это похуже пули.

— Не заморачивайся, я им нейтралов по рации вызову.

— Вызывай. Но эти двое, если выкарабкаются, не факт, что при случае с тобой же не расквитаются...

Врач был прав. Но у меня уже не было пути назад. Группа Шуры ушла через полчаса, меня с собой они, понятное дело, не звали, я и не навязывался, но с Лисом, улучив момент, поговорить все-таки подошел.

Он сидел, прислонившись спиной к дереву, и выглядел сносно, хотя повязка на голове уже отчасти набралась кровью.

— Ничего, врач уверяет, жить буду, — буркнул он довольно оптимистически. — Кстати, видел я издали, как ты Шурке в рожу дал.

— За дело дал. Нечего было язык распускать.

— У Шурки не только язык. У него приказ был — тебя при встрече на месте, если что, расстрелять. До «Агропрома» не конвоировать и даже не допрашивать и, уж конечно, не разговаривать по душам.

— А что не расстрелял?

— Не дали бы ребята. Если бы не ты, стычка, сам знаешь, чем бы закончилась. Поэтому Шурка сделал вид, будто никакого определенного приказа не получал, но нрав свой сдержать не смог, отсюда и драка.

— Нас тут не подслушивают?

— Нет.

— Знаешь, что случилось с Полозовым?

— Потерялся он, говорят, да. Но если ты подробностей хочешь, Моро, то мне тут добавить нечего. Слишком мало я знаю.

— Тогда зачем на «Агропроме» спасать меня полез?

— Полозов мне это посоветовал. Настоятельно так... Встретил у Ореста, ну и... был разговор. Должок у меня еще раньше приключился в пользу Полозова. А тут он говорит — выпусти Морокина, помоги ему уйти, после этого квиты.

— А без Полоза ты бы спасать меня не полез...

— Трудно сказать. Иногда думаю — да. Иногда думаю — нет. Что не случилось, то не произошло. Но я тебе, Моро, не враг. И никогда врагом не буду. Не то что некоторые.

Ну, как говорится, и на этом спасибо. Я оставил Лиса в покое, ему и впрямь сильно перепало неприятностей и от своих, и от чужих тоже, а впереди был еще долгий путь...

В лесничество мы в тот день так и не вернулись, лагерь разбили возле злополучного туннеля. К ночи Лунатик нагреб кучу веток и запалил, устроив костер покруче. Нейтралов я долго вызывал по рации, однако они были далеко и обещали явиться только утром. Чернявый «свободовец» метался и постанывал во сне, а Экса бодрствовал и молчал, рассматривая огонь. Скорее всего он тоже чувствительно мучился, но не жаловался и ни о чем меня не просил. Обезболивающих не осталось не только у меня, но и у Лунатика тоже, а у самого Эксы в карманах и рюкзаке не оказалось даже пресловутой «травы».

— Есть будешь? — спросил я.

— Не хочу.

Я все-таки дал ему воды и попытался кормить консервами из банки, которую нашел в бесхозных вещах убитых.

— Костя как?

— Жив-здоров и тебя вспоминает. Причем вспоминает паршиво.

— А на Лиманск зачем поперлись? К своим на помощь?

Он снова замолчал и отвернулся.

Ночью собаки подходили совсем близко. Я слышал их частое дыхание и шаги. Лунатик не спал, он держал винтовку наготове и думал непонятно о чем, потому что на разговоры совсем не велся.

— Ты бы лучше спал, раз я все равно караулю.

— Не тянет меня в сон, Моро, — вроде бы искренне признался он.

Белки глаз у него тем не менее опять порозовели как от недосыпания.

Я молча аккуратно забрал у парня ствол и освободил место на расстеленном спальнике.

— Отдыхай пока и шлем с сеткой возьми.

— Ладно.

Шел второй час ночи, самое мутное время. В темноте копошились, взлаивали и почесывались собаки. Они были полностью слепы и видеть нас не могли, но, ориентируясь на недоступное для людей шестое чувство, готовились к атаке и одновременно побаивались моей решимости. Шорох лап то удалялся, то приближался.

— Сбоку заходят, суки, — пробормотал Экса, который тоже не спал.

— Вижу.

— Слушай, чувак, ствол мне дай... помогу, заживо ведь сожрут.

— Да заткнись ты, придурок.
— Боишься, что ли?
— Нет, не боюсь. Просто не даю тебе глупить.
— Значит, не веришь.
— Сейчас никто никому не верит.
— Зря, — сказал Экса. — Вот увидишь, я был прав.
Я ему больше не стал отвечать.

Собаки напали в четвертом часу утра, ментально подтянув в подкрепление еще одну стаю. Набралось их штук тридцать, если не больше. Эта свора рванула в атаку вся разом, к счастью, Лунатик проснулся мгновенно и встретил их выстрелами. Псы были слишком близко, гранаты в них кидать не имело смысла, зато самых быстрых и нахальных я положил из дробовика. После того как заряды в обойме кончились, свора подступила вплотную, но мгновенно порвать «Севу» им оказалось слабо, поэтому еще нескольких я прирезал. Должно быть, среди убитых собак находился вожак, поэтому потрепанные остатки стаи отступили во тьму. Оттуда доносился жалобный визг, грызня и поскуливание.

Только после этого я вспомнил про беспомощных «свободовцев». Они лежали там, где мы их оставили, причем Экса — придавленный неподвижной тушей крупного пса. Он был жив, почти не покусан, но ошеломлен, поэтому, видимо, не успел спрятать нож. Нож оказался острый, отлично сбалансированный, со скошенным обухом и прямым клинком.

Я только выругался, не имея больше слов. Пленных мы, конечно, обыскивали с вечера, но слишком торопились, мешали друг другу, и ножа я тогда не заметил. Где он его прятал — черт знает, наверное, за голенищем берца. В течение вечера и ночи я несколько раз подходил к раненым, перевязывал их и поил водой, Экса мог десять раз меня прирезать, скорее всего он и собирался это сделать, ожидая только подхода союзных «Свободе» нейтралов.

— Зря я вчера Шурке в морду дал. Прав он был.

— Да ладно тебе, чувак, — проворчал «свободовец». — Я ж ничего плохого не сделал, собаку только заколол. Тушу, пожалуйста, с меня убери, а то лежать больно.

— Вежливый ты стал, как приперло.

— Ага, вежливый.

Нож я отобрал,дохлую собаку оттащил за хвост подальше и зашвырнул в заросли. Сводить счета с полуживым Эксой за то, что он собирался сделать, но не сделал, не имело смысла.

— Не веришь мне, — снова пробормотал он.

— Не верю.

— Вот и тебе никто не верит, когда этого хочется.

— Да пошел ты...

— Поспи, Моро, я пока покараулю, — вмешался, прерывая. Лунатик.

Я свалился на спальник и почти мгновенно вырубился, хотя в «Севе» спать неудобно. Помогла сетка в шлеме или нет, но кошмары не мешали. Снилось мне только Инга, стройная, с нежным профилем и странно замкнутым выражением на лице, она шла мимо, не обращая на нас никакого внимания и положив тонкие пальцы на загривок огромного слепого пса.

Глава 16. Экса и другие

Октябрь 2011 года, Зона, Рыжий лес.

Нейтралы люди основательные, и появились они только поздним утром, ближе к полудню. Командир носил кличку Плаун, был он мрачный, бритый наголо мужик, держался отчужденно, возможно, уже слышал про меня что-нибудь плохое.

— Покойников не поволокем, — сразу предупредил он. — Хотите — оставьте здесь, хотите — сами хороните. За доставку раненых до нашего форпоста с вас пятьсот баксов. С

фельдшером будете сами договариваться, ему тоже нужно отстегнуть. Зажметесь — потащите людей сами, сами и лечить будете.

— Сколько-сколько? Да вы настоящий жлоб, — не выдержал Лунатик. — На раненых наживаетесь.

— А ты, пацан, не хами, — тускло отозвался Плаун. — Видели мы таких, пачками их клали.

— Ну уж и пачками...

Взвинченные, усталые сталкеры стояли полукругом возле раненых «сводобовцев». Я потихоньку оттер Лунатика в сторону, потому что после тяжелой ночи нервы у всех были ни к черту, и дело понемногу опять клонилось к бессмысленному и беспощадному мордобою.

— Я сам заплачу, парни, у Моро сейчас дефолт, — насмешливо вернул Экса.

К утру он оклемался и сейчас сидел, привалившись спиной к брошенным на земле рюкзакам. Чернявый до сих пор лежал без сознания. Бинты на нем насквозь пропитались бурым.

Плауну, видимо, было все равно, кто заплатит, он только коротко кивнул.

— Вы бы, ребята, не выпендривались, — сказал этот же сталкер немного позднее, когда совсем успокоился. — Чтобы после ваших разборок прибирать, мне пришлось восьмерых людей, включая самого себя, с охраны форпоста снять. Неизвестно еще, чем нам это аукнется...

Был он, конечно, прав по-своему, как по-своему был прав и Шура, который не ставил начальство в неловкое положение, а с ранеными врагами разбирался на месте и сам.

Проблема заключалась только в том, что от «Долга» я уже изрядно отстал, хотя и к «Свободе» приставать не собирался. Эксу, несмотря на его выходку с ножом, врагом не видел и не находил для затянувшейся разборки с группировкой Чехова достаточной причины.

Эксу и второго парня мы положили на самодельные носилки. Лунатик вызвался идти первым, время от времени он бросал болты в подозрительные проплешины. Я помогал тащить раненых, временами подменяя кого-нибудь из людей Плауна. Двигались мы медленно и на месте оказались только ближе к вечеру.

— Ну, добрались, слава богу.

Я с удивлением рассматривал открывшееся передо мной строение. Дом собрали из фрагментов разбившихся вертолетов, приспособив их в виде пристройки к насосной станции советских времен.

Часовой ответил на условный сигнал, и мы с носилками подошли поближе.

— Тут и насос работает, и вода есть, — гордо сказал Плаун. — Хорошо обустроено место, мы даже хлеб тут делаем. Бандюки только завидуют — лезут и лезут, вот что плохо.

Над крышей форпоста торчала серая, потускневшая, покрытая ржавыми пятнами и засыпанная мертвой хвоей, тем не менее совершенно целая спутниковая «тарелка». Еще несколько вертолетов, не использованных при строительстве, так и остались стоять в стороне. Они походили на угрюмых, подбитых птиц.

— Ничего себе, — пробормотал Лунатик.

— Видишь? Он не жлоб, он хозяйственный мужик...

— Если хотите, можете в душ залезть, — великодушно предложил Плаун. — Воды мне не жаль, только она у нас холодная, из глубокой скважины. Зато чистая и не светится...

...Вода у них оказалась не просто холодная, а по-настоящему ледяная, но даже это было здорово. Текла она тугой струей из обрезка старого шланга, укрепленного на потолке. Я согнал с себя грязь, вытерся и взял из мешка чистую запасную одежду. «Сева» после вчерашней драки с псевдогигантом и ночной схватки с собаками сильно пострадал — местами его порвали, а местами и вовсе выдрали клочки. Комбинезон нуждался в замене, но насчет моего личного «дефолта» нахальный Экс догадался правильно. Оставалось только починить снаряжение самому, чем я и занялся, попросив у Плауна кое-какие инструменты и клей. Плаун поворчал, но все-таки расщедрился.

Два часа я провел, пытаюсь исправить неисправимое, но результат не порадовал. Бронежилет как защита от пушечных пуль до сих пор годился, однако оболочка комбинезона, теперь кустарно склеенная и залатанная, наверняка утратила часть полезных качеств.

От радиоактивной пыли, поражения электротоком или химикатами она помогла бы и сейчас. Но способность «Севы» защищать от пси-излучения теперь находилась под большим вопросом. Я понимал, что в этом смысле он теперь не превышал возможности самой простой сталкерской снаряги.

— Ничего, — ободрил меня осведомленный Плаун. — В Лиманске у тебя другие проблемы будут.

— Какие?

— Перво-наперво сама дорога — туда еще попасть надо, а мост, говорят, перекрыт. Второе — радиация. В лиманские дома попусту не лезь, они иногда «светятся», некоторые «светятся» сильно. Третья проблема — полно аномалий «телепорт», если начнет между ними кидать, можно из кольца и не вырваться. Еще... ну, еще места есть странные, техника брошенная с советских времен, говорят, не безопасная. И самая главная, как везде, проблема, парень, это «человеческий фактор». А если по-простому, то город сейчас делят на четыре части «Долг», «Свобода», «монолитовцы» и самые отмороженные бандюганы. Там на каждой улице — стрельба на поражение.

— А вы, дядя Плаун, не собираетесь в Лиманск? — больше из озорства, чем всерьез, спросил я.

— Тьфу. Шутник ты, парень. Мне и здесь хорошо.

— А откуда тогда информация, что там?

— Связь мы держим с союзниками, — солидно сказал Плаун. — Они и сообщают. Если закрепятся там — очень хорошо, ну а нет — тоже не так плохо, по крайней мере число бандюганов поменьшат.

Плаун был Плаун, то есть законченный прагматик, особенно же это касалось денег и материальных ценностей. Экса действительно с ним рассчитался, я только не понял, наличными или в долг. Медиком у Плауна работал фельдшер Федотыч. До легендарного Болотного Доктора ему было как до звезды, как в смысле бескорыстия, так и в смысле таланта, но обрабатывал и зашивал он достаточно ловко, поскольку давно «набил руку» на бесконечной веренице раненых и травмированных сталкеров. Людей из «Свободы» Федотыч забрал в лазарет, а заодно поменял повязку на голове у Лунатика.

— Можно было ее просто снять, ну да ладно... На тебе, парень, все заживает как на собаке, наверное, носишь в кармане «светляка»...

Следующие несколько часов я провел на этой базе, затерянной в радиоактивном лесу, и не делал при этом ничего. Случилась неизбежная пауза — и мозги, и руки-ноги требовали передышки. Я мог только смотреть в потолок и пить местный самогон. Дистиллятор ребята Плауна сделали из медной трубки, бака и разнообразного технического хлама, снятого с разбитых вертолетов. Напиток так и назывался — «вертолетовка». Вчерашние события, в том числе разговор с Шуркой и последующую драку, совсем забыть не получалось, но они как бы смазались и отошли на задний план.

Лис явно и недвусмысленно дал понять, что именно Полозов был инициатором моего спасения. Зачем это понадобилось сталкеру-нейтралу, я не знал, но собирался узнать. Хотя точных причин назвать не получалось, моя уверенность в скорой встрече с ним только окрепла.

Лунатик тоже выпил «вертолетовки» и немного повеселел. Он смешался с людьми Плауна, слушал гитариста, который время от времени играл под открытым небом, возле навеса, под которым Плаун складывал ящики и мешки. Гитарист играл технично, но, как я заметил, никогда не пел. Он даже при мне не разговаривал. Ближе к вечеру, сбежавшись на музыку, начали отзываться воем слепые собаки.

— А вот и вокал пошел, — сообщил благодушно Федотыч. — Сыты они, задрали свинку, поэтому в драку не лезут, а только хулиганят.

Пси-чувствительные псы были довольно стройно, следуя за музыкой и соблюдая ритм, в этом присутствовала некоторая безбашенная гармония, по крайней мере прерывать их выстрелами не хотелось.

— Интересно, пса-мутанта приручить можно? — почему-то спросил я.

— Не знаю.

— А кто-то пробовал?

— Опять же, не знаю, только какой в слепой собаке прок? Глаз у нее нет, шкура ключьями, морда — хуже, чем в фильмах ужасов, жрет много, гадит, соответственно, не переставая, а может, еще и мысли читает. А мало ли, про что ты подумал?

Не вполне трезвый Лунатик услышал нас и, не выдержав, захохотал.

— Ну чего ржешь? — обиделся Федотыч. — Я на Большой земле пуделя держал, вот пудель — совсем другое дело.

— Пудель — это да... Но овчарка лучше.

Некоторое время мы с Федотычем спорили, сравнивая породы собак.

Собаки взяли паузу вместе с гитаристом, потом «запели» снова, вой и музыка, смешавшись, терялись в подступающих сумерках.

— Когда-нибудь мы будем считать эти недели лучшим в нашей жизни... — ни с того ни с сего вдруг сказал Лунатик.

— Может быть, лет через пять. Если раньше не убьют.

Я сказал это просто так, шутка была расхожая, но он нахмурился, а потом впал в странное неразговорчивое состояние. Это выглядело как обычное проявление сталкерских суеверий, и я не отреагировал, тем самым упустив возможность расспросить Лунатика как следует. Не расспросив его, я совершил еще одну ошибку, а их к тому времени накопилось уже немало.

— Ладно, пошли под крышу, ребята, хватит зверей попусту дразнить, — настоятельно посоветовал более-менее трезвый Федотыч.

...Ближе к ночи, устроившись внутри кабины разбитого вертолета, приспособленного под жилье, я пересматривал вещи и читал до сих пор не выброшенные бумаги. Их оказалось совсем мало: пара-тройка истрепанных памяток бойцу «Долга», теперь уже бесполезных, непонятно почему уцелевший блокнот с забытыми фамилиями и адресами людей на Большой земле, липовая справка о том, что мой нож «не является холодным оружием», и тому подобный мусор.

Я смял все это, собираясь вынести и уничтожить на костре, когда мне под руку попались бумаги, позаимствованные из клада контролера — два тетрадных листка в клеточку, исписанных одинаковым мелким, но довольно разборчивым почерком.

НИИ «Радиоволна»

Черновик отчета по теме «Исследование влияния пси-излучения третьей степени на организм человека»

Исполнитель: младший научный сотрудник Лунарев А. К.

Раздел третий

...после чего опыты повторялись над людьми-добровольцами дважды сериями по пятнадцать и двадцать минут, на уровне, составляющем 90 % от предельно заданного.

По результатам экспериментов было установлено значительное увеличение электромагнитного излучения головного мозга у 71 % подопытных. К побочным неблагоприятным последствиям следует отнести усталость, тошноту, головную боль, при значительных превышениях нормативов возможны повреждение сердца, мозга и центральной нервной системы. Психика подопытных меняется, появляются признаки раздражительности и гнева... Возможно развитие значительных органических изменений. Таким образом, излучение указанных частот категорически не рекомендуется использовать для создания системы понижения агрессии. Вместе с

тем оно может быть использовано как стимулятор мозговой активности при условии нейтрализации негативных последствий...

...Дальше оказалось неразборчиво, по бумаге кто-то размазал жидкость вроде зеленки, она растворила буквы, смешав их в одно грязное пятно.

Записки мало что добавляли к тем слухам, которые уже ходили по Зоне, хотя происхождение контролера с армейских складов они объясняли вполне. Бедолага мог быть зэком, их тех самых, согласившихся в восьмидесятые на «добровольные» опыты в Лиманске ради сокращения срока. Вся дальнейшая история большой науки оставалась мутной, а кончилась по принципу «хотели как лучше, а вышло как всегда». Низкой агрессивностью никто из гуманоидных мутантов Зоны вовсе не мучился, а если она у кого и понизилась — этих неудачников давно съели. Во время супервыброса в две тысячи шестом году контролер, получивший к тому времени «значительные органические изменения», подался в бега, прихватив заодно и архив. Со своими обидчиками он при этом не церемонился, возможно, кто-то из зомбированных ученых так до самого конца и бродил у него в «свите». Мутант продолжал понимать ценность отчетов уцелевшей частью человеческого сознания, обмен бандитам он сам же и предложил, однако все тетради из ящика на моих глазах разлетелись в труху.

«Черновик отчета» я на всякий случай сохранил, прочий мусор вынес во двор и зашвырнул в костер. Бумаги скорчились, догорели и рассыпались в пепел. Я устроился возле этого костра и принял на коммуникатор все отправленные мне сообщения.

Их оказалось три: от Лиса, от Ремезова, от Кости.

Лис прислал короткую записку:

Моро, привет!

Еще раз спасибо за то, что выручил возле туннеля. Пишу по дороге, идем медленно, связь глючит, много аномалий. Есть мнение, что старую базу на «Агропроме» скоро придется бросать. Удержать не получится, слишком много мутантов. Самое важное — тебя ищет Ремезов. Его группа выступила на Лиманск. Из самого Лиманска вчера пробилось сообщение, Шура погиб в бою с ренегатами, у наших там большие потери. Вот такие дела. А тебе удачи.

Лис.

Ремезов отписался коротко, по-деловому, без лишних приветствий и даже без подписи:

Морокин, я про тебя не забыл. Увидимся скоро. Советую застрелиться самостоятельно.

Над угрозами я только посмеялся, хотя совсем сбрасывать Ремезова со счетов не следовало. Во всяком случае, по сравнению с Барханом врагом он был пока что второстепенным.

Письмо Кости я прочитал самым последним.

Сергея, здравствуй.

Хочу тебе кое-что сообщить.

Во-первых, извини, что не сказал этого раньше. Во-вторых, ты должен знать, что Инги уже нет — еще полгода назад умерла от лейкоза. Я был в курсе с самого начала, с того момента, как ей поставили диагноз. В разговоре с тобой в Темной долине промолчал. Сделал я это потому, что ненавижу тебя за твое сволочное упрямство, нежелание знать свое место и неспособность понимать очевидные вещи. Однако после твоего ухода из Темной долины и вчерашнего случая с Эксой и другими нашими ребятами больше молчать не могу. Ну вот, ты теперь знаешь. Периодически меня достает желание влить тебе пулю в упрямую башку, но это и без меня сделают.

Костя.

P.S. У меня полгода лежало ее последнее бумажное письмо, передали с Кордона. На, читай, сфотографировал на КПК.

--

Отправлено с сервера megamail.ru. Наша почта — первая среди самых надежных!

— Не расстраивайся зря, Моро, — сказал через час Лунатик, когда нашел меня сидящим в одиночестве, совершенно разбитым и в кабине разбитого вертолета. — Знаешь, всяко бывает...

Он сказал это со свойственным ему странным простодушием, и у меня исчезло появившееся было желание дать другу в морду. Лунатик был Лунатик — что с него возьмешь...

— Инга мне никогда не писала, что больна. Она, если честно, как меня бросила, так вообще ничего не писала.

Лунатик вскарабкался в вертолет и уселся рядом, уперев локти в согнутые колени. Я в который раз обратил внимание, какие у него странные глаза — прозрачные, но все равно покрасневшие и воспаленные, как от усталости.

— Помнишь Шаркова, он еще часто на Кордоне тусовался вместе с Валерианом?

— Ну, помню, — ответил я.

— Может, ты не в курсе, как он погиб?

— Забыл уже.

— У Шаркова была маленькая дочка, лет трех. Жила на Большой земле вместе со своей матерью — от Зоны, понятно, как можно дальше. Был у них там дом, «мазда», и Шарков все это оплачивал из дохода от хабара.

— Ну и что?

— На этой «мазде» они и разбились, подруга Шаркова — сразу насмерть, а девочка осталась калекой. Вот тогда он и полез на четвертый энергоблок искать исполнитель желаний.

— Нашел дорогу?

— Нашел или не нашел, но больше его не видели... в смысле, человеком.

— А ты болтал, будто Шарков погиб...

— Он носил цепь на шее — толстую такую, по заказу сделанную. Каждое звено в виде восьмерки, а восьмерка считается счастливым числом... Два месяца назад Пашка Горовой пристрелил зомби, который его чуть не порвал на границе с Янтарем. У зомби была цепочка, такая же, как у Шаркова... Ну и судя по лицу...

— Ясно.

Думать про это мне не хотелось. Хуже перспективы, чем стать безмозглым ходячим трупом, нет. Даже ренегатом быть лучше. Однако эти вполне прозрачные соображения никогда еще сталкеров в их стремлении залезть в самый центр не останавливали. Был бы только подходящий мотив.

— Я вот что думаю... — добавил Лунатик. — Инга за тебя боялась, боялась что ты приедешь, увидишь, что с ней стало, слетишь с катушек и поступишь так же, как Шарков. Только поэтому ничего и не писала... до самого конца.

Такой была идеальная версия событий, и ею Лунатик пытался меня утешить, но я находился в таком состоянии, что сам был рад обманываться, только бы дали повод. Начинался дождь, он неистово колотил по кабине вертолета, сквозь отверстия, проеденные ржавчиной, отдельные брызги попадали внутрь. Лунатик, воткнув в КПК разъем, принялся слушать старые записи «Апокалиптики», один из наушников он великодушно оставил мне. Звучали аккорды «Армагеддона» дождь продолжал хлестать по стеклу, унося грязь, пыль, ржавчину и нанесенный ветром песок. Ветер пригибал мертвые деревья, тучей нес сорванную с них такую же мертвую хвою. Через некоторое время мир по ту сторону стекла почти исчез, смешавшись в один мутный вихрь, состоявший из ветра и дождя, подсвеченный вспышками грозы. Гроза шла с севера, со стороны четвертого энергоблока. Тучи ползли так низко, что задевали дном верхушки леса. Лунатик прибавил звук, заставляя перепевку бессмертного «Nothing else matters» «Металлики» заглушить грозу. Вскоре громынуло и сверкнуло так, что старый вертолет содрогнулся, земля поплыла, перестав казаться

непоколебимой опорой, к вихрю за окном примешались алые оттенки цвета крови. А потом ударило еще сильнее, и это была уже не гроза, а выброс.

Напарник Эксы, чернявый «свободовец», умер через день. До этого момента фельдшер нейтралов Федотыч успел зашить его и обколоть антибиотиками, но парень так и не очнулся, не помог даже извлеченный кем-то из заначки артефакт «мамины бусы».

Тело мы закопали в ста метрах от форпоста, под бурой от радиации сосной, сверху навалили ломаного железа, чтобы до захоронения не добрались собаки.

— Пусть земля ему будет пухом, — степенно сказал Плаун.

Траурная речь получилась короткая, но многие погибшие в Зоне не имели даже такой.

Нам с Лунатиком следовало уйти, это понимали все и остаться не приглашали. Я уже складывал вещи, когда кто-то из нейтралов передал мне просьбу Эксы заглянуть к нему в медицинский отсек.

Когда я явился, он там лежал совершенно один, под капельницей и явно подавленный смертью соратника.

— Как ты?

— Федотыч уверяет, через два месяца поправлюсь... если повезет.

— Ничего, повезет. Тебе всегда везет.

— Ну, это как посмотреть. С тобой не очень подфартило.

— Звал зачем?

— Хочу кое-что рассказать. Помнишь историю про ящик с хабаром и пропавшего наемника?

— Тот самый ящик?

— Тот, тот... По поводу которого тебя из «Долга» Крылов попер. Ну так вот... Ящик этот в «Свободе» никто особо не ждал и не заказывал. Нам его Бархан по своей инициативе предложил, содержимое хотел обсудить отдельно. И встречу на заброшенном хуторе тоже назначил он. Лишних людей просил не присылать.

— Откуда ты это знаешь?

— От Чехова. Пили мы с ним вместе.

— Дальше что?

— Тихо, тихо, не ори. Подойди лучше поближе.

Экса сильно психовал, будто и впрямь боялся чужих ушей. Я приблизился к нему вплотную.

— Слушай, Моро... Бархан в ту ночь был на хуторе. Ходили слухи, что он нашим ребятам там в спину стрелял. После этого отступил прямо сквозь «электру», и она его не тронула.

— Откуда знаешь? На хуторе не выжил никто.

— Откуда-откуда... от верблюда. Если соображаешь что-то — сам догадаешься.

Я кивнул. Крыса в «Агропроме» все-таки существовала, хотя едва ли была очень опасной.

— Ты сам болтал в баре у Ганжи, что видел после этого Бархана. Чего же дал ему уйти?

— Не после я его видел, а до того. После стрельбы на хуторе наемник исчез с концами, как сквозь землю провалился.

— На кого он еще работал?

Смеяться Эксе было больно, он только криво ухмыльнулся, но глаза у «свободовца» оставались печальными и слегка затуманенными противошоковыми средствами Федотыча.

— Я парень простой, мне такое не докладывают. Знаю только, что все твои неприятности в Зоне — не наша подстава, а личный привет от Бархана. Теперь ты мне веришь?

— Верю.

— Тогда пока. «Спасибо» не жду, ты у нас очень гордый. Вали отсюда, отступник хренов, я еще посплю.

Экса отвернулся к стене и больше упрямо не обращал на меня внимания. Я ушел, оставив ему апельсин из бара Ганжи, который с начала похода таскал с собой в рюкзаке. Должно быть, сказало соседство артефактов — апельсин до сих пор оставался свежим и даже не усох.

Глава 17. Вера

Октябрь 2011, Зона, лесничество и другие места.

Перед последним походом на Лиманск мы снова навестили Лесника, чтобы пополнить запасы и сбыть найденный мною артефакт «пустышка». Старик сидел в той же самой каморке с чучелом кровососа на стене.

— Опоздал ты, сынок, — сказал он Лунатику с явной досадой. — Аккурат вчера был такой момент — мост через реку на Лиманск опустили хорошие люди с той стороны. Пройти можно было, да... Потом хорошие люди отошли на север, откуда ни возмись привалила новая шпана. Мост опять разведен, на ту сторону можно только в бинокль и посмотреть.

Он был прав, подвела нас неспособность выжидать, сидя на месте. В теперешнем положении оставалось только идти к Лиманску на свой страх и риск и с возможностью проникновения в город разбираться самостоятельно.

Через пару часов в лесничество нагрянули люди Захарченко, в том числе и Синус. Он быстро обшарил все углы, после чего я застал парня за попытками разобрать на запчасти тот самый растоптанный ноутбук, который когда-то принадлежал Харту.

— Твой, что ли? — недовольно удивился Синус. — А если твой, зачем технику разбрасываешь?

После этого я переговорил с Синусом и заключил с ним взаимно выгодное соглашение, по которому все запчасти он оставлял себе, а карты Харта и его восстановленные записки перегонял ко мне на коммуникатор. Таким образом, я наконец сумел дочитать «Дело о розыске пропавшего Томаса Бейкера».

— Давай, мне тоже покажи, — попросил мой напарник Лунатик.

Смысла прятать найденное не было, я прямо при нем прочитал:

Можно предполагать, что Бейкер погиб, а Бархан выжил и скрыл гибель клиента, чтобы не повредить профессиональной репутации. Однако обстоятельства указывают на то, что Бархан не является обычным наемником. Он часто совершает длительные походы в труднодоступные части Зоны, легко переносит облучение всех видов и, возможно, способен быстро восстанавливаться после серьезных ран.

Вызваны эти качества носимыми артефактами или являются природными свойствами субъекта, до сих пор не установлено. По сведениям из достоверных источников, Бархан является членом одной из законспирированных группировок внутри Зоны, и Бейкер был им похищен с неизвестной целью или ликвидирован ради предотвращения утечки информации.

— Вот дерьмо... Умеют же эти люди настроение испортить, — только и сказал Лунатик. — Ведь ничего нового не узнал, а все равно неприятно.

Бейкера-снорка убрал вовсе не наемник, а именно мы, однако само превращение в снорка наверняка не обошлось без Бархана. Таким образом, мы, сами того не желая, напакостили и покойному Харту заодно.

Синуса все эти тонкости совершенно не интересовали. Он был техноманьяк и, устроившись на спальнике, разбирал и раскладывал по порядку останки ноутбука.

— Слушай, Моро, ну как ты мог такое выбросить... — возмущался он. — Матица, конечно, в хлам, корпус в хлам, кое-что еще помялось, но память-то цела, процессор вынуть можно, даже батарею только подзарядить...

На этом месте записки Харта не заканчивались, хотя их продолжение и не относилось к Бархану.

Перечень группировок Зоны, продолжение

«О-сознание» — тайная организация ученых, якобы имевшая отношение к возникновению Зоны после неудачного эксперимента. Существование до сих пор не доказано, в отличие от других кланов «О-сознание» крайне мало известно в сталкерских кругах. Идеология группы и источники ее финансирования остаются не ясными, фотоизображения участников отсутствуют. Свидетелей, лично встречавшихся с членами «О-сознания», несмотря на все попытки, разыскать не удалось.

Однако имеются причины, по которым эту организацию нельзя отнести к полностью мифическим.

Например, Барьер, который за счет пси-излучения препятствует проникновению людей в центральные части Зоны, нуждается в крупном источнике энергии. Поддержание такого источника энергии невозможно без постороннего вмешательства, которое может производиться хорошо законспирированной группой. В связи с этим логично предполагать, что этим занимается «О-сознание», обосновавшееся в зоне отчуждения ЧАЭС сразу после катастрофы 1986 года. Не исключено также, что оно как таковое не существует, а под оригинальным названием скрывается организационная верхушка клана «Монолит».

Лидер «Чистого неба» Лебедев мог бы стать полезным информатором в деле, поскольку сам причастен к ноосферным экспериментам. Однако от контактов с моим агентом «Мухой» он решительно отказался, поэтому...

На незаконченной фразе записки Харта обрывались навсегда. Лунатик к этой части истории отнесся довольно прохладно.

— Ничего тут Харт толком не разведал, большие деньги положил в карман просто так, вот и погнал пургу изо всех сил. А что Лебедев их всех в конечном счете послал, тут и удивляться нечему.

Синус историей внезапно заинтересовался, но только сильно выборочно и вовсе не шпионажем Харта.

— Источник энергии — здорово. Надо бы самому туда слазить при случае... Почему бы нет? На запад — к Лиманску, оттуда севернее, в обход Барьера. Если подключиться к постоянному источнику, можно много интересных дел натворить. Махнуть с вами, что ли?

Я был не против, но Лунатик промолчал и явно не обрадовался возможности получить Синуса в попутчики.

— Мы к центру Зоны не пойдем...

— Зря.

— Ты хочешь — ты и иди.

Дмитро тем временем жарил на костре мясо. Еще двое-трое людей Захарченко шатались по двору, поджидая, когда оно поспеет. Идти на Лиманск они в отличие от Синуса не собирались, что делали здесь — непонятно, но сталкеру бродить по Зоне не запретишь.

Фатьян, появившийся через полчаса, выглядел встревоженным.

— Вы чего на позывные не отвечаете? — возмутился он. — Я бегом бежал сюда, так и след потерять можно.

— Так ты, наверное, уже потерял.

— Не потерял, здесь она, я проследил почти до места схрона. Все равно туда вернется.

— Даже если вернется, ее разве так просто остановишь?

— Эй, парни! — окликнул нас Фатьян. — Помочь не хотите? Если что, мы расплатимся.

— В чем помочь?

Фатьян помрачнел, смутился, сообразив, что попросил сгоряча и теперь придется рассказывать подробности.

— Сеструху мою поймать, — помявшись, признался он.

— Ну, поймал, а дальше что?

— Я ее сам до Кордона дотащу и из Зоны выставлю.

— Выставишь — она снова вернется.

Над Фатьяном подтрунивали, но, если разобраться, ситуация складывалась паршивая. В сухой остаток после его рассказа выпадала версия, по которой сестра Фатьяна, явившись в Зону примерно полгода назад, в скором времени потерялась, по крайней мере на Кордоне ее больше не видели, зато замечали в других местах. Опасности Зоны могли легко прикончить новичка, но девушка отнюдь не умирала, зато нередко упоминалась в связке с историями о темных сталкерах, группировке «Грех» и другими недоказанными легендами. Видели ее и там, где позднее подбирали ограбленных и убитых одиночек.

— Хочу забрать, — упрямо повторял Фатьян.

Лунатик его жалобы встретил скептически.

Мне же ситуация показалась довольно безысходной.

Женщины среди сталкеров попадались нечасто, работали они на правительство и обитали в основном на научных базах. Еще реже решались на «свободное плавание», но если все-таки решались, то легко могли перещеголять мужиков по части безбашенной дури и немотивированной жестокости. В этом не было ничего странного — от хорошей жизни девушка в Зону не пойдет. Инге сюда соваться я в свое время запретил строго-настрого, правда, Костя уверял, что за это она меня и бросила.

— Ну как, поможете? — настаивал Фатьян.

Дмитро и другие участвовать в охоте отказались наотрез. Синус согласился, наверное, из любопытства. Мне же в сомнительное предприятие с ловлей мародерки и психопатки тоже ввязываться не хотелось. Вместе с тем, не пополнив запасы антирада и не прикупив патронов, соваться в Лиманск не следовало. В конечном счете мы заключили с Фатьяном сделку и оговорили плату, которая понравилась Лунатику, но не вполне понравилась мне.

Я бы всему прочему предпочел ответную помощь во время прорыва в заброшенный город.

Лунатик, совсем напротив, категорически возражал против расширения состава группы до четырех человек, пусть даже и временного.

— Когда ты там встретишь Полозова, зачем тебе два лишних свидетеля?

Я возражал ему в том смысле, что Полозова мы, может, в Лиманске и не встретим, а вот ожесточенное вооруженное сопротивление встретим наверняка... Однако побороть упрямство Лунатика не сумел.

— Вдвоем мы малозаметны, — настаивал он. — Не придется везде напролом переться. Вчетвером нас скорее заметят, а толку от еще двух стрелков не намного больше.

Я сильно подозревал у Лунатика скрытые мотивы, которые заставляли его не задерживаться в сталкерских группах более двух-трех дней, но лезть с расспросами было лень.

Таким образом, договор с Фатьяном стал свершившимся фактом, и ранним октябрьским утром мы двинулись под его командой в отдаленное место Рыжего леса, помеченное на карте как схрон...

В то утро стоял туман. Видимость резко упала, мы двигались след в след в мутном киселе, рискуя напороться на малозаметные аномалии. Лунатик в который раз сам вызвался идти первым. Он нес сумку с гайками и через каждые несколько метров кидал одну из них вперед. Сумка понемногу тощала, но ничего не происходило, разве что туман становился все гуще. С северной стороны доносился треск сучьев, казалось, что там орудует еще один псевдогигант, но в нашу сторону он почему-то не сунулся, возможно, тоже плохо видел.

Так мы шли около часа по компасу. Два раза брошенные Лунатиком гайки вызывали треск, шипение, один раз — заметную даже сквозь туман вспышку. Какие это были аномалии — значения не имело, мы просто обходили их дальней стороной. «Велес» время от времени предупреждал о радиации, но в целом переход оказался удачным, даже туман в конце концов поредел и растаял...

Теперь мы находились у подножия крутого холма, в западной части леса. Близость Барьера сказывалась. Сосняк тут от радиации сильно пострадал. Старые деревья иссохли, рухнули и за прошедшие годы превратились в труху. На месте мертвых сосен обильно пророс искривленный и кособокий, но вполне жизнеспособный лиственный подлесок. Летом он наверняка выглядел очень густым, но сейчас листья облетели, обнажая тонкие прутья веток.

— Здесь схрон моей сеструхи, — твердо уверил Фатьян.

Мы, стараясь не оставлять лишних следов, обыскали опушку возле холма и пошарили немного среди подлеска, но никаких внятных примет схрона не нашли.

— Если она его в землю закопала и дерном заложила, то ни черта теперь не заметишь. Так и будет в земле лежать.

— Вы, мужики, не забываете — мы не клад искать пришли, а мою сестру выручать, — заворчал Фатьян.

— «Выручать» — это ты сильно преувеличил, — насмешливо отозвался Синус. — Девушка нас о помощи не просила.

Они еще перепирались с Фатьяном какое-то время, а мы с Лунатиком не вмешивались. Местность вокруг выглядела даже более диковатой, чем поначалу, даже для Рыжего леса странной. Из земли торчали коряги и пни, заросшие ярусами радиоактивных наверняка поганок. Склон холма осыпался струйками потревоженного песка.

— Долго нам тут ждать? — холодно спросил Лунатик. — Хоть бы знать, кого ловим.

— Вот она, Верка.

Фатьян, покопавшись в коммуникаторе, выкрутил на экран и показал нам фотографию. Я взял коммуникатор из его рук и рассмотрел изображение повнимательнее.

Худощавая неулыбчивая брюнетка лет восемнадцати-двадцати, сидела на опрокинутой бочке, положив автомат на колени и пристально глядя в объектив. Снимали ее, видимо, ранним летом, в кадр попала ветка тополя с молодой листвой и зеленые кочки травы. Закатанный рукав оставлял левую руку девушки открытой. Кожу на внешней стороне запястья украшала татуировка в виде черепа, сквозь глазницы которого проросла роза. «Черная невеста» собственной персоной.

— На, возьми...

Я вернул Фатьяну коммуникатор. Смущала не сама фотография, а кое-что, случайно угодившее в кадр: была тень человека, часть его лица и плечо в тяжелой броне. Это место изображения оказалась не в фокусе, однако размытость не до конца спрятала ярко-синюю эмблему наемника.

— Она с ребятами Хога,⁴ случайно, не тусовалась?

— Вроде нет.

— А кто снимал? Ты?

— Нет, она сама мне прислала.

— А по-хорошему ты с нею говорил?

— Пытался и по-хорошему, и по-плохому, все без толку.

— На схрон как вышел?

— Человек один помог, в общем, Моро, не твое дело.

— Моро, иди сюда! — окликнул меня Лунатик, который осматривал кое-что в стороне.

Я подошел, посоветовался с Лунатиком и выслушал его внимательно. Потом перебрался к Синусу, который устроился возле пня с поганками, наблюдая за обстановкой и размышляя о чем-то своем.

— Ты ее коммуникатор запеленговать можешь?

— Спроси о чем-нибудь полегче.

— Ромку ведь выследить смог?

— На Ромку данные у меня были заранее, а на девушку — ничего.

Шел одиннадцатый час дня. Операция грозила сорваться в основном из-за плохой подготовки и бестолковости самого Фатьяна.

⁴ Наемник-нейтрал.

— Надо сигнал SOS подать, — жестко усмехнувшись, вдруг предложил Синус. — Если дама тут поблизости и любит грабить раненых, то очень быстро объявится. А если нет — будем считать, что обвинения с нее сняты, а ты, Фатьян, платишь команде штраф.

Синус коварно умолчал об еще одном побочном эффекте ложного сигнала — на него могла заявиться обыкновенная сталкерская спасательная группа. Тогда история с «ловлей Верки» легко завершилась бы банальным мордобоем.

— Ладно, — охотно согласился Фатьян. — Давай, Моро, передавай SOS.

— А почему я?

— Так легче, она тебя не узнает.

Насчет последнего у меня никакой уверенности не было, но я согласился — мутная тревога подталкивала меня к любому действию, которое в конечном счете позволило бы убраться подобру-поздорову из этого странного места.

Передав SOS, мы заняли заранее оговоренные позиции, так, чтобы держать под наблюдением большую часть опушки у подножия холма. Я сидел в засаде и слушал тишину. Тень одинокого ворона скользила по склону холма. Я почти что надеялся, что она не придет, и мне не придется решать, как в конечном счете поступить с сообщницей Бархана. В кадр попал именно Бархан — я никогда не видел лицо своего врага иначе, чем в шлеме, но Лунатик его опознал. Уходить было поздно, оставаться — значило что-то решать. Охота четверых мужиков на одну девчонку выглядела паршиво, что бы та девчонка ни натворила.

Через некоторое время облетевшие ветки кустов в отдалении дрогнули.

Девушка шла на сигнал SOS и шла на него в одиночку. Невысокий силуэт приближался, раздвигая голые кусты. Она не носила ни шлема, ни противогаза, а темные волосы лишь небрежно повязала банданой. В бинокль я хорошо видел ее худощавый профиль, шейный платок и швейцарскую штурмовую винтовку.

Учитывая «послужной список» этой мародерки, по заслугам следовало ее сразу на месте пристрелить, если бы не два «но». Первое — мы не собирались нарушать слово, данное Фатьяну, и ликвидировать его сестру. Второе — я не был готов стрелять на поражение по женщине, *если она не нападала первой*.

А она и не нападала, просто двигалась спокойным, ровным шагом прямо на меня, не опуская ствола.

Оставалось расслабиться, в меру своих актерских способностей изображая раненого; я даже позвал «помогите!», надеясь, что с контрольного выстрела она не начнет. В крайнем случае меня должен был подстраховать Лунатик, и я почему-то не сомневался, что Лунатик комплексами вроде моих не страдает.

Девушка находилась совсем рядом. В этот момент я понял, что реализуется наяву часть сна, виденного когда-то на блокпосту у Харта. «Черная невеста» склонилась надо мной, тряхнула за плечо и для верности потыкала в «умирающего» стволом штурмовой винтовки. Я не шевелился. Возможно, ее встревожило видимое отсутствие крови, или кто-то из ребят дернулся в кустах, потому что в следующий момент она, размахнувшись, врезала мне прикладом.

Удар получился неожиданно резким, но пришелся в бронежилет. Я тут же «ожил», попытался отобрать ствол, но девушка оказалась невероятно сильной для своего худенького сложения и выпустила оружие далеко не сразу. Шальная очередь ушла в пейзаж, отсекая ветви кустов.

— Верка, стой! — басом заорал Фатьян. — Стой, шалава! Ребята, хватайте мою сеструху.

Мародерка, сообразив, что оружие я не отдам, выпустила его и схватилась за нож. Держала она его не совсем правильно — слишком крепко и напрягая пальцы, однако ударила молниеносно, целясь мне в горло сквозь комбез, я же едва успел уклониться, подставив ей ее же собственный ствол. Нож ударил по оружию и соскользнул, распоров еще раз многострадального «Севу». Тогда я уже без скидок врезал Верке прикладом швейцарской

винтовки по рукам, нож она уронила и только сейчас в полной мере поняла обстановку, потому что, развернувшись, бросилась бежать к окраине леса.

— Обходите по сторонам! — орал Фатьян.

Компанию к тому времени всю охватил азарт охоты. Синус попытался преградить путь, расставив руки, это делать определенно не стоило, так как он мгновенно скрючился, получив нанесенный с разбегу пинок в живот. Лунатик в рукопашной решил не участвовать, он не выпускал винтовку из рук и ждал, как я позже понял, появления новых и более опасных противников. Фатьян же гнался за сестрой старательно, но был он слишком грузен и на пересеченной местности начал отставать.

— Моро, не дай ей уйти!

Я оставил ствол, который только мешал, и ломился сквозь кусты с максимальной доступной мне скоростью. Верку удалось догнать на самой границе Рыжего леса, еще дальше, за обходной тропой и холмами, начинался смертельно опасный Барьер.

Девушка споткнулась и упала, но потом вскочила с кошачьей ловкостью и врезала мне подобранным на земле булыжником, да так удачно, что искры посыпались из глаз, а расстегнувшийся шлем соскочил и полетел в кусты.

— Ненавижу, козлы-ы-ы-ы! Ненавижу вас все-е-е-х! — орала она. — Не прикасайтесь, уроды пога-ные-е-е-е!

Я схватил ее и держал, надеясь на скорое вмешательство Фатьяна, и тогда она, уже не вырываясь, сама вцепилась в меня и прокусила кожу на шее насквозь. Теперь я мародерку уже не держал, а пытался оторвать и отшвырнуть, но это получалось плохо.

— Ну я тебе сейчас покажу, Верка... Сама ты поганка такая... — пригрозил запыхавшийся Фатьян. — Давай ее сюда, Моро...

Разжав зубы, она выпустила меня, но при этом метнулась на брата, пустив в ход сначала ноги, кулаки, а потом и ногти...

— Ну, лютая девка... лютая... — как будто бы даже с некоторой гордостью повторял он, обнимая сестру, пока Верка плевалась, ругалась, царапалась и пыталась изодрать брату лицо.

— Надо бы звукозапись включить, я половину этих слов даже никогда не слышал, — рассмеялся подтянувшийся поближе Синус.

Он уже отдышался после пинка. Лунатик, молчаливый и настороженный, стоял в стороне. Ему было не смешно, я это сразу заметил. Мне тоже было не весело, а искусанная шея не на шутку кровоточила.

— Все, пошли отсюда...

— А схрон? Верка, говори, где схрон? — требовал Фатьян.

— ... вам, а не схрон, — отвечала Верка.

— Ну ты мне потом всю правду расскажешь, когда буду колотить как Сидорову козу...

...Имелось в этой разборке что-то унылое и непрестижное, хотя отлов мародерки, без сомнения, спас жизнь не одному раненому сталкеру. Главная наша проблема — Бархан на хвосте — продолжала существовать. Лунатик еще сильнее загрустил. Синус же, напротив, всю обратную дорогу пребывал в отличном настроении, выбрав объектом для насмешек меня. Шутки варьировались от банального «обнимала, а теперь жениться придется» до «укусила — кровососом станешь», и я его в конце концов послал.

В лесничество мы вернулись поздним вечером. Верка притихла и ни с кем больше не разговаривала, не пыталась удрать, не ругалась и не плевалась. Получив плату от Фатьяна, я стащил «Севу», отнес комбез Леснику и заказал у старика полный ремонт всего, что еще можно было отремонтировать.

— Ты думал, Бархан неподалеку и на выручку к ней придет? — спросил я Лунатика, когда мы устроились на отдых.

— Такое могло быть, но в целом едва ли. Бархан новичков охотно берет, но так же легко и просто бросает. Сам понимаешь, мародерством и отстрелом раненых ему заниматься ни к чему, у него заказчики состоятельные.

— Понятно. Но что-то тебя напрягало?

— Да. Девушка работала не одна, а с кем — непонятно. Через несколько часов мы отсюда уберемся, может, никогда правду и не узнаем. Этому, я, если честно, рад. Поганое дело.

Дело было точно поганое, хотя Фатьян остался доволен. Веру он запер на ночь в отгороженном сеткой закутке старого гаража. Она сидела там, курила одну сигарету за другой, игнорируя всех подряд и не поддаваясь ни на уговоры, ни на угрозы. Вероятность того, что девушка сбежит в конце концов, была очень велика, но нас это уже не касалось.

Ночью неподалеку от лесничества шастали звери. Я просыпался и слышал, как тяжелая туша псевдогиганта ворочается в кустах. Блокпост «Долга», теперь уже заброшенный, раньше делал свое дело и распугивал мутантов, сейчас звери обнаглели и подбирались к самой ограде лесничества.

— Ну вот и все, — сказал Лунатик, который тоже не спал. — Завтра мы уйдем. Ты понимаешь, что дороги назад не будет?

Этот разговор удивил меня непонятной безысходностью. Не будет дороги куда? В «Долг»? Однако поиски Полозова как раз должны были вернуть меня туда, хотя я уже не особенно хотел возвращаться. Возможно, Лунатик имел в виду сложности переправы и перспективу надолго застрять в воюющем городе, но «надолго» и «навсегда» это не одно и то же. В этом ночном разговоре с Лунатиком сквозило что-то сугубо прощальное, а я был настроен на победу, и поражение меня злило. Смысл путешествия, осложненного многими событиями, уже стоившего нам многих опасностей и трудов, от этих слов внезапно потерялся. В самом деле, ведь не ради удовольствия видеть Ремезова и Шурку я собирался лезть в мясорубку лиманской войны.

Через секунду я вспомнил, что Шура уже мертв. Это было жутковато. Моя короткая забывчивость сделала его живым.

Мрачное состояние Лунатика могло нам сильно повредить, да и вообще поставить под вопрос выполнение очень важной для меня задачи. Я как раз собирался прочистить парню мозги, однако ночную тишину в лесничестве вдруг пререзал громкий крик.

— Тревога! — орал во дворе.

Я выскочил, прихватив с собой «Чейзер». Луна освещала лес и двор. Люди Захарченко столпились возле старого гаража. Я протиснулся поближе, и они расступились, пропуская.

Мертвый Синус сидел спиной к сетке возле распахнутой двери, сорванный висячий замок валялся на земле рядом. Веры по ту сторону сетки уже не было, но крови Синуса на земле не оказалось тоже.

У Фатьяна оцепенело лицо, остальные, кажется, его сторонились. Зачем Синус появился ночью в гараже, зачем он (а больше некому) своротил фомкой замок, так и оставалось загадкой. Фомка, взятая из инструментов в гараже, теперь валялась неподалеку, однако не она стала настоящим орудием преступления.

— Верка его шилом ударила в висок, — глухо сказал Дмитро. — Подозвала поговорить, рассказала, наверное, жалобную историю, а может, схрон обещана сдать, он поверил, дверь открыл, хотел ее выпустить, ну и вот...

У мертвого Синуса до сих пор были теплые ладони.

— Ну, теперь эта ведьма у меня далеко не уйдет, — мрачно пообещал Дмитро. — А тебе, Фатьян, больше доверия нет. Сиди-ка лучше на месте, слишком дорого нам твои родственники обходятся.

Мы выбрались в ночь с фонарями, не считаясь с возможностью сунуться в темноте на аномалии, по нам не стреляли, однако ощущение чужого присутствия все-таки было.

— Мне кажется, она тут не одна, — шепнул Лунатик.

Пару раз в просвете между деревьями мелькнули силуэты в капюшонах и защитных плащах. Нарваться на перестрелку можно было запросто, число людей, затаившихся в зарослях, оставалось непонятным, а нас оказалось не более десяти человек.

— Пришли все же за ней...

— Да, богатый схрон так просто не отдадут... В схроне все дело...

Кем были «они», никто из сталкеров не поинтересовался, хотя мысли появлялись разные. Если у кого и всплыла идея повернуть назад от греха подальше, то только не у Дмитро, этот ломился вперед, собирался взять на себя роль и судьи, и расстрельной команды в одном лице. В целом же погоня за Веркой-мародеркой могла обернуться серьезным ночным столкновением с неизвестным противником, однако враг понемногу отходил, избегая сближаться с нами. В кустах взревело и затрещало. Силуэты метнулись несколько раз и стали проворно удаляться, видимо, запаниковав. Мы медлили, прислушиваясь к ночным шорохам и вою.

— Мутанты тут. Ну, ладно, отходим... — наконец нехотя сказал Дмитро. — Верка все равно далеко не сбежит. Не дальше Зоны... А Зона за все заплатит.

Эти слова оказались пророческими. Убравшись всего на двадцать метров в сторону, мы случайно наткнулись на незамеченную раньше темную измятую грудку. Кто-то в поисках спасения пытался вскарабкаться на кучу валунов, но не успел. Сытый псевдогигант смял человека, но жрать не захотел. Среди тряпок, ключев и сорванных с головы волос я разглядел уцелевшую руку с розой и черепом на запястье.

Глава 18. Переправа

Вторая половина октября 2011 года, Зона, окрестности Лиманска.

Западная граница Рыжего леса является одновременно опушкой, выводящей на лиманскую дорогу. Между этой дорогой и самим городом еще в советское время прокопали канал. Прежний, железобетонный мост через этот канал давно рухнул, распавшись на неправильной формы куски.

Сейчас вода в канале «светилась», в этом месиве болтались вперемешку остатки разбитых лодок, торчащие над поверхностью части утонувшей техники и разнообразный радиоактивный хлам.

На месте старого моста умельцы нашего времени соорудили «разводной мост» — кустарную конструкцию из останков подъемного крана. Рычаги управления этим чудом располагались с вражеской стороны. Оттуда бойко постреливали. Кроме того, расстояние от берега до берега позволяло выкрикивать ругательства и более-менее разбирать ответы, чем обе стороны и занимались. Там, где звук не долетал, в ход шла радиосвязь и обмен сообщениями через сталкерскую сеть, которая, несмотря на ожесточенную войну кланов, еще сохраняла свою целостность.

В этой непонятной войне присутствовал бардак и сумбурное командование с обеих сторон. Мы с Лунатиком были сами по себе и заняли позицию в старой кирпичной будке на левобережье. Хотя в широкие окна временами залетали пули, стены мешали вражеским снайперам стрелять прицельно. Позиция была бы сносная, если бы не грудка дохлых снайперов под окном. Снайперы накануне сунулись пожить, однако всей стаей попали под перекрестный огонь. Убирать туши под пулями желающих не находилось уже несколько дней.

Брезгливый Лунатик старался в ту сторону не смотреть. Он с утра слушал рацию и возился с коммуникатором, я же изучал в бинокль противоположный берег. Пологая прибрежная полоса там переходила в крутые холмы, кое-где поросшие пирамидальными тополями. Сразу за гребнем холмов начинались двухэтажные и четырехэтажные дома брошенного города с оштукатуренными стенами, когда-то окрашенными в песочный цвет.

Издали Лиманск выглядел на редкость мирным местом в духе «советская идиллия восьмидесятых». Картину портили стрельба и загаженный канал. Ближний берег чуть дальше к северу упирался в дамбу с туннелем. Этот туннель кто-то еще до нас постарался обрушить, но до конца не преуспел, а взрывать повторно передумал. Уцелевший отрезок вполне мог послужить убежищем от выбросов. Там мы вчера и заночевали, хотя приходилось мириться с соседством «электры», которая сверкала и потрескивала в темноте...

Я перевел бинокль на мыс, разводной мост и скопившихся там чужих боевиков.

Все они носили на рукаве эмблему скорпиона, которая означала «ренегат» и была признаком крайней наглости, поскольку к ренегатам причисляли безнадежно исключенных из любых группировок, включая даже бандитскую.

За годы существования Зоны эти изгои сколотили преступное братство, оказавшееся в конфронтации с «официальными» бандитами Йоги.

Нарушали ренегаты не только законы Украины (каждый сталкер в какой-то мере их нарушал), не только неписанные правила «ровного сталкерского поведения», но даже «понятия» бандитской братвы. Вооружены ренегаты были (за исключением немногих снайперов) обрезам и автоматами, одеты в разномастные комбезы, противогазов и шлемов не носили, нижнюю часть лица часто повязывали черными платками и при обычном положении вещей не могли противостоять любой хорошо организованной группировке.

Однако сейчас проблема состояла в их удачной позиции и контроле над мостом. Это преимущество позволяло ренегатским боевикам безнаказанно куражиться, хотя в ближнем будущем у них оставалось только две перспективы: или принять бандитские «понятия» и стать еще одной преступной группировкой Зоны, или оказаться полностью уничтоженными совокупными усилиями всех сталкерских кланов, включая даже безумных «монолитовцев».

Дело шло, пожалуй, к уничтожению, поэтому оставшиеся деньки ренегатское «братство» стремилось прожить отважно и неуныло, отстреливая, грабя и прессуя всех подряд. Собственно, этим они сейчас и занимались в разоренном и залитом кровью Лиманске.

— Ну как, разобрался, что там творится? — спросил я Лунатика.

— Диспозиция, значит, такая. На днях в Лиманске повоевало «Чистое небо», как они туда прорвались, не знаю, но мост опускали именно они. Теперь «Небо» отыскило проход дальше на север и, видимо, лезет к середине Зоны, на Лиманск наплевав. Наемники, которые с учеными заодно, ренегатов проредили, но задерживаться для зачистки не стали.

— «Долг» на той стороне есть?

— Выжили единицы. То же самое со «Свободой». Подкрепления с основных баз к ним подойдут не сразу, а если подойдут — упрутся все в тот же мост.

— «Монолит»?

— «Монолита» там полно ближе к северу. Ведут перестрелки с ренегатами, но и нас обстреляют за милую душу. Армия пока не вмешивается, но это не значит, что всегда будет так.

— Полозова не обнаружил?

— Пока нет. Но если он не двинулся вслед за «Небом» на север, то должен остаться где-то на правобережье. Знакомые из наемников вроде бы видели там похожего мужика.

— Понятно... Интересно, а без моста обойтись можно?

— Ну ты даешь, Моро, — нервно ответил Лунатик. — Ты плыть, что ли, собрался? Даже не думай. Вода «грязная», к тому же там снайперы работают. Хочешь на ту сторону попасть — думай как. Или уж будем здесь ждать.

Ждать можно долго и бессмысленно. Бинокль позволял видеть не только балконы лиманских домов, но и лица засевших у канала ренегатов. Одно из них, не прикрытое платком, показалось мне знакомым.

— Там Факир.

— Где?

— На другой стороне.

— Ну, это следовало предвидеть, — спокойно сказал Лунатик. — От судьбы не уйдешь. Сейчас я его сниму...

Факир не подозревал, что находится под прицелом. Что-то в манерах отморозка переменялось. Он не лежал в укрытии и не стоял, а сидел на бетонной плите, вытянув одну ногу и подобрав другую. Лунатик выстрелил. Куда попала пуля, я не понял, но Факир даже не вздрогнул и не дернулся.

— Промах, черт...

Лунатик сильно огорчился, промахи с ним приключались крайне редко. Общая пальба тем временем уже стихла. Сталкеры, занимавшие левобережье, группами отступали в Рыжий лес. Позиционная война сама по себе противоречит принципам существования нейтрала. Дело его жизни — искать хабар и исследовать ради этого Зону. Каждый час, бессмысленно проведенный под пулями на исхоженном и пустом берегу канала, пусть не namного, но отдалял эту цель.

В конце концов берег накрыла нехорошая тишина. День стоял пронзительно-ясный, но холодный, редкие белые облака медленно плыли по слишком синему для осени небу.

— Ренегаты в контратаку не пойдут, — успокоил я Лунатика, который явно нервничал. — Это им ни к чему, только мост зря дергать, дальше на восток лес, туда они после взбучки больше не суются.

— Сутки назад все же сунулись...

Случай, который упомянул Лунатик, являлся не правилом, а исключением. Вчера небольшая группа «скорпионов» подошла извне, со стороны Янтаря. Были они оборванные, облученные и злые будто черти. Под плотным сталкерским огнем эти люди пытались договориться со «своими» на той стороне, но то ли не поладили, то ли просто не успели назвать правильную цену, потому что погибли раньше, чем мост на стреле поехал вниз.

Я обшарил вещи застреленных мною ренегатов, но не взял ничего, кроме патронов, после чего срезал как трофей нашивку «скорпион». Моему напарнику такое собирательство сильно не нравилось, но он, скривившись, промолчал. Сам я, кстати, споров по необходимости эмблему «Долга», больше никакой другой не носил.

— Ну ты бы хоть «трилистник»⁵ прицепил для приличия... — постоянно ворчал Лунатик. — Иначе тебя ребята когда-нибудь по ошибке грохнут.

Лунатик по-своему был прав, но я не относился к нейтралам, и взгляды мои за прошедшие недели нисколько не переменялись. Зону ни благом, ни даром я не считал, только ради хабара в ней оставаться не собирался, да и вообще понял предельно ясно — или это место станет хоть как-то подконтрольно Большой земле, или оно нас сожрет...

— Ты чего это с комбезом делаешь?

— Ренегатскую эмблему хочу на рукав прилепить.

— Зачем?

— Ну, меня же из «Долга» выперли, так что надо...

— Моро, ты на ту сторону лезть собрался.

— Ага.

— Чокнулся. Они и разговаривать не будут — начнут сразу стрелять.

— Ничего, я с Факиром по рации парой слов перекинусь.

— С этим отморозком?

— А не отморозков на той стороне нет.

— Факир — псих.

— Точно. Только он архив контролера хотел — ну так он у меня есть, пусть и в количестве двух листков.

Лунатику эта затея сразу не понравилась. Не понравилась по моральным соображениям, так как ренегатов он ненавидел лютой ненавистью, не понравилась и потому,

⁵ Знак «радиоактивная опасность», одновременно — эмблема сталкера-одиночки.

что сама по себе выглядела отчаянно опасной. Я же исходил из того, что Факир склонен к сделкам, и хоть слова своего он не держит, этим же самым недержанием дает мне право на встречный обман.

Согласие Лунатика мне требовалось. И не только требовалось — сам успех плана зависел от четкой согласованности наших действий. Спор затянулся, и на убеждение напарника я потратил весь отпущенный мне запас красноречия, хотя, наверное, его и было-то не много.

— Ладно, Моро, — сказал он мне в конце концов. — Если нет другого выхода, давай попробуем. Только они тебя все равно не пропустят, даже если не убьют.

Лунатик снова был прав, но на меня уже накатило хорошее, качественное упрямство, вызванное долгими днями блуждания по Зоне, невозможностью избавиться от Бархана, ранением Лиса, нелепой смертью Синуса, общей бессмыслицей происходящего и зрелищем бойни возле лесного туннеля.

Мы оговорили детали и сверили часы. Выйти на переговоры с Факиром предстояло самым естественным образом — появившись в одиночку с восточной стороны, а для этого требовалось вернуться в этот лес и углубиться в него хотя бы чуть дальше опушки. Для начала операции я выбрал сумерки, которые скрадывают лица и силуэты, из-за чего все сталкеры в закрытых комбезах начинают сильно смахивать друг на друга.

— Давай, удачи, — проводил меня Лунатик.

Я по металлической лестнице слез из будки на грунт, под прикрытием наконец-то пригодившейся кучи «снорковых» туш перебрался в сторону Рыжего леса и уже там, включив рацию, использовал свои настоящие позывные на частоте бандитов.

Вечерний эфир наполняли обрывки разговоров пяти или шести человек. Кто-то сонным голосом нес ерунду, видимо, перепутав меня с наблюдателем на соседней высоте. Кто-то монотонно ругался из-за заныканного ящика патронов. Потом они замолкли, и раздался крик — неизвестный псих просто кричал в рацию, очевидно до тех пор, пока ее не отобрали свои же приятели. В этих бессмысленных по большей части переговорах отторгнутых всеми людей, которым жить оставалось считанные дни, на миг мелькнуло настоящее, большое безумие...

— А, это ты, Моро... — внезапно буднично и сухо сказал Факир. — Ну что, принес обещанное?

Я ему ничего и никогда не обещал, за исключением той, прежней встречи, а в самую первую встречу не называл своего имени.

— Так да или нет? Принес, Моро?

— Да.

— Ладно, отбой. Подходи к каналу, но только один.

Осведомленность главаря ренегатов выглядела угрожающей. Я шел со стороны леса, стараясь не привлекать внимания к будке, в которой затаился Лунатик. Нелепая конструкция моста чернела на фоне подсвеченного луною неба.

— Стой и жди, — передал мне по рации Факир.

Меня наверняка держали под прицелом многих стволов. Я ждал, убрав оружие и ощущая запах железа и гнили со стороны канала. По воде ходила рябь, перед глазами, если опустить веки, проносились мелкие искры — признак сильного излучения. Потом вздернутый вверх мост медленно дрогнул и поплыл вниз, через некоторое время тяжело ткнулся в берег, железный край стрелы моста разбросал по сторонам крошки засохшей грязи. Противоположный конец этой стрелы упирался в небольшой мыс, за которым чернело отверстие еще одного туннеля.

— Давай шагай, пока тут никого, только медленно. Руки держи на виду.

Факир наверняка пользовался прибором ночного видения. У меня возникло нехорошее предчувствие: действительно ли он не осведомлен насчет молчаливого присутствия Лунатика?

Мост из стрелы получился очень узкий, шаткий, без перил. Я прошел его не спеша и спрыгнул на твердую землю Лиманска.

— Добро пожаловать...

Вспыхнул фонарь, на короткое время осветив лицо человека, потом луч уперся в меня, мазнул по глазам и перескочил на руки.

— Оружие сдай.

— Чего ради?

— Здесь я задаю правила, — глухо отозвался Факир. — Если с тобой все в порядке — получишь ствол обратно, если не в порядке — лишние неприятности нам не нужны. Не согласен — можешь перебираться обратно, тут тебя никто не держит.

Он сухо хмыкнул в темноте. Я понимал, что при попытке вернуться получу пулю в спину, поэтому отдал подошедшему незнакомому парню дробовик и нож.

— Вот и хорошо, а то все тут приобрели привычку — в гости с оружием являться, — рассмеялся Факир.

Отверстие туннеля находилось теперь совсем рядом, через секунду там вспыхнул костер.

— Иди на огонь... Дальше дорогу покажут. А я чуть попозже...

Факир исчез куда-то, так толком и не показавшись. Я двинулся в туннель, ощущая рядом присутствие молчаливого и напряженного охранника. Неподалеку горел костер в бочке, там же валялся старый матрас. Судя по пятнам и обрывкам бинтов, на нем перевязывали раненых.

— Прямо, не сворачивай, — подсказал охранник. — Потом завал хлама обойди справа.

По другую сторону оказалась обычная улица, покрытая стареньким потрескавшимся асфальтом, с «конечной остановкой автобуса». К ней приткнулся двор с мертвой клумбой и сквером из трех тополей. Штукатурка на внешней стене дома немного потрескалась, но лепнина в стиле «советский ампи́р» хорошо сохранилась. Крыльцо под крышей с крутыми скатами упиралось в заколоченную дверь.

— На крыльце можешь сидеть сколько хочешь. Дом почти не «светится», — снова подсказал мне конвоир.

Он отошел к клумбе и там закурил, больше не обращая на меня, безоружного, никакого внимания. Шли медленные минуты ночи. Я ждал Факира, но он все равно подобрался неожиданно, присел рядом на крыльцо, вытянув одну ногу, и только тут я догадался, что ренегат хромает.

— Раньше не было, — коротко сказал он, заметив мой взгляд. — А теперь вот так.

Я не стал ни о чем спрашивать, вынуждая Факира выбирать тему для разговора.

— Давно здесь? — спросил он.

— Недавно.

— Что ж, я еще тогда понял, что ты не промах. С контролером справиться не каждому дано.

— Повезло.

— За тобой, Сережа, должок.

— Имя откуда знаешь?

— Оттуда. У меня свои источники. Кто, за что и как тебя из «Долга» вышвырнул, я знаю. Так что никакой ты не свободный сталкер, а такой же ренегат, как и я.

У меня создавалось впечатление, что «ренегатский» статус в отличие от сталкерского вызывал у Факира некоторое слабое подобие уважения, но он тут же развеял это впечатление, злобно ухмыльнувшись.

— А ведь если ящика у тебя нет... Смотри, Сережа, если соврал, то будет больно.

Я вытащил и протянул ему два листка из тетради в клетку — все, что осталось от отчета ученого Лунарева, который жил и умер в этом городе более тридцати лет назад.

— Остальное в лесу закопано, — соврал я. — Если столкнемся — покажу где.

— Ты и так все до конца скажешь, когда расспросим правильно.

— Может быть. Но без меня схрон не найти, да и ваших людей в Рыжем лесу сильно не любят.

Факир замолчал, рассматривая огонь и осторожно поглаживая поврежденное колено.

— Ты виноват, кстати, — усмехнувшись, вдруг сказал он. — Химера эта чертова... Поначалу сгоряча не заметил, даже не хромал, а вот воспалилось, теперь болит и болит... Врача нормального нет, из Лиманска не высунуться...

Я знал, что он меня отвлекает, и не ответил. В костре потрескивали ветви, наломанные с пирамидальных тополей. Рация Факира пискнула, и он ответил на чей-то вызов, переданный хрипло и неразборчиво.

— Пошли, Сережа, посмотришь кое-что...

Он поднялся и пошел первым, прихрамывая еле заметно, вниз, к берегу, в сторону туннеля и через туннель на самый мыс. Следом за мной двинулся телохранитель Факира, я находился как раз между двумя ренегатами, охваченный предчувствием близкой катастрофы.

— Ты что-то нервничаешь, да? — поинтересовался Факир с коротким ироническим смешком. — Или на берегу кого-то потерял?

Над каналом дул ночной ветер, насыщенный едким химическим запахом. Полтора десятка боевиков топтались на берегу.

— Ребята, опускайте мост.

Ржавый механизм заскрипел, мост кренился вниз, словно гигантская рука в попытках схватить противоположный берег. Наконец, он с глухим стуком упал на грунт.

— Вы вдесятером проверьте вон ту будку на том берегу и тупик тоже. Всех, кого найдете, тащите сюда.

— А они стрелять начнут!

— Кто будет сопротивляться — гасите на месте. Трупы сюда.

— Со жмуриком по такому мосту несподручно.

— Можно только голову.

Сказав все это, Факир обернулся, жадно наблюдая мою реакцию. Был он тем, кем был, — сволочью и психом. Десятеро бандитов двинулись гуськом по мосту, еще пятеро столпились возле, ожидая от Факира малейшего знака насчет расправы. Катастрофа уже произошла, и я это понимал. Лунатик находился в будке. Живым он бы ренегатам не дался и, если повезет, мог с боем отступить в лес. План мой в любом случае уже рухнул, а я был все равно что покойник. Интерес Факира к ящику мог продлить мою жизнь, но жестко и ненадолго. Сам Факир стоял сейчас рядом, он даже под предлогом хромоты немного опирался на меня.

— Сказать мне ничего интересного не хочешь?

— Нет, а про что именно?

— Ну, молодец, страх, значит, дерзостью давишь.

Я каждую секунду ждал, что на том берегу начнется перестрелка, но из-за канала долетал только шелест деревьев под ударами осеннего ветра.

— Тупик в туннеле проверить не забудьте... — буркнул Факир в рацию.

Я очень надеялся, что Лунатик не пойдет в тупик и там его не загонят в «электры».

— Ну как? Есть? — снова спросил Факир, теперь уже заметно психуя.

Рация прохрипела что-то непонятное и густо уснащенное жаргоном. Бандиты вокруг меня задвигались, переговариваясь. Кто-то заржал.

— Ты что на том берегу ловил-то, Факир? — поинтересовался я с самым невинным видом.

На самом деле ни с чем не сравнимая эйфория риска и спасения уже охватила меня. Лунатика в будке они не нашли. В тупике его тоже не было. Объяснить внезапное и ловкое исчезновение моего напарника я не мог, но воспользоваться последствиями этого исчезновения собирался.

— Не доверяешь? — напирал я. — Ну, не доверяешь, тогда расходимся, с этим никаких проблем.

— Ладно, хватит. — Факир огрызнулся так зло, что ржущие бандиты разом замолчали. — Немного ошибся, бывает. Пошли обратно, обсудим дело без лишних ушей.

...Когда мы вернулись все на то же крыльцо в стиле «советский ампи́р», костер на клумбе почти до конца прогорел. Факир, подобрав на земле палку, пошевелил угли, и они стрельнули в темноту очередью юрких искр.

— Буду с тобой, Сережа, говорить начистоту. Ящик мне, конечно, нужен, но пока постольку-поскольку. Заинтересован в нем большой человек с Большой земли, находку ему придется передать, для этого необходимо вернуться на Кордон, а в теперешнем моем статусе я туда не сунусь. Ты — сунешься. Поэтому мне от тебя надо не так уж много — выкопать схрон и связному на Кордоне передать посылку. Деньги уйдут в банк, ты их не понесешь. Тебе тоже кое-что переведут, было бы куда. Все просто. Тут даже экс-боевик из твоей организации справится.

Выпад насчет тупости ребят из «Долга» я пропустил мимо ушей. Тревожнее выглядела непонятная доверчивость самого Факира.

— А не боишься, что я вместе с посылкой исчезну?

Факир постучал палкой о землю и потушил ее тлеющий край.

— А я тебя кровью повяжу, — просто сказал он. — Сильно повяжу, если все узнают, уже не отмоешься. Ни по ту сторону Кордона, ни по эту.

Он, видимо, не шутил и с самого начала все продумал. Это была вторая ловушка, которой я не ожидал. «Повязать кровью» он меня собирался немедленно после хотя бы легкого намека на согласие, а расстрелять — сразу же после отказа.

— Я на тебя поработаю курьером, а потом вместо денег пулю от связника на Кордоне получу.

Факир опешил, видимо, не ожидал от «долговца» такой сообразительности.

— Выбора у тебя нет, Сережа, — сухо ответил он. — Не хочешь — как хочешь. Выпустить тебя мы все равно не можем, знаешь ты слишком много.

— Нет гарантий — нет договора.

— Ну и какие ты хочешь гарантии? — вроде бы устало спросил Факир. Пальца рук у него нехорошо шевелились, как будто сжимали горло невидимого существа.

— У меня есть кореш, зовут Шурка. Сейчас свяжусь с ним по коммуникатору, через двое суток Шурка выйдет к каналу. Переговорим с глазу на глаз, он меня во время похода на Кордон подстрахует. До тех пор, пока Шурки тут не будет, я тебе ответа не дам.

Факир едва заметно вздохнул, пальцы еще раз сжали невидимое горло, после чего расслабились.

— Хорошо, сутки тебе даю. Больше ни часа. Говорить будете на этой стороне. Оба.

Мой прежний соратник по «Долгу» уже пару дней как отправился «к Богу на ковер», никуда явиться он не мог, но я добросовестно отправил письмо на его адрес, выиграв тем самым драгоценное время. Факиру торопиться было некуда. Он ушел спать в соседний дом, приспособленный им под штаб, ко мне же приставил двоих хорошо вооруженных шестерок, которые поначалу неотступно крутились поблизости, но потом явно заскучали и, присев стороне, принялись резаться в карты. До часа «Ч», оговоренного у нас с Лунатиком, еще оставалось время, я устроился на скамье под тополем и отключился до утра.

Утром меня разбудил надрывный лай. Звери рычали, хрипели и издавали временами короткие жалобные визги. С той же стороны доносились дикие взрывы хохота и человечесьего голоса. Бандит, который меня караулил, был худой и юркий, в засаленной куртке пацан с линялой банданой на башке. Караульной службой он сейчас не напрягался, сидел себе, вытянув шею, и вглядывался в происходящее на соседнем дворе.

— Пошли туда, поприкалываемся, — довольно дружелюбно предложил он.

Я согласился из любопытства. Возле аккуратного желтого дома ренегаты соорудили загон из сломанных скамеек и сорванных с крыши листов шифера. В самом его центре, скалясь и рыча, схватились две слепые собаки. Были они голодные, злые и облезлые до плешивости. Раньше я никогда не видел, чтобы пси-чувствительные собаки дрались друг другом, но эти, видимо, дошли уже до безумия. На каждой словно в насмешку красовался

самодельный ошейник. На одной — из белого бинта, на второй — из обрезков зеленой маскировочной сетки.

— Ставлю на зеленого десять баксов! — закричал мой охранник.

— Поздно уже, ставки сделаны.

На «зеленого» поставили многие. Зрители сгрудились возле загона, наблюдая смертельную схватку.

Факир подошел незаметно, из-за шума, воя, лая и ругани я не услышал его шагов.

— Нравится?

— Нет, — твердо ответил я.

— А зачем тогда смотришь?

— Интересно. Никому до сих пор не удавалось приручить слепых псов.

— А они и не приручены... Ребята зверей поймали сетью, а потом долго не кормили.

Сильный жрет слабого, таков закон природы, все остальное — словесный мусор.

Факир щелкнул зажигалкой и закурил. Он напряженно щурился, пытался разглядеть что-то в дальнем конце улицы, но потом вдруг расслабился.

— Показалось... — буркнул он. — Зрение стало ни к черту.

— У тебя тут с охраной проблема... Смотрят вполглаза, слушают вполуха. Это в лучшем случае. Чаще просто дрыхнут на посту.

— Ничего не поделаешь, вольница... Вон тот парень в бандане, который тебя сюда привел, — славный парнишка, его нейтралы выгнали за то, что пьяного приятеля тушканам скормил. Зачем — черт его знает, видимо, по приколу. Тот, с переломанным носом, — бывший наемник, состоятельного клиента в Зону завел, но не вывел, где бросил — вспомнить не смог, всю клиентуру после этого потерял, имел и другие неприятности... — Факир ухмыльнулся. — Рядом с наемником тоже интересная фигура, наш снайпер, он с «Долгом» повоевал хорошо.

— Даже так?

— Можешь не сомневаться, был Колян в «Свободе» на хорошем счету, ценили за меткость, там бы и оставался, но имелась мелкая проблема — ему, в сущности, все равно, по кому стрелять, особенно после употребления стимуляторов. Несмотря на всяческую терпимость к человеческим страстям, Чехов парня все же выгнал, так как своя башка дороже.

Факир еще раз затянулся, швырнул сигарету на землю и растер ее сапогом.

— Из интересных личностей могу еще порекомендовать Рамзеса. Умница, спорщик, интеллектуал. На Большой земле закатал оппонента в банки, предварительно разделив, теперь прячется от закона. В Зоне по понятным причинам никому не нужен, включая бандитов.

— Остальные — тоже «умницы, спорщики»?

— Остальные — плесень, мелочь, уголовники, отсидевшие срок по «непрестижной» статье, шпана, психи, запойные алкоголики, люди, не угодившие лично Йоге...

«А ты кто, Факир?» — вертелось на языке, но я решил помалкивать.

Факир вдруг заскучал, что с ним и раньше случалось, его бандиты заскучали тоже. Загрызенную собаку в белом ошейнике выкинули из загона, на ее место выпустили из ящика мутанта-волка, и драка зверей возобновилась с новой силой.

— Загон с собаками — это жизнь в ее естественном проявлении, Сережа. Риск, адреналин. Зона обогащает редко, а убивает часто, но желающие пробовать всегда найдутся... Здесь слетает мишура — устав, долг, этика, мораль... Человек становится самим собой — одиноким хищником, а победивший зверь всегда прав. Ты или волк, или добыча волка, третьего не дано.

Факир продолжал философствовать в том же духе, но я не видел в нем ни победителя, ни философа, ни волка, а только загнанного в угол психопата и садиста, который куражится напоследок. Натворить кровавых дел Факир вполне еще мог, прихватить с собой на тот свет побольше людей — тоже. Правда, оставалось ему жить считанные дни, в крайнем случае — недели.

И все-таки главарь ренегатов наводил оторопь. Жутким в нем было абсолютное отсутствие страха смерти. Инстинкт самосохранения — есть, боязнь гибели — отсутствует. Привести человека в такое двойственное состояние можно только специальными методами, и я внезапно понял, кем был Факир на Большой земле.

Худший и самый ненавидимый враг любой организации, в особенности спецслужбы, — отступник. Кто его знает, кому служил Факир, когда еще не явился в Зону и не сделался ни Факиром, ни ренегатом. В любом случае обратный путь ему был заказан.

Искусанный волком пес взвыл и затих, подыхая. Развлечение уже приелось, ренегаты медленно разбрелись кто куда. Попыток проникнуть в глубь Лиманска они, по моим наблюдениям, не предпринимали, будто побаивались кого-то. Стрельбу по опушке Рыжего леса через канал пока что тоже не вели. День, подаренный мне Факиром, тянулся и тянулся, в запасе имелось около двадцати часов. От нечего делать я побродил по заброшенным домам, выбирая те, которые «фонили» поменьше. Многие комнаты стояли разграбленными дочи́ста, в других до сих пор сохранились мебель, игрушки, книги. На втором этаже возле балконной двери в простенке уцелел надорванный календарь восемьдесят пятого года, точно такой же, только целый, я заметил раньше у Лесника.

Посетите наш солнечный город!

Под надписью — девочка со скакалкой, окруженная стаей вспорхнувших при ее движении белых голубей.

Глава 19. Прорыв

Двенадцать часов спустя, Зона, Лиманск.

Вечером, но уже ближе к ночи, Факир снова приставил ко мне охрану — тощего парня в бандане, любителя развлечений с тушканами, и его друга — наемника с переломанным носом. Ребята были непривычно трезвые, посерьезневшие и для личного удобства заперли подопечного (то есть меня) в комнате с календарем.

Дробовик у меня отобрали почти сутки назад, но рацию оставили, впрочем, я ею не воспользовался, чтобы не шуметь. Одиночество в запертой комнате пошло на пользу — позволило без свидетелей поговорить с Лунатиком через коммуникатор. Разговор получился коротким, но очень полезным. Погода стояла ясная, превосходная для октября, но неудобная для задуманного, однако погоду в таких случаях не выбирают. Из оружия имелся только нож — легкий, хорошо сбалансированный, его я еще днем подобрал в покинутом доме, вечером отчистил и заточил.

Около полуночи я выбрался на балкон второго этажа, перемахнул через перила, нащупал ботинком крючья, оставшиеся от водосточной трубы, и по ним в считанные секунды слез на землю.

Костер не горел. Фигура часового с автоматом «Гадюка-5» наготове торчала возле автобусной остановки. Часовым оказался тот самый Рамзес, я снял его, метнув нож, вооружился трофейной «Гадюкой», реквизи́ровал бандитский запас гранат, переместился к туннелю под дамбой, прошел его до середины и задержался ненадолго, чтобы установить в удобном месте растяжку. После этого фонарь выключил и дальше двигался предельно осторожно, прижимаясь к стене, ориентируясь только по блекло-серому свечению выхода.

Механизм управления мостом обслуживал механик, а охраняли еще трое боевиков Факира. Все четверо проводили ночные часы на берегу, трое дремали, подстелив спальные, один не спал и сидел у костра, но наблюдал в основном за левобережьем.

— Кто идет? Стоять! — заорал он при моем появлении из туннеля.

Этот человек был отлично освещен, и я срезал его очередью.

— Тревога, пацаны! — истошно заорали в ночи.

Трое выживших вовсю шмаляли по мне, но я уже выбрался из туннеля и метнул в их сторону гранату. После взрыва треск выстрелов полностью стих, потом снова раздался, хотя и более жидкий. Потом мне тоже кинули гранату.

— Лови яблочко, сучара!

Крик был бандитской дуростью, потому что позволил мне заранее укрыться за большим бетонным блоком.

— Готов он, спекся, — раздался сиплый голос. — Пошли посмотрим...

Сверкнул фонарь, я выстрелил на свет, свалив еще одного ренегата.

Механик моста струсил и на рожон больше не лез, залег в укрытии возле пульта управления, выкурить его оттуда не получалось, а со стороны туннеля должны были вот-вот заявиться обозленные боевики Факира.

— Сдавайся, — предложил я.

— Ага, я сдамся, а ты мне — пулю.

— Если мост опустишь — не трону.

Предложение механику явно казалось заманчивым, только он мне не верил и поэтому отчаянно трусил.

— Меня же отморозки Факира на части потом порвут...

— Без риска сделок не бывает.

Он был простужен, ругался, кашлял, потом повозился с механизмом, и хоть плохо, но все же различимая на фоне темного неба металлическая стрела начала свой путь к противоположному берегу. Двигалась она невероятно плавно, неспешно и еще торчала где-то на середине пути, когда в тоннеле грохнуло, и раздались крики людей Факира, подорвавшихся на моей растяжке.

— Пацаны! Он меня в заложниках держит! — отчаянно взвыл растерявшийся механик. — Пацаны, сюда! Спасите! Мочите сучару!

Видимо, это парень пытался заодно остановить мост и развернуть его движение в противоположную сторону, но слишком торопился, стрела хоть и замедлила ход, но продолжала клониться в сторону леса.

Из туннеля начали появляться уцелевшие ренегаты, и набралось их около десятка.

Нужно было во что бы то ни стало не дать им закрепиться возле подъемника, я бросился к укрытию, в котором засел механик. Парень в бандане палил по мне, стоя под туннельной аркой, Лунатик снял его одним-единственным выстрелом с левого берега. Остальные отступили назад.

Я тем временем был уже возле механика и от души врезал ему по шее ниже уха, так, что этот псих вырубился. Механизм бывшего крана продолжал работать, крайне медленно, но все же опуская мост-стрелу.

— Тут снайпер сталкеров на той стороне, — заругался кто-то в туннеле.

— Где?

— Возле леса засел.

— Коляна позовите, он с ним разберется.

Даже вдвоем с напарником мы не имели никаких шансов зачистить целую банду, никому из людей Факира даже в голову не приходило такое.

Поэтому все они были убеждены, что я собираюсь всего-то удрать на левобережье, для этого и опускаю мост, но собирался-то я не удирать, а остаться.

— Сколько еще минут?

— Минут десять, — ответил по рации Лунатик. — Гранатометчик у них есть?

— Нет. Ручных гранат тоже нет, я их все реквизировал.

— Продержишься?

— Продержусь, не вопрос. Ты там поосторожнее, у них свой снайпер.

— Да ладно тебе, Моро, я же не вчера родился.

Стрела внезапно остановилась, не завершив свой путь. Кран лязгнул и замер. Я попытался орудовать рычагами, но ничего не изменилось. Оглушенный мною механик лежал

без сознания, между краем стрелы и левым берегом оставалось расстояние метров в пять-шесть.

— Мне туда не залезть, — предупредил Лунатик по рации.

— Не отвлекайся. Твое дело — их снайпер, с мостом я разберусь.

Механик был жив и дышал, но не приходил в сознание. Я его тряс и двигал, но ничего поделаться не мог. Стрельба со стороны туннеля, было прекратившаяся, возобновилась с новой силой. Я огрызнулся несколько раз короткими очередями, не позволяя особо наглým высовываться. Лунатик не стрелял. Скорее всего он сейчас менял позицию, собираясь противостоять снайперу ренегатов, а я из-за этого чертова снайпера не мог выбраться на стрелу и сделать то единственное, что в сложившейся ситуации сделать стоило.

— Эй, Морокин! — раздался с вражеской стороны голос Факира. — Сбежать от меня хочешь, Морокин, так ведь от себя не сбежишь...

Факиру приходилось напрягать простуженное горло, чтобы до меня докричаться, а я не тратил дыхание и ему не отвечал.

— Лучше сдайся, тогда быстро убью, — предложил он и снова не получил ответа. — А может, и не трону, если настроение будет, — добавил под конец он.

Следующим, по логике вещей, должно было стать обещание премии за добровольную сдачу, я беззвучно смеялся, но все равно не подавал голоса.

— Черт с ним. Упрямый. Гранатами закидайте, — приказал тогда Факир.

— Нету гранат.

— Как нет?

— Запас был у Рамзеса, этот фраер все спер...

Ренегаты разговаривали громко и отчетливо, будто специально, чтобы я слышал, именно это мне и не понравилось. Я перестал слушать и присмотрелся к кромке дамбы и крышам близко расположенных домов Лиманска. Снайпер наверняка был там. С высокой позиции он мог относительно легко засечь меня и убить. Одно дело — завязать обычную перестрелку, совсем другое — играть роль мишени для невидимого и недостижимого противника. Рацией я не пользовался, чтобы не отвлекать Лунатика, вместо этого постарался переместиться так, чтобы между мной и дамбой находились остатки кабины крана. От выстрела они прикрыть не могли, зато мешали целиться. Через секунду пуля звякнула о металлическую арматуру, пройдя в паре сантиметров от моего виска.

Я не шевелился. Тросы, натянутые опущенной стрелой, слегка поскрипывали в темноте. На бандитской стороне медлили, возможно, переговаривались с Коляном по рации. На мою позицию, впрочем, не лезли из осторожности. Светящиеся стрелки часов показывали без трех минут час ночи. Наступил томительный момент ожидания — я сделал все, что мог, и дальнейшие события от меня уже не зависели.

— Проверьте, что там, — послышался приглушенный и раздраженный голос Факира.

Они, наверное, собирались проверить, насколько я мертв, однако в этот момент в северной стороне за ближними домами Лиманска заработал подствольный гранатомет, его поддерживали автоматные очереди. Рация ожила, передавая позывные Лунатика.

— Все в порядке, Моро, снайпера я убрал. С севера прет «Монолит», так что они теперь отступят...

Лунатик был прав, от центра Лиманска к окраине возле канала в этот самый момент двигались отряды сплоченных и хорошо вооруженных фанатиков. Именно тех, которые, при всех своих неприглядных качествах, бандитов зачищали беспощадно. Возможно, для Факира их появление среди ночи оказалось более-менее неожиданным, но только не для меня. Перемещение «Монолита» и их переговоры Лунатик отслеживал весь позавчерашний день и в эфире, и в сети, не пренебрегая даже дешифровкой. Сейчас он переживал триумф, не столько военный, но, можно сказать, умственный, потому что орал в рацию что-то неразборчиво-радостное.

Моих же противников, засевших под дамбой, в момент охватила паника. Присутствие одного-единственного «диверсанта» (то есть меня) не шло ни в какое сравнение с появлением полусотни бешеных сектантов в броне...

Туннель опустел, я проверил это, выпустив туда короткую очередь, — никто даже не отстреливался. Небо над домами с северной стороны окрасилось огнем, не знаю, что там горело, но огонь получился яркий. Радиоэфир на бандитской частоте заполнился криками, командами, шумом помех, криками раненых и бесполезными просьбами о помощи. Сверху, с самого гребня дамбы, в сторону канала скатилось безжизненное тело. Парня прикончил кто-то из «монолитовских» стрелков, пули изрешетили его насквозь — от плеча до плеча, вдобавок на самом склоне он попал в «электру». Шум боя нарастал, из западных кварталов подтягивались другие банды ренегатов, не подчинявшиеся Факиру, но не переносившие «Монолит».

На частоте «Монолита» пели.

Я сначала подумал, что они поют, но потом понял, что фанатики хором читают литанию или молитву. У кого-то в руке при этом оставалась невыключенная рация, и монотонные завывания транслировались в эфир. Все это вместе — стрельба, зарево пожара, близкий рев огня, сверкание «Электры» под ЛЭП, скрипучая ржавая стрела крана под сильным ветром, маг бандитов и вой фанатиков — превращало лиманскую ночь в феерическое зрелище ада.

Впрочем, любоваться им было не ко времени. Я нашел в кабине веревку, смотал ее и прикрепил к комбезу, после чего полез по стреле крана, которая, вместо того чтобы находиться в горизонтальном положении, еще и под пологим углом уходила в небо.

Ветер все крепчал, будто вторжение «Монолита» каким-то образом поменяло погоду в Зоне. Сплошного настила «мост» никогда не имел, а теперь еще и находился в подвешенном состоянии, мне приходилось балансировать на решетчатых конструкциях стрелы, рискуя в темноте сорваться в воду.

В конце концов я добрался до конца, до того места, где стрела нависала в пяти метрах над уровнем грунта.

Лунатик ждал на берегу. Вскрабаться по веревке на неустойчивый мост, зависший над смертельно опасной жижей в канале, вдобавок с грузом и в броне, само по себе сложно.

Я закрепил веревку и перебросил напарнику второй конец.

Не торопись. Сначала оружие и вещи.

Рюкзак Лунатика и его стволы я вытянул, после чего он с неожиданной ловкостью влез по веревке почти без посторонней помощи.

Теперь мы стояли на самой оконечности стрелы, на высоте, между темным левым берегом и полыхающим в огне правым. Ветер покачивал самодельный мост, на небольшом отдалении стреляли и умирали, сражаясь между собой, сектанты и отморозки. Мы сделали то, что собирались с самого начала, теперь оставалось вернуться в Лиманск и, воспользовавшись неразберихой, проникнуть в тыл «Монолита».

Для этого необходимо было повторно прогуляться по наклонной стреле.

— А у меня акрофобия,⁶ — улыбаясь, будто похвастаться хотел, вдруг сообщил Лунатик.

— Ничего, вытерпишь, вниз только не смотри.

Мы навьючили вещи на себя, двинулись обратно и прошли уже до середины каната, когда стрела вдруг дрогнула и пошла вверх, собираясь вернуться в полностью вертикальное положение. Очнувшийся от моего удара механик всю орудовал управлением, наводя порядок, а заодно намереваясь стряхнуть нас на грунт или в грязную воду канала.

Мост вставал дыбом. Лунатик, еще более бледный, чем всегда, опустился на корточки и вцепился в металлические конструкции. С моей точки зрения поступил он неправильно, следовало, не задерживаясь, проскочить оставшийся участок и спрыгнуть на берег, однако я не мог Лунатика бросить, поэтому попытался поднять на ноги и заставить двигаться.

— Шевелись, быстро...

⁶ Боязнь высоты.

Он вцепился в ускользящую опору намертво, было уже поздно, мост остановился в верхнем положении, мы теперь болтались на нем, как фрукты на дереве. Грохнул выстрел, и совсем рядом просвистела пуля.

— Давайте вниз, уроды, — орал механик, — проход закрыт.

Он продолжал стрелять по нам из пистолета, промахивался и стрелял опять. Тогда я, извернувшись, дотянулся до своей «Гадюки», послал в сторону дурака длинную очередь и, видимо, попал, потому что механик больше не шевелился.

Мне же этот трюк обошелся дорого — я сорвался сам, уронил оружие и полетел вниз. Умирал я в радиоактивной воде канала медленно и мучительно, пытаюсь выбраться, цепляясь за осыпающийся берег, а потом потерял сознание.

Глава 20. «Монолит»

2011 год, октябрь, Зона, Лиманск.

Когда я открыл глаза, то понял, что вовсе не падал и не умирал, а до сих пор болтаюсь между стрелой и водой, удерживаемый Лунатиком. Смерть была очень правдоподобной галлюцинацией, созданной источником пси-излучения где-то поблизости.

Лунатик держал меня одной рукой, другой он до сих пор цеплялся за перемычки моста. Я весил больше, к тому же был сильно гружен, сжатые пальцы напарника медленно сползали по рукаву моего комбеза.

— Не шевелись, Моро, я тебя сейчас вытащу.

Вытащить меня он не мог по законам физики, а вот сорваться сам мог запросто. Несмотря на это, Лунатик все дергал и тянул, забыв про свою акрофобию, конечно, без всякого успеха, наоборот, его испачканная в грязи и оружейной смазке рука теперь соскользнула вплоть до моего запястья. Мешали ей отцепиться полностью только мои часы на толстом стальном браслете. В конце концов я попытался подтянуться или упереться во что-нибудь ботинком, но не сумел нащупать точку опоры и едва не сволок товарища вместе с собою в канал.

— погоди немного, сейчас вытащу, — все повторял и повторял он.

Я прикинул, нельзя ли вместо радиоактивного канала прыгнуть на землю, пусть даже с риском переломать ноги, однако получалось, что нет. Я должен был сорваться, вариантов оставалось два: падать обычным образом вместе с Лунатиком или героически — одному. Геройскому варианту препятствовало упрямое нежелание напарника отцепиться, а слишком сильно вырываться мешал мне инстинкт самосохранения, который оказался сильнее совести.

— Блин, ну ты зараза, Моро, ну чего ты дергаешься, — шипел Лунатик сверху. — Лучше ворот своего комбеза расстегни, у тебя вторая рука свободна.

— Зачем?

— Делай как я сказал... Так. А теперь держись второй рукой за распорку.

— Где она?

— Да левее, левее... Подтянись немного. Вот так. Все, держись? Я сейчас тебя ненадолго отпущу.

Я послушался, и в ту же секунду, чудом сохранив равновесие, Лунатик свесился вниз и сунул мне глубоко за пазуху «грави». С точки зрения напарника мой вес сразу уменьшился килограмм на семьдесят, он вытащил меня так резко и легко, что уже на мосту мы столкнулись и едва успели зацепиться за железо.

— Спасибо.

— Да не за что.

...После этого я сидел на стреле крана как ворон на дереве и смотрел в ночь. Пульс постепенно приходил в норму. Стрела чуть колебалась под ветром.

— Ты говорил — акрофобия.

— Уже прошла, — равнодушно отозвался Лунатик.

Я не особо удивился, он вообще был странный.

Через короткое время мы оба слезли на землю по поперечным перекладинам моста, как по наклонной лестнице. Я задумался — оставить конструкцию в поднятом положении или опустить?

— Опустит, — посоветовал Лунатик. — По открытому проходу вдруг кто-нибудь да подойдет, подкрепления всегда пригодятся...

Мертвого механика мы нашли в кабине рядом с рычагами. Этот человек сначала просил пощады, потом сдал меня из трусости, а потом попытался убить просто так, подтвердив еще раз истину, что верить никому не стоит.

— Что там с «Монолитом»?

— Вроде закрепились в соседнем квартале.

— Люди Факира?

— Выбиты почти все. Хотя тут и других ренегатов достаточно.

Я пошарил в бандитских вещах и подобрал себе другой ствол вместо потерянного — еще одну «Гадюку». Нам предстояло двигаться дальше под перекрестным огнем по незнакомому городу, сквозь переплетение его улиц и переулков.

Дома поблизости выглядели почти не поврежденными, лишь угловая двухэтажка осталась без части крыши, а фасад прорезала глубокая трещина, ощерившаяся битым кирпичом. По этой улице когда-то ходил городской автобус. Теперь то, что от него осталось, перегораживало дорогу в ста метрах впереди вместе со ржавыми остовами грузовика и двух «москвичей». Зато почтового ящика на углу время почти не коснулось, синяя краска на его боках до сих пор блестела. В небе над трехэтажным строением, более новым, чем все остальные, с большими лоджиями, торчала кособокая антенна. Она давно уже ничего не принимала, разве что служила насестом для воронов, когда они залетали в город, из-за чего вороний помет покрывал крышу и часть стены. Медленно светало. Издали из окон по нам вели огонь. Когда мы уберались за угол, стрельба все равно продолжилась, очевидно, засевшим там боевикам было безразлично, по кому шмалеть. С лоджии того самого дома с антенной им отвечали одиночными выстрелами. При повторной попытке высунуться по нам вели огонь уже с двух сторон.

— Тут не пройти.

— Ничего, пройдем. Я ренегата на лоджии сниму, — пообещал Лунатик.

Он сделал это довольно легко. Теперь по нам стреляли только с одной стороны, с дальнего конца улицы, зато ожесточенно и с упорством.

— Склад патронов они там держат, что ли?

Надо было пробираться дворами, и мы свернули налево. Тут было тихо. На заколоченной двери одного из подъездов до сих пор висел пронзенный ржавой кнопкой лист бумаги. От времени он принял серо-ржавый цвет, но не сгнил, хотя надпись уже сделалась полностью неразборчивой. В самом конце двора находилась аномалия. Какая — я не понял, однако «Велес» сработал на нее как бешеный.

— Пошли назад.

Двор с правой стороны оказался без аномалий, зато тут стояла круглая деревянная беседка, очень уютная на вид, но немного радиоактивная. На торце дома кто-то совсем недавно пытался нарисовать пентаграмму, закончить он не успел — двух перекладин до сих пор не хватало. Двор упирался в заднюю глухую стену другого строения, возле которой выстроились в ряд три мусорных контейнера.

— Смотри.

Именно тут мы нашли ренегатов. Они оказались убиты одинаково — каждый выстрелом в лицо с близкого расстояния, тела кто-то не поленился дотащить до мусорных баков и свалить прямо туда.

— Работа «Монолита». Пошли отсюда, — быстро сказал Лунатик. — Не нравится мне это место поганое.

Ощущение чужого присутствия не покидало и меня, хотя все окна оказались закрыты и даже занавешены изнутри пыльными шторами. Назад мы отходили осторожно, держась

возле стен или за деревьями сквера. Обстрелять нас могли откуда угодно, но почему-то не стали. Выбравшись на дорогу, я вздохнул с облегчением. Тут по крайней мере обстановка оставалась предельно ясной — кровавой, жесткой, но без поганой мистики.

— К машинам не лезь, — предупредил меня Лунатик.

— Почему?

— Вот там растяжка стоит. Подальше — еще одна.

Растяжки там действительно были. Сам я бы их в предрассветных сумерках ни за что не заметил. Дальше за ними дорогу перегораживала баррикада, сделанная из срубленных тополей, упиравшаяся одним концом в аномалию «трамплин», правда, как оказалось, слабенюкую.

— Давай я ее по краю аккуратно обойду, — предложил мне Лунатик.

Он шел по краю и сильно рисковал, а я его прикрывал, держа на прицеле балконы и окна. Меж прутьями одного из балконов свисал вниз длинный темный предмет, он оказался рукавом черного кожаного плаща, из которого торчала кисть руки со скрюченными пальцами. Раненый или убитый не шевелился. Лунатик махнул с той стороны, он нашел себе позицию и теперь собирался прикрывать меня. Идея идти по краю «трамплина» чрезвычайно мне не нравилась, поэтому я рискнул и полез через баррикаду напролом, надеясь проломить ветки. Именно это чуть не стоило мне жизни.

Завал тонких веток от пуль не защищал, зато я в нем увяз и не сразу выпутался, когда началась пальба. Мой напарник снимал стрелков на крыше двухэтажки одиночными выстрелами быстро и эффективно, но новые все время лезли из чердачных окон. Они падали, лезли, снова падали, кто-то, матерясь, катился с крыши, кто-то спешно занимал позиции за выступами слуховых окон. Все-таки они трусили, поэтому торопились. Я рванул из всех сил, пробил с размаху баррикаду и присоединился к Лунатику в укрытии, отделившись по дороге по мелочи. Заряд из чужого дробовика угодил в «Севу» на излете и бронежилет не пробил. Если бы с такого расстояния попали из винтовки, я был бы уже покойником.

— Там в здании Факир, — мрачно сообщил Лунатик. — Выжил, гад. Я его в прицел видел через окно.

— Опять промазал?

— Нет, выстрелить не успел, я же тебя прикрывал.

— Думаешь, стоит с ним связываться?

— Да. В первый раз я отступил, второй раз — промазал. Третьего промаха не будет.

Для Лунатика устранение Факира стало чем-то вроде дела чести, а по мне так было и оставалось сомнительной тратой времени и патронов — Факир, человек, противопоставивший себя всем группировкам подряд, и так был обречен.

— Моро, там ведь все просто, — настаивал Лунатик. — Залезем в квартиру на втором этаже, займем позиции, я у одного окна, ты у другого. После этого ренегаты все равно в атаку полезут, мы им в тылу как гвоздь в стуле. Факир за спинами своих боевиков отсидеться не сумеет — у него авторитет упал, так что вместе со всеми пойдет. Ты банду близко не подпускай до тех пор, пока я Факира не уничтожу, потом вон с того углового балкона лезем на лоджию соседнего дома, спустимся в подъезд и опять уйдем дворами, но другим путем.

Выглядел план сносно, ренегаты все равно прижимали нас огнем, не давая добраться до конца улицы. Потеря вожака могла их деморализовать, я уступил напарнику в этом вопросе, хотя и неохотно.

— Ладно, начнем.

Под сводами подъезда все сохранилось, будто двадцати с лишним лет не прошло: аккуратные, обитые клеенкой деревянные двери, черные или белые кнопки звонков, только замки в основном оказались изломанными — их не открывали аккуратно отмычкой, а грубо, «с мясом» выворачивали фомкой. Квартира, в которой мы собирались устроить огневые точки, стояла полностью разгромленной и кем-то уже загаженной. Переломанные шкафы рухнули и легли плашмя. Выцветшие тряпки смешались с черепками разбитой посуды.

Остатки обоев срывали специально, они висели бахромой, вместе с тем среди хаоса на самой вершине груды хлама уцелел оранжево-черный эмалированный чайник.

— Зачем все это устроили?

— Деньги под обоями искали.

— На кой черт? Они уже не в обращении.

На балконе по ту сторону улицы появился силуэт в черной куртке, после моего выстрела из «Гадюки» он упал. Лунатик не стрелял и не обнаруживал себя, выжидая, по мне же очень скоро открыли огонь. Пули отскакивали от стены снаружи, иногда попадали в проем распахнутого окна. В окнах соседних комнат еще сохранились стекла, теперь они со звоном разлетались осколками. Через некоторое время бестолковая пальба притихла. Следующего высунувшегося противника я опять подстрелил. Ругань ренегатов была хорошо слышна через улицу. Пули теперь рикошетили совсем близко, из их количества следовало, что у противника скоро закончатся патроны.

Лунатика я не видел, он занял позицию в другой комнате. Ренегаты из окон больше не высовывались, вместо этого спустились во двор и намеревались произвести вылазку. Вскоре человек десять бросились быстрой перебежкой через улицу, одновременно по мне начался огонь с крыши. Момент был самый опасный, я рисковал или получить пулю, или пропустить атакующий отряд в «мертвую зону» под стенами дома. По счастью, моральных дух ренегатов находился в то утро не на высоте, поэтому даже неприцельная стрельба заставила их повернуть или залечь. Факира я так и не заметил, то ли он уже покинул здание, то ли еще где-то выжидал. Лунатик все еще себя не обнаружил, упрямо поджидая цель.

В конце концов «Гадюку» заклинило, и я прекратил стрельбу, ставшую бессмысленной.

В происходящем присутствовало нечто странное. Может быть, это была та легкость, с которой мне до сих пор удавалось удерживать атакующих. Было чересчур тихо — той зыбкой утренней тишиной, на которую в обычных городах и в мирное время не обращаешь внимания. Сейчас тишина усугублялась тем, что Лиманск был мертв, и это безжизненное состояние города проявилось особенно ясно. Где-то чуть слышно похрустывало. Мне поначалу показалось, будто на крыше, но этот легкий неопределенный звук доносился изнутри квартиры.

Когда я понял все, было уже поздно.

Ствол чужого пистолета ткнулся мне в висок.

Факир был здесь — он, заставив своих людей выполнять отвлекающие маневры, сам обошел нас с тыла, используя неизвестный мне лаз или проход.

Прием был тот же самый, классический, которым мы с Лунатиком когда-то убрали снайпера на «Янтаре», я забыл о такой возможности, и теперь прием использовали против меня очень быстро, жестко и эффективно.

Факир стоял у меня за спиной, заклинившую «Гадюку» перезарядить не оставалось времени, и это было уже второе невезение подряд.

— Сдавайся, — приказал ренегат. — Брось ствол и мордой вниз на пол.

— Зачем? Лучше давай застрели.

— А это слишком просто. Застрелить я тебя всегда успею.

В чудом уцелевшем на стене зеркале я видел отражение Факира. Он был в комбезе, но без шлема и криво ухмылялся своей обычной улыбкой.

Лунатик должен был вмешаться, но он не вмешивался, я не мог больше стоять под прицелом, да и сдаваться не собирался, поэтому резко наклонился, убирая голову с линии огня.

Факир, хоть и не собирался расстреливать меня немедленно, все равно выстрелил. Пуля опалила волосы у меня на затылке и расколола старое зеркало, которое с треском развалилось на большие куски, но я уже развернулся к зеркалу спиной, а лицом к Факиру и от души врезал ему прикладом с разворота в челюсть. Потом для верности — ногой в живот.

Комбез смягчил этот удар, но Факир все же отлетел на несколько шагов. Перезарядить «Гадюку» я не успевал и фактически остался безоружным, но застрелить меня ренегату в этот день так и не повезло.

Вместо этого из глубины комнаты раздался выстрел Лунатика, и Факир рухнул лицом вниз. Кровь из его простреленной головы смешалась с мусором и рваной бумагой на полу. Эпитафии я никакой произносить не стал, кроме ругани.

— Долго ты не вмешивался, — без особого одобрения сказал я своему напарнику.

— Ты представляешь, — ответил он с искренним огорчением, — этот гад меня вырубил.

— Как?

— Из-за твоей стрельбы я ничего не слышал, он зашел со спины и по шее, видимо...

— Надо было шлем носить.

— Задолбал меня твой шлем. Неудобно в нем целиться.

Мы оба были хороши, настолько близко подпустив отморозка, но и Факир сплеховал — его подвело непереносимое желание взять нас живыми для неспешной расправы.

Ренегаты, которых и так уцелело немного, лишившись главаря, в атаку больше не лезли и отступили в южную сторону, скорее всего намереваясь сбежать из Лиманска через мост. Решение это было глупое и обрекало их на уничтожение приближающимися отрядами всех кланов, но ренегаты свою участь и так, и так заслужили. «Зачищать» их собственными силами я не собирался — некогда было, опасно, да и незачем. На всякий случай мы осмотрели всю квартиру до самой последней кладовки, но ничего полезного там не нашли — не было даже действующего водопровода.

— Пить хочется... — пожаловался Лунатик.

У меня еще была бутылка воды, мы выпили ее пополам. На коммуникаторе болталось отправленное еще полчаса назад каким-то доброжелателем предупреждение о выбросе.

Я нашел более-менее целое кресло, которое не «светилось», упал в него, вцепился в подлокотники...

Ударило через пять минут, и на этот раз колбасило сильно как никогда. Улица за окном поплыла и смазалась. Тогда я перестал смотреть в окно и попытался смотреть на стены. Это не помогло, комната шаталась из стороны в сторону, в глазах высверкивало кровавым, на обычную картинку лезла какая-то посторонняя муть, я снова и снова тонул в радиоактивном канале, умирал в нем и воскресал, чтобы умереть опять. В глазах плясали искры. Кожу жгло, в горле снова пересохло.

Когда я пришел в себя, выброс кончился, Лунатик сидел на полу у стены, перелистывая найденный в куче хлама альбом. Там были фотографии: редко цветные, чаще черно-белые или крашенные в блекло-коричневый цвет, обычные и с кромкой «зубчиком». Подросток на велосипеде, девчонка со скакалкой, парень со странно знакомым лицом, в белом халате и с колбой, зажатой между большим и указательным пальцами.

— Покажи!

— Не надо это смотреть.

Раньше, чем я сумел забрать альбом, Лунатик захлопнул его и швырнул в угол в груды хлама:

— Фотографии восьмидесятых. Как раз перед аварией.

Меня заинтересовало фото человека, который смахивал на ученого, но альбом уже провалился в рыхлый мусор.

На улице кое-что переменялось. Сначала мне показалось — там поют, потом я понял, что не поют, а просто кто-то повторяет молитву: «Благодарим тебя за то, что раскрыл слугам твоим козни врагов, озари сиянием своим души тех, кто отдал жизнь за исполнение воли твоей. В бой, защитники Монолита...» и еще что-то в подобном роде.

Мы высунулись очень осторожно. Я только второй раз за все время, проведенное в Зоне, так близко наблюдал «монолитовцев». Их было примерно пятьдесят бойцов, настоящих зомби двое-трое, снаряжение у всех выглядело новеньким, словно только что из мастерской.

— Заметил гранатомет? — шепнул мне Лунатик.

Сражаться смысла не было, мы затаились, пока «монолитовцы» зачищали соседний дом, тот самый, который только что покинули последние бойцы Факира. Тела, застрявшие в проемах окон или на балконах, они скидывали вниз, освобождая место для собственных огневых точек.

— Кого они ждут?

— Не знаю.

Здание, в котором мы укрывались, тоже могли проверить, они бы наверняка это сделали, следовало убираться, причем немедленно.

— Пошли отсюда переулками.

Мы так и сделали, перебравшись во дворе через высокий забор. Уже находясь по другую его сторону, я слушал ровный топот сапог и короткие реплики, которыми обменивались бойцы «Монолита». Если кто-то из сталкеров-нейтралов и находился сейчас в городе, то едва ли в этом районе. Убравшись как можно дальше, мы попытались связаться с Полозовым, на мои позывные он как обычно не отвечал, зато неожиданно ответил кто-то другой. Этот другой попытался подать SOS, говорил неразборчиво и не называя себя, сигнал быстро прервался, забитый помехами. Узкая улица, зажата между низкими домами, обсаженная пирамидальными тополями, уходила вперед.

Мы двигались к источнику сигнала мимо здания с арками, немного похожего на библиотеку, мимо смятой телефонной будки, мимо остова когда-то бледно-голубого автобуса и в конце концов уперлись в баррикаду, сложенную из мешков с песком. Мешки обороняющиеся наверняка принесли с собой, а вот песок брали прямо здесь — на задворках дома с арками обнаружилась большая яма. Сквозь порванную пулями оболочку мешков песок кое-где высыпался, смешавшись на земле с сорванными ветром листьями тополей и другим мусором. Часть баррикады оказалась разбита выстрелом из гранатомета. Убитые, некоторые в броне «Монолита», некоторые — с эмблемой наемника на рукаве, остались лежать среди листвы, гильз и песка. Атаковал, видимо, «Монолит», наемники держали оборону...

...И до этого случая тоже, и теперь я всегда задавался вопросом — что, кроме денег, заставляет наемников лезть в самые опасные места Зоны и нередко там погибать. Интерес к жизни сталкера как таковой они не испытывали, может, за редким исключением. В аномалиях мерли, причем часто. Обычным занятием наемника являлись охрана, транспортировка груза или заказная война. За это платили, иногда очень хорошо, но вовсе не запредельно много. Никаких твердых убеждений, кроме верности «слову наемника», эти люди не имели, однако баррикаду на улице брошенного города защищали стойко, пока все до последнего не полегли.

Такое не совершается только за деньги или только из страха.

— Эй, Моро, тут кто-то есть... — позвал меня Лунатик.

По высокой лестнице мы поднялись на крытую галерею, устроенную над аркой.

Последний выживший наемник находился здесь. Он устроился у стены и пытался остановить кровь, которая сочилась из простреленной ноги.

— Аптечка есть? — спросил он вместо приветствия.

Я отдал ему одну из своих запасов и помог сделать перевязку. Наемника звали Макс, по его словам, он находился в Лиманске уже трое суток.

— «Монолит» с севера прет и прет, — объяснял нам с Лунатиком Макс. — Атаки эти не просто так, видимо, там есть проход к центру Зоны. Поначалу сюда военные высадились с «вертушек», постреляли, а потом куда-то подевались — черт их знает куда. Вслед за ними, пока мост был открыт, прошли «Долг» и «Свобода» и немедленно тут схлестнулись.

— Сам видел?

— Нет. Мы с того берега наблюдали.

— Чем все кончилось?

— Помножили друг друга на ноль.

— Кто-то выжил?

— Разве что единицы, да и то вряд ли. Потом явились ренегаты, мост развели, кварталы возле него зачистили, началось мародерство и всякий беспредел. Ждали они штурма моста, но вместе этого ребяты из «Чистого неба» объявились у них в тылу, откуда вывернулись, учитывая, что мост разведен, я сам не понял. Бандитов сильно прижали, из основных огневых точек выкурили и переправу восстановили. Правда, ненадолго, потому что еще вчера сами на север ушли. После этого нахлынули «монолитовцы» и принялись отстреливать ренегатов, причем так хорошо, что те откатились до самой дамбы. Вы, кстати, оттуда идете?

— Да.

— Мост свободен?

— Ночью был свободен полностью, но там поблизости «Монолит».

— Ничего, нам в обход не привыкать. Сейчас приму допинг и сам дохромаю. За аптечку спасибо, можете патроны для СВУ взять, от дружбана остались, ему уже ничего не понадобится.

Несмотря на этот довольно длинный рассказ о событиях в целом, Макс, как это водится у наемников, ни словом не обмолвился ни насчет заказчика, ни насчет задания, а мы и не спрашивали.

— Слушай, а вода тут есть?

— Пригодной для питья почти нигде нет, но под гастрономом, говорят, водопровод работает. Жидкость ржавая, правда, не «светится», значит, идет не из канала.

— Полозова знаешь?

— Он тебе кто?

— Приятель.

— Полоза видел позавчера, он со своим «Потрошителем»⁷ ренегатов отстреливал. Если не убит и на север не ушел вслед за «Чистым небом», должен быть где-то в городе. Ищите, может, даже найдете...

Я понял, что нахожусь совсем близко от цели. И логика, и интуиция подсказывали, что еще сутки-двое, и я доберусь до Полозова, узнаю правду, освобожусь наконец от метки ренегата.

— Удачи, — пожелал Макс нам вслед.

Лунатик совсем вымотался, в воде мы до сих пор отчаянно нуждались, поэтому побрели в сторону гастронома, шиферная крыша которого и высокие стены из красного кирпича выпирали над кварталом двухэтажных оштукатуренных домов. Здесь местами заметны были следы перестрелок — в основном следы пуль на стенах, битые стекла, замусоренный и закопченный асфальт, но сквер перед гастрономом остался почти не тронутым. В нем росли огромные тополя и был устроен белый фонтан — самый настоящий белый фонтан, таких я не видел лет сто, только совершенно сухой, без воды. Возле фонтана чернело жирной сажой костровище, одну из пустых урн у крыльца перевернули, других следов чужого присутствия тут не оказалось, даже стекло в двери не разбили.

— Пошли, что ли, внутрь.

Дверь не поддавалась, я думал, ее заколотили давно, поэтому вынес прикладом то самое уцелевшее стекло, оно разлетелось, осколки рассыпались, а часть из них застряла в проеме и теперь торчала будто оскаленные клыки. Только после этого стало понятно, что дверь вовсе не была заколочена еще при СССР, а заперта изнутри, причем недавно.

— Смотри-ка, даже пыли нет... — протянул Лунатик, проведя рукой по задвижке.

Я сообразил с полуслова и после этого держал «Гадюку» наготове. Внутри магазин оказался пуст, темен и давно разграблен. Прилавки и холодильники, разбитые в хлам, для чего-то аккуратно сложили углу. Бетонный пол на каждый шаг отзывался гулким эхом.

— Тут кровь.

Кровь на бетоне местами кто-то пытался затереть, но вместо этого только размазал. Цепочка пятен уходила вниз по подвальной лестнице, во влажную темноту, наполненную запахом ржавого металла.

⁷ Дробовик.

— Есть тут кто-нибудь? Помощь нужна? — крикнул я предупредительно вниз, в черный и пустой проем.

Оттуда не ответили.

— Может, не надо соваться? — усомнился Лунатик. — Черт знает, кто там сидит, если, конечно, это вообще люди.

— Вода все равно нужна, у нас фляги пустые.

— Откуда здесь вода? Насосы отключили еще в восьмидесятых.

— Сейчас разберемся.

— Ты в такой воде «медузу» год замачивать будешь.

— А совсем без воды свалимся самое большее к вечеру.

Перед тем как спускаться, мы посветили вниз фонарем, на свет не стреляли, на другие подначки тоже не клонули. Я двигался первым и левее, Лунатик — правее и на несколько шагов позади. Из подвала повеяло сыростью, где-то и в самом деле капало то ли с потолка, то ли из прохудившейся трубы. Человек, если это был он, прятался неподалеку, у меня ненадолго возникла неприятная мысль насчет еще одного контролера. Луч фонаря гулял по стенам и по полу, не высвечивая ничего путевого — только серый бетон, ржавые потеки на нем, штабель сгнивших ящиков. В некоторых ящиках сохранились подернутые ржавчиной жестяные консервные банки, за тридцать лет они вздулись, но не лопнули.

— Вот такое я бы точно есть не стал, — сказал мне брезгливый Лунатик.

— Тебя никто есть и не приглашает... Тихо! Стой!

Неизвестное существо шевельнулось во тьме. Хотелось послать в ту сторону очередь — просто на всякий случай, но это мог оказаться кто-то из выживших наемников или даже раненый Полозов. Лунатик посветил фонарем, и мы увидели силуэт человека, скорчившегося на полу.

Раненый носил красно-черную броню «Долга» и зарытый шлем с очками, который почему-то не снял, правую руку ему прострелили, она болталась неподвижно, левой он прямо сейчас пытался поднять автомат СА «Лавина» и направить его на нас.

— Спокойно, брат, тут свои.

Я подошел вплотную и забрал ствол на всякий случай, потому что парень не успокаивался и все пытался тянуть автомат к себе.

— Еще выжившие есть?

Он опять не ответил.

— Ты меня узнаешь? Чего молчишь, плохо слышишь, что ли?

Этот чертов псих молчал и все пытался снова дотянуться до автомата, хотя едва ли смог бы из него стрелять. Возможно, он был ранен в голову или ослеп, наверняка провел в подвале гастронома трое или четверо суток, обложенный и бандитами, и «Монолитом» со всех сторон. Я осторожно снял с человека шлем. Лицо у него сильно отекло от контузии или от других причин, однако не узнать старого «товарища» я не мог.

— Привет, Ремезов...

— А остальные где? — почему-то настойчиво добивался Лунатик.

— Да отвяжись ты, сопляк, говорю же — нету больше остальных, — неизменно отвечал мой враг моему напарнику.

Теперь он сидел без шлема у стены, придерживая левой рукой правую, раненую. Я запустил уцелевший в подвале бензиновый генератор, используя трофейную Ремезовскую канистру горючего. Генератор приводил в движение насос, а насос качал воду. Откуда она бралась — не знаю, может, из глубокой скважины под городом, но точно не из канала, потому что «Велес» на нее не реагировал.

— Ты куда остальных дел? — снова настаивал Лунатик.

Ремезов ему больше не отвечал, он, задрав рукав комбинезона, пытался сам себе менять повязку, но при помощи моей же аптечки. Ни мне, ни Лунатику прикасаться к этому человеку не хотелось, да он и не просил.

— Очень хорошо, Морокин, что я тебя тогда не пристрелил, сейчас бы без медикаментов сидел, — сообщил Ремезов под конец.

Он мне так осточертел, что даже бить его не хотелось, а ликвидировать запрещали усвоенные в «Долге» правила.

— Шура погиб? — спросил я на всякий случай.

— Уже слышал?

— Да, доходили слухи.

— От кого узнал?

— Не тебе об этом спрашивать, ну так погиб он или нет?

— Почти сразу же, как здесь появился. Шурку снайпер снял возле дамбы. Мы в это время держали оборону севернее, но сообщение было от Волобуенко, а он не соврал бы.

— Сам Волобуенко жив?

— Нет.

— Врешь.

— Да не вру я, Морокин, у нас в Лиманске потери почти сто процентов. Если тебе очень интересно — убили Волобуенко, когда он с ранеными остался, а мы двинули вперед. «Свобода» с фланга обошла, тылы нам вынесли и расстреляли всех, раненых тоже. Хочешь поглядеть, что они нам оставили, — на вот, полюбуйся.

Здоровой рукой Ремезов пошарил во внутреннем кармане и бросил мне под ноги белый и плотный, почти квадратный листок бумаги, вырванный из дорогого блокнота, но сейчас сильно измятый. На нем даже логотип был — оскаленный зеленый волк. Чуть пониже волка аккуратным четким почерком, без попыток его изменить, но и без подписи, значилось:

За наших братьев, расстрелянных у туннеля

Я прочитал записку и швырнул ее в темноту. У туннеля в Рыжем лесу я спас Эксу и об этом совсем не жалел — Экса был сносным парнем и к гибели хирурга не имел отношения. Вместе с тем паршивое чувство тщетности уже накатывало: не нами разборка начата, не нами и прекратится, мы — их, они — нас, зуб выдирают за зуб, око вышибают за око, и так до тех пор, пока зараза Зоны всех окончательно не сожрет.

— Отомстили хоть «свободовцам»? — поинтересовался я у Ремезова.

— А как же! Мы — отомстили им, они — нам. Потом пришли ренегаты и отомстили всем: и нам, и им — за компанию. Потом пришел «Монолит», который хрени какой-то молится, и тоже долго мстил. Я к этому времени тут заперся, понадеялся, что в подвал не полезут.

— Не полезли?

— Да, повезло.

— Странно, что ты один только выжил. Удирал быстро или по другим причинам?

— Да пошел ты, Морокин... Думаешь, я предатель? А вот обломайся — нет. Наркозависимый — может быть, да и то в последнее время почти уже соскочил...

Он еще что-то говорил, доказывая и объясняя, может быть, даже не врал. Ремезова я от души ненавидел, но сейчас почему-то ему поверил. Он был зануда и подлец, но при этом мелковат. Я не забыл слова Эксы: «Все твои неприятности — личный привет от Бархана». Затравленный Ремезов и неубиваемый Бархан вместе не смотрелись, хоть расшибись.

— Ты ведь знал всегда, что я не крыса...

— Да что ты пристал ко мне, Морокин, с нравоучениями? Сначала Волобуенко, пока жив был, теперь ты — оба башку мне проели. А я обязан был знать? Хочешь оправдываться — к Крылову иди. У меня сейчас одна проблема — не сдохнуть. Между прочим, ты меня на базу не потащишь, да и вообще никто... Тут хоть рацию до дыр протри — ни одна нормальная рожа не появится.

— Крылов где сейчас?

— Не знаю, пошел к черту.

— Ребята где остались? Ты с ними связывался? Может, еще живые есть?

— Я же сказал — не знаю, иди на хрен, Морокин. Я что им — похоронная команда?

Ремезову врезать мне все же хотелось очень, но он даже этого не стоил...

...Вообще-то я был обязан подавить обиду, забыть о том, что случилось со мной на «Агропроме», и вернуться в «Долг» немедленно. Во мне нуждались там, потому что нуждались в каждом бойце. Возвращение разрубило бы все запутанные узлы разом и избавило меня от необходимости искать Полозова в городе. Сражайся наши в Лиманске до сих пор, пусть в меньшинстве и в окружении, я бы присоединился к ним, невзирая ни на что.

Но их уже не было. Не было ни Волобуенко, ни Шурки, ни многих других, а в таких случаях больше ничего не изменишь...

...Лунатик накачал ведро воды и теперь пытался фильтровать эту воду через марлю из перевязочного пакета.

— Меня от гона вот того мужика тошнит, — сказал он, махнув в сторону Ремезова через плечо. — Я, конечно, понимаю, Моро, у тебя братство «Долга», престиж организации и все такое, но, по-моему, перед нами трус. Так что ты как хочешь, а я сейчас на все коммуникаторы Зоны разошлю веером историю: где мы его встретили и как он один из всех замечательно уцелел.

— Погоди, подумать надо...

— Ты хочешь, ты и думай. А я нейтрал, тебе не подчиняюсь, да и подумал уже. Ему, значит, гнать можно. А мне правду про него сказать — нет?

Услышав про намерение Лунатика, Ремезов заматерился, впрочем, порча репутации его заботила меньше, чем перспектива брести в сторону моста в одиночку, под перекрестным огнем ренегатов и «Монолита».

— Я тебя, сопляк, прихвостень «свободовский», если выживу, при случае грохну, — пообещал он Лунатику.

— Ой, ой, какие вы страшные и большие...

— Ну ты сволочь, Моро, бросаешь, значит, меня? Я теперь, значит, уже и не товарищ по организации?

Я не отвечал. Мы с Лунатиком разлили воду по флягам и уцелевшим пластиковым бутылкам, я навьючил на себя все, что мог утащить, используя «грави». С Ремезовым прощаться не стал, счета сводить тоже не стал, но и помогать ему не собирался. С ранением в руку этот человек имел шансы самостоятельно уйти через мост и добраться до форпоста нейтралов по ту сторону канала.

— Надо бы остальных наших поискать...

— Ладно... — до странности безразлично ответил Лунатик, когда мы уже выбрались из подвала.

Я решил проверить окрестные дома, и это оказалось не сложно — в заколоченные квартиры соваться все равно смысла не было. Однако кое-где двери еще до нас выбили и сорвали с петель. Внутри сохранились не нужные мародерам вещи — ванны, раковины, кровати с металлическими сетками, пустые стеллажи, попало даже треснувшее, но почти целое фортепиано.

Лунатик попробовал на нем поиграть, звук получился невнятный, вроде глухих шлепков.

— Струны ржавые.

— Ты тут что-нибудь можешь припомнить?

— Почти ничего, маленький тогда был.

— Это не твой дом?

— Нет.

Я запнулся о старый огнетушитель. Его кто-то сорвал со стены, да так и бросил. Судя по странному сочетанию разрухи и беспорядка, в восемьдесят шестом году люди пытались отсюда бежать, только едва ли они ушли тогда далеко. Стены дома немного «фонили», и мы поспешили убраться наружу.

— Смотри, вот так это было...

Железный приземистый одноместный гараж во дворе стоял распахантым. Машина, старая «волга» синего цвета, застряла внутри. Скорее всего водитель ее погиб в восемьдесят шестом, даже не успев завести мотор. Лунатик дотронулся до ржавых качелей на игровой площадке, они скрипнули и едва качнулись.

— Мертво все, бесполезно. И артефактов, похоже, нет.

Репутация Лиманска как месторождения артефактов рухнула окончательно, но я-то сюда шел не за хабаром. Если кто-то из «Долга» выжил, они могли находиться севернее, в более «новой» части города, выстроенной перед самой аварией на ЧАЭС. Туда мы попали, пройдя через еще один городской мост. Это был вполне целый желтый мост, аккуратно оштукатуренный для красоты и очень короткий. «Грязный» ручей тек под ним на запад и там, за отдаленными от нас кварталами Лиманска, скрытыми октябрьской дымкой, неизбежно впадал в еще более «грязный» канал. «Велес» стрекотал не переставая. Возле моста имелось несколько огневых точек, устроенных за грудой контейнеров, но уже покинутых.

— Смотри, тут «Чистое небо» пыталось держать оборону.

Лунатик показал мне эмблему, сорванную с чужого рукава, возможно, осколком. На ней были изображены два белых гуся-лебедя, которые вспархивали в ярко-синий зенит.

— Ты хоть представляешь, что им нужно? Зачем в самый центр Зоны лезут?

— Не знаю, — сказал Лунатик.

Я, в сущности, тоже не до конца это понимал. Записки Харта отвечали только на общие вопросы. Люди Лебедева, помимо прочих странностей, обычно носили бело-голубой камуфляж, который их больше демаскировал, чем прятал.

— Если они туда попадут, все внезапно может перемениться, — добавил Лунатик после некоторых размышлений.

— Что именно?

— Вообще все. Так что, если мы хотим доделать свои дела, надо бы поторапливаться.

Эти соображения странным образом совпадали с появившимся у меня нехорошим чувством близкой опасности. Эта опасность исходила не от человека, даже не от нелюдя вроде Бархана, а объяснялась общим положением вещей, ход событий утратил логику или его логика сделалась непонятной.

— Если мужики из «Неба» все-таки попадут в центр Зоны, может *рвануть*, — нехотя пояснил Лунатик.

— Откуда ты это знаешь?

— Остатки воспоминаний, — ответил он уклончиво и улыбнулся довольно криво.

Кто знает, откуда у него набрались такие воспоминания?

— «Небу» туда идти не по прямой, да еще застрянут в перестрелках, — добавил мой напарник. — Сутки или двое, может, есть, так что успеем.

Я опять не спросил, откуда он знает про длительность переходов, мне было все равно.

Сразу за желтым мостом начинался пустырь, за ним — дома-брежневки, сооруженные в начале восьмидесятых. Между домами и мостом на пустыре в полном одиночестве прямо сейчас бродил сталкер. Именно он меня и отвлек, потому что оказался зомби, отбившимся от основных сил «Монолита». Мутировал парень совсем недавно, потому что экипирован был как член «Свободы» высокого ранга и не успел приобрести того налета неряшливости, который в той или иной мере отличает всех зомбированных. Он даже защитные очки пока не потерял. Ненормальное состояние выдавала специфическая походка вразвалку и бессмысленное кружение на одном месте. Нас зомби пока не видел, поэтому не стрелял.

— Спрячься, — приказал я Лунатику.

Как раз в это время зомби заметил нас и тут же открыл огонь, я едва успел залечь за ящиками. Стрелял этот парень очень хорошо, подчиняясь общему для таких мутантов инстинкту атаковать всех не зомбированных. И все же, несмотря на меткость, он не пытался скрыться, вообще не пытался хоть как-то защитить себя, а вместо этого оставался на открытом пространстве, поэтому вскоре упал, получив несколько пуль.

Я подошел вплотную и снял с него очки.

— Харт...

Перед нами действительно был Харт, пропавший вместе со всеми своими бойцами несколько дней назад. Он не особенно изменился, только глаза стали бессмысленными, и лицо утратило какое бы то ни было выражение, кроме, может быть, остаточного упрямства.

Он шевелился и почему-то не пытался притвориться мертвым, наверное, он бы регенерировал через несколько минут и пошел по нашему следу, как зомби обычно и делают.

— Добить его?

Лунатик молча кивнул. В нормальном состоянии Харт мог ответить на многие интересные вопросы, но вернуть ему нормальное состояние я уже не мог. Он и сейчас что-то пытался говорить, но слова складывались в бессмыслицу, ненадолго мне даже показалось, будто зомби меня узнал, но осмысленное выражение на его лице быстро угасло.

— Очень жаль.

«Чейзер» у меня отобрали еще бандиты Факира, поэтому я несколько раз выстрелил этому бедолаге в голову из «Гадюки». После этого Харт больше не шевелился, но у меня осталось ощущение только что совершенного убийства.

— Не дергайся, Моро, его было не спасти, — еще раз напомнил Лунатик.

— Думаешь, «Монолит» поработал?

Мой напарник только кивнул и добавил:

— Все нормально. Он «Монолит» терпеть не мог, так что тебя бы одобрил.

Это было действительно так, но вместе с Хартom погибали сведения, которые он собрал, но не успел записать в свой электронный дневник...

— Пошли отсюда...

Мы перебрались через пустырь, ближний дом стоял пустым, но в нем обнаружилась уничтоженная пулеметная точка. Входы-выходы первого этажа оказались забаррикадированы изнутри, а на второй этаж мы попали по внешней лестнице. В дальнем конце здания в полу зиял пролом, через этот пролом мы спустились вниз, и тут, в полузасыпанной рухнувшим межэтажным перекрытием квартире, я нашел Рудого.

Он провел там трое суток и был без сознания, но еще жив, хотя до нашего прихода продержался чудом.

— Отправляй SOS, — сказал я Лунатику.

— Может, не надо? Тут нет никого, кроме «Монолита»... Они могут прийти.

— Надо.

— Мертвые тут все... Нету никого.

— Все равно кто-нибудь есть.

— А если из «Свободы»?

— Ничего, позже разберемся. Мне вторая аптечка нужна, этой не хватит.

Он боялся посылать сигнал по рации, и тогда я сделал это сам, не оставляя Лунатику выбора. Вытащить Рудого из здания оказалось трудно даже вдвоем, мы справились кое-как и положили его на террасе перед лестницей, прикрыв спальником. Через полчаса, когда, казалось, и надежды не было никакой, на сигнал явились трое наемников-нейтралов, а с ними Мургол, сталкер с базы Ореста на «Агропроме».

— А, это ты, Моро... привет.

Он вроде бы не удивился, встретив меня, и не упомянул про историю с крысой, будто бы считая ее незначительной.

— Откуда идете?

— С севера ноги уносим.

Все четверо возвращались после неудачной попытки прорваться за Лиманск и дальше, через военный армейский госпиталь к центру Зоны. Аптечку у них я тут же выменял на патроны. Пока Лунатик тратил аптечку и помогал Рудому, наемники дремали у стены, измученные, безразличные ко всему.

Мургол тоже был хмур, но не спал и следил за пустырем. По его словам, дальше в сторону ЧАЭС уже сейчас происходили странности, Лиманск перегораживала цепочка

пространственных аномалий «пузырь», а возле самого заброшенного госпиталя неладное творилось то ли с картой, то ли с самим пространством.

— Идешь на юг, а попадаешь на север, разворачиваешься на север — попадаешь на юг, — сухо пояснил Мургол.

По его словам, изменение направления было чем-то большим, чем простые фокусы со стрелкой компаса, а сам госпиталь кишел боевиками «Монолита».

— Их там до сотни, откуда столько набралось — черт их знает.

Лунатик, закончив возиться с Рудым, пытался почистить окровавленные руки, не тратя при этом воду. Для этого он нагреб в горсти песка и без конца пропускал его между пальцами.

— Ты бы, парень, не трогал тут грунт, — посоветовал Мургол. — Мало ли что.

— Полозова видел? — спросил я на всякий случай.

— Слышал его позывные вроде бы, — равнодушно отозвался сталкер. — Мы с ним дела не делаем, Полоз мужик мутный. Рудого, конечно, заберем, но вам двоим на север соваться не советую, оприходуют. «Чистое небо», похоже, почти все спеклось.

Он был прав, но я не хотел отступать, не попробовав. Наемники, очнувшись после короткой отключки, зашевелились. Они были здоровые, угрюмые мужики, ко всему привычные, все в засохшей грязи, броня будто покрылась тонким сероватым налетом. Нас, незомбированных, оставалась в Лиманске кучка, и даже оставшимся предстояло разойтись в разные стороны.

— Аккуратно там двигайтесь, — посоветовал напоследок Мургол. — По краешку.

...Я очень скоро понял, что он имел в виду, едва очутился в ближнем переулке. Пять или шесть «пузырей» зависли здесь низко над землей, напрочь перегораживая проход.

— Не ходи туда, Моро...

Лунатик стоял, как обычно, очень бледный, но при этом, несмотря на октябрьский поздний совсем не жаркий день, виски у него были мокрые, а волосы слиплись.

— Трусись, что ли?

— Не прикалывайся. Ты хоть знаешь, куда они заведут?

Куда заведут пузыри-«телепорты», я, конечно, не знал. Я и не собирался в них лезть, предполагая обойти эту аномалию по краю. Однако мерцающие края телепортов почти касались стен.

— Мургол и остальные ведь как-то прошли...

— Они тут были час назад. Пузыри двигаются, разве ты не видишь?

Движения я не замечал, но вместо этого видел ненормально сильное дрожание, как будто очертания аномалий подавались под напором сильного ветра.

— Не надо туда соваться, давай вернемся...

— Ты же сам лез в Лиманск.

Я пытался его раздражить и подначить, но уже понимал — Лунатик дальше не пойдет. Мы поставили на карту все и исчерпали возможности, так ничего и не добившись.

— Моро, времени мало, до Полозова тебе не добраться... Ты чего тупишь? Ты вообще меня слышишь?

Я, не обращая внимания на его уговоры, в бинокль рассматривал дальний, недостижимый для нас конец переулка. Там лежали убитые бойцы — человек десять, в экипировке как «Долга», так и «Свободы». Непонятно было, погибли ли они в бою друг с другом, или стали жертвами снайперов «Монолита».

Проход на север в этом месте закрылся. Мы опоздали.

— Да слышу, слышу... — ответил я Лунатику, — ты прав, пошли назад.

Глава 21. Враг

Час спустя. Зона, Лиманск.

Обратно мы двинулись в обход отрядов «Монолита», сразу за пустырем вдоль русла ручья, и уперлись в ограду из колючей проволоки, помеченную знаком «радиоактивная опасность». Знак был старый. «Велес» на грунт по ту сторону ограды реагировал не больше, чем на все лиманские территории, а проволоку легко перерезать.

День клонился к вечеру, в южной стороне стреляли, там остатки ренегатских банд отчаянно сопротивлялись организованным атакам «Монолита». Шансов выбраться из Лиманска до наступления ночи оставалось слишком мало, предстояло выбирать место для укрытия, мы уходили все дальше на запад, пытаясь обогнуть район боев и углубляясь в переплетение улиц.

Я сильно устал, но дело было не в этом — угнетала бессмыслица происходящего и общий, глобальный проигрыш. «Зараза Зоны» посмеялась надо мной в очередной раз — на этот раз без вмешательства мутантов и прочих одушевленных врагов.

— Надо было попробовать пройти.

— Нет, — упрямо ответил мне Лунатик. — Тебя бы от «пузырей» в лучшем случае бросило на исходную точку, в худшем — еще куда-нибудь.

В общем и целом он был прав. «Пузыри», пока их не испробуешь, непредсказуемы, к тому же я никогда до сих пор не видел цепочки из пяти «телепортов» подряд. Тем не менее настроение у меня упало ниже плинтуса, выбирать путь я теперь предоставил Лунатику и шел за ним, не запоминая дороги.

Западная часть Лиманска пострадала сильнее восточной. Руины вместо целых домов попадались тут гораздо чаще. От некоторых строений осталась только груда кирпича и штукатурки, другие, наоборот, уцелели, и даже краска не облезла. На последствия взрыва ЧАЭС это не походило, скорее уж причиной оказался супервыброс в две тысячи шестом. Временами моросил октябрьский дождь. Дождь поливал руины, стирая с них старую пыль и новую гарь, мочил снарягу и рюкзаки, сносил в канавы радиоактивный песок.

— Вот тут вроде почти не «светится», — сообщил мне Лунатик, зачем-то сверяясь с картой.

Дом нависал над окружающими руинами, балконы, стекла верхних этажей, козырек подъезда, лепнина в виде круглых розеток — все это уцелело полностью. Окна на первом этаже оказались замурованными силикатным кирпичом. Мне это сразу не понравилось — кто его знает, что там находилось в наглухо изолированных комнатах.

— А что там может быть? — настойчиво возражал Лунатик. — Людей прибрали давно, да и какой от мертвых вред? Здесь хотя бы дозы не нахватаемся, между прочим, у нас антирад тоже на исходе.

Чтобы не оставлять на улице следов в виде разбитых стекол, я сорвал плохо заколоченную дверь со стороны двора. Квартиры на первом этаже мы трогать не стали, а на втором выбрали самую «чистую» по индикатору.

Она была не только «чистой», но и совершенно пустой — с высокими потолками и скрипучим деревянным полом. Из мебели в этой квартире уцелели тяжелые книжные шкафы, но совершенно без книг, от которых не осталось даже клочка. Съев остатки консервов, я провел около часа, лежа на расстеленном спальнике, ни о чем не думая и рассматривая потолок с лепной розеткой в центре. На исходе этого бессмысленного вечера мне вдруг удалось увидеть еще одну легенду Зоны. Все началось с того, что Лунатик жестами подозвал меня к окну. Я подобрался и осторожно выглянул. Черда фигури в черных плащах шла по уже чуть темнеющей к ночи улице. Плащи на них были очень рваные, капюшоны спускались на лоб. Только один из чужаков носил капюшон откинутым на плечи, именно он замедлил шаг и повернул в нашу сторону почти черное лицо с выжженными, пустыми глазами.

— Тихо, — шепнул мне Лунатик. — Не стреляй, не дергайся, не шевелись. Не зли его. Он видит.

Я убрал ствол. Безглазый, как и его товарищи, был темным сталкером — одним из людей, переживших супервыброс в его эпицентре. Они считались больше легендой, чем еще

одним кланом, славились странными привычками, нечеловеческими возможностями, нежеланием идти на контакт, а в случае конфликта — крайней жестокостью. Натыкался на них, впрочем, мало кто, а кто натыкался — не любил рассказывать.

Безглазый постоял, обратив ко мне изуродованное лицо, потом мягко повернулся и зашагал прочь, за ним — вся безмолвная цепочка темных фигур в развевающихся балахонах.

— «Монолит» пошли ночью проредить, — объяснил мне Лунатик. — Не знаю почему, но у них вражда. Темных Зона покалечила, но она же им и помогает, так что кому-то сегодня не поздоровится.

— Темные — люди?

— Сложно сказать. Но только не зомби. Зона для них — все.

...Спал я плохо — лезли кошмары. Дождь перестал, луна осветила улицы мертвого города, из которого утром нам предстояло выбираться. Старое здание потрескивало, как будто кто-то тяжелый бродил по нижним этажам. Из неопределенных скрипов и шорохов вдруг сложились более-менее ясные, хоть и приглушенные шаги.

Я растолкал Лунатика и сделал ему знак молчать. Мне почему-то показалось, что темные сталкеры вернулись, решив наказать нас за суетное обращение с их Зоной, однако шаги принадлежали одному человеку, а не нескольким.

— Бархан, — прошептал Лунатик с обреченным видом. — Нашел-таки.

— Как?!

— По вчерашним радиопереговорам. Я же говорил тебе... Теперь все — или мы его, или он нас.

Мой напарник сидел у стены, он убрался в сторону от квадрата лунного света на стене и быстро, но вместе с тем четко, экономя каждое движение, готовил оружие. Я занялся тем же самым и потратил на это совсем немного времени.

— На лестничную площадку...

Внизу раздался треск выломанной двери, сменившийся мутной тишиной.

— Первый этаж проверяет, — шепнул мне Лунатик почти беззвучно.

Бархана следовало уничтожить быстро и до того, как он за нас примется всерьез, но я не знал, как. Тут пригодился бы гранатомет, только вот гранатомета у нас не было.

— Сумеешь вклепить ему несколько пуль точно в голову?

— Да.

— Это его остановит?

— Не знаю.

«Чейзера» я лишился у ренегатов, была только «Гадюка». Зигзаг лестницы мешал целиться издали, Бархан орудовал на первом этаже, а потом двинулся к нам, держась ближе к стене и подальше от пролета. Он совершенно не торопился, может быть, в этом имелся определенный расчет — помучить нас ожиданием. Однако я так устал за последние дни, что на такие тонкости мне было плевать.

— В голову, — предупредил я Лунатика.

Наверное, от нескольких пуль, попавших в мозг, он бы точно умер, но Бархан решил, что давать противнику такую возможность — совершенно лишнее, поэтому что забросил нам гранату, а сам укрылся на первом этаже. Граната эта была гораздо сильнее бандитских, и упала она в паре метров от меня. Пытаться дотянуться и сбросить ее обратно мы не стали, а шарахнулись назад в квартиру, осколки веером хлестнули по стенам, высадили стекло в подъезде, изрешетили косяки. Я отключился на несколько секунд, а когда сознание прояснилось, обнаружил, что не понимаю, где верх, где низ, голова кружилась, подступала вязкая тошнота.

Лунатик дергал меня и кричал, но я его не слышал, будто уши заткнули ватой.

Чуть позже я понял, что Лунатик тоже меня не слышит.

Все вместе это продолжалось очень недолго, но Бархан мог уже ломиться по лестнице вверх. «Гадюку» у меня в очередной раз заклинило, к тому же на прицельный огонь я все

равно был не способен. Мой напарник куда-то меня тащил, и я то ли брел, то ли бежал за ним, но и это продолжалось недолго.

Мы ввалились в комнату.

— ...ри... ой...

«Двери закрыем», — хотел он сказать. Дверь в этом старосоветском доме была крепкая, я завалил ее изнутри всеми шкафами, которые мы сумели сдвинуть и повалить. Это усилие сразу после контузии вызвало такой острый приступ тошноты, что я рухнул на пол, на тот самый спальник под той самой лепной розеткой на потолке, которую рассматривал несколько часов назад. Слух, как ни странно, возвращался довольно быстро.

— Ты как? — спросил через минуту Лунатик, и я его понял, хоть и с трудом.

Он сам, кажется, пострадал гораздо меньше.

— Я щель под дверью тоже заткнул, а то Бархан нам еще одну гранату закатит, — добавил Лунатик, не дождавшись ответа.

— Где он? — спросил я, проглотив комок в горле.

— Где-то в доме. Его, наверное, тоже слегка задело.

— Окно закрой, быстро.

Лунатик все понял, я встал и помог ему придвинуть к оконному проему еще один дубовый шкаф. Противник мог легко обойти нас с улицы и еще несколько гранат отправить прямо в окна квартиры.

Все эти меры были только отсрочкой, причем короткой, сидя в забаррикадированной комнате, мы безнадежно упускали инициативу. Я попытался исправить заклинившую «Гадюку», но механизм намертво перекосило.

— Потом возьмешь АКМ, — предложил Лунатик. — У меня все равно винтовка есть.

— Давай.

Нужно было действовать, но тошнота мешала мне сосредоточиться. В щель окна я видел «электру», расположившуюся прямо под линией электропередач. «Электра» была длинная и лениво посверкивала в подступившей темноте, это синее сверкание сильно меня доставало. Бархана не было видно, тем не менее он никуда не делся, а продолжал на нас охотиться.

— Надо его под выстрел выманить, — тихо сказал Лунатик.

— Как?

— На живца. Все очень просто. Смотри... Ствол из-за спины Бархан не вынимал и по нам не стрелял с самого начала. Почему? Он тут давно и все патроны мог уже потратить. У него остались гранаты и, наверное, нож. Нужно попасть в такое место, где гранаты бесполезны.

— Где?

— На крыше. Там очень крутые скаты, граната не удержится. Кидать так, чтобы на лету или в воздухе взорвалась. Бархан не станет — самому по полной попадет. На крышу ему придется лезть и заканчивать дело руками.

— А он полезет?

— Да. Если он будет уверен, что не попадет под снайперский выстрел, — полезет. Вот и надо его в этом убедить...

— Ты что, Лунатик, — травы накурился?

— Не накурился... Смотри, он же не знает, кто из нас жив, а кто нет...

Я слышал его и все понимал, и это был шанс, но шанс с оттенком сумасшествия, хотя выбирать мы не могли, поскольку (я в этом больше не сомневался) имели дело не с человеком.

— Только не пробуй с ним по-настоящему махать, — предупредил меня Лунатик. — Не справишься. Просто потяни время, продержи его подольше на виду...

Следующие полчаса я потратил, разбирая и пробивая перекрытие между потолком нашей комнаты и чердаком. К счастью, как во многих очень старых домах, было оно не толстым, бетонным, а тонким, из штукатурки и досок. В образовавшийся квадратный лаз я

разглядел чердачное пространство, серый шифер крыши, местами в дырках, короткую лестницу к проему слухового окна... На чердаке было пусто, по всей вероятности, до сих пор Бархана он не интересовал.

— Давай!

Лунатик ловко будто кошка выскользнул на крышу и тут же распластался, чтобы не торчать там черным силуэтом. Скат крыши и в самом деле оказался очень крутым, стоять на нем можно было только в районе конька, однако Лунатик стоять и не пытался, он закрепил веревку за основание толстой антенны, перекатился к краю крыши и, перебирая по этой веревке руками, быстро сполз вниз. Чтобы сделать такой спуск возможным, я сунул парню под комбез «грави», так что весил он в этот момент всего ничего даже вместе с винтовкой.

Оказавшись на земле, мой напарник будто растворился — я не понял, куда он успел спрятаться. Наступала моя очередь. Для начала я выждал, присматриваясь и прислушиваясь. Кукла, изготовленная нами из шлема, спальника и кусков брезента, лежала наготове возле слухового окна. Была она только очень приблизительным подобием раненого некрупного человека, укутанного в тряпки, но лучшего варианта не было и не требовалось.

Чужая отдаленная стрельба к полуночи утихла. Дом опять поскрипывал. Не знаю почему, едва ли это движение мог вызвать Бархан. Возможно, это было неясное влияние Зоны или просто общее свойство очень старых зданий, переживших выбросы и катастрофы. Луна вроде бы сместилась и светила прямо в слуховое окно. Сломанную «Гадюку» я повесил через плечо, потом взвалил на себя куклу и с трудом выбрался на крышу.

Весил я больше, чем Лунатик, и «грави» не носил, поэтому шифер немедленно загремел и затрещал у меня под ботинками. Я даже ненадолго испугался проломить обветшалую кровлю и рухнуть вместе со всем хозяйством обратно на чердак, но, по счастью, этого не произошло. Побродив по освещенной луной крыше туда-сюда, как бы в поисках спуска, я опустил «раненого» на шифер и, придерживая его (кукла тут же заскользила вниз), попробовал напоказ перезарядить сломанную «Гадюку».

«Гадюка», конечно, не перезарядилась, тогда я бросил ее валяться (точнее, скользить к самому краю крыши), поднял куклу и побрел с нею к железной пожарной лестнице. Эта лестница, укрепленная на фасаде крючьями, сильно проржавела и едва ли выдержала бы меня. Впрочем, действительно пользоваться ею я не собирался, вместо этого остановился «в задумчивости», кое-как балансируя на краю.

Слуховое окно оставалось пустым, со стороны чердака никто не появлялся, я не знал, что теперь делать, и продолжал торчать на краю крыши темным силуэтом. Лунатика я не видел. Я не мог заметить его огневую позицию, не мог даже предположить, куда парень мог спрятаться, но точно не в один из окрестных домов — крыши у них отлично просматривались, а окна стояли наглухо заложенными или заколоченными.

Если Бархану нужны были еще причины для нападения, то я не знаю — какие. Однако он никак себя не проявлял, на мгновение даже возникла шальная мысль, что мой упорный и последовательный враг попросту потерял терпение и ушел.

Однако Бархан всегда оставался самим собой: он появился там, где я его не ждал, — влез с балкона второго этажа прямо на крышу, используя, видимо, для рывка свойства надетого на нем экзоскелета.

Он был такой же, как в прошлый раз, как и в позапрошлый, — здоровая фигура в броне со шлемом. Ствола в руках у Бархана не было, видимо, идея насчет закончившихся патронов полностью соответствовала реальности...

Если оставаться честным, я был не против немного поговорить с Барханом прямо сейчас. Просто так, из любопытства. Даже солгав или затеяв ругань, он мог выложить немало интересного, да и разговор — лучший способ потянуть время.

Однако Бархан всегда был мужик серьезный, делал дело по обстоятельствам, а на мое мнение плевать он хотел. Поэтому он напал без предупреждения, метнув в мою сторону нож,

уклонившись от которого я едва не загремел вниз с крыши. Куклу я при этом выпустил, и она, нелепо перекрутившись в полете, рухнула вниз в тополевыи сквер.

Изображать «горе» по поводу гибели манекена я не стал, если даже Бархан заметил обман, отступить он уже не собирался, вместо этого, вытащив запасной нож, двинулся на меня с намерением вступить в ближний бой, чего в мои планы не входило.

Именно поэтому, извернувшись, я побежал вверх, до самого конька крыши, на котором, как мне тогда казалось, вероятность рухнуть вниз оставалась поменьше. Бархан двигался вслед за мной крупными прыжками. Несмотря на свой вес и рост, он отлично удерживал равновесие. Я вытащил нож, но пробить им броню противника в такой невыгодной позиции не стоило и пытаться.

Однако я как мог мешал ему зарезать меня, в основном уклоняясь и отмахиваясь. Ранение в запястье он получить все же не собирался, поэтому напирал постепенно, резонно полагая, что деваться мне некуда.

Через плечо Бархана я видел, что Лунатика нигде нет. Он не вмешивался. Ему некуда было деваться и негде спрятаться, мой напарник будто растворился в ночи. Я сам теперь отступал к торцу крыши и уже испытывал сильную тревогу. «Электра» вдалеке потрескивала и бросала синеватые отблески на всю эту нелепую сцену.

— Слушай, мужик, ну что ты ко мне пристал, — сказал я Бархану просто так, но только зря сбил дыхание, потому что он немедленно ответил атакой.

Лунатик не вмешивался.

Я стоял на краю крыши, отступить было некуда, бежать некуда.

Бархан мог меня зарезать, но, видимо, решил соблюсти некоторое равновесие, поэтому, пнув меня в живот, сбросил с крыши спиной вниз. Он мог бы и гранату бросить вслед, но не успел.

Уже почти падая на грудy битых кирпичей, я видел, как шлем Бархана треснул под ударом пули. Сам же я пробил спиной переплетение тополевыи ветвей, пролетел расстояние до земли и, рухнув на кучу битого кирпича, успел увидеть, как шлем противника раскололся от повторного выстрела.

Только после этого Бархан, качнувшись, упал за мною вслед.

Противник упал на те же кирпичи, на которые свалился я, и почти рядом, но с одной столько разницей — у меня-то в контейнере комбеза находилась «пружина». Я хоть и ушибся, но не опасно, Бархана же падение (вместе с двумя точными попаданиями в голову) почти убило.

Теперь я сидел рядом с ним ошеломленный. Не столько свершившейся победой, сколько той сценой, которую видел краем глаза, в тот самый миг, когда почти уже падал спиной вперед.

Я ясно и отчетливо увидел, где на самом деле находилась позиция Лунатика. Он вообще не прятался. Он стоял, невидимый по другую сторону «электры», и перед самым выстрелом просто и без колебаний шагнул прямо сквозь нее.

— Он еще жив, — сказал я Лунатику, когда тот подошел вплотную, держа винтовку наготове. — Может, поговорить хочешь?

— Не хочу.

— А я не против. От него много можно узнать — в том числе ради чего он за мной столько гонялся.

Бархан действительно еще жил, по крайней мере ребра под броней немного приподнимались при каждом вздохе. Я снял с него пробитый шлем, чтобы увидеть лицо, и увидел его...

Лицо у Бархана было самое обыкновенное, как у человека лет тридцати пяти, правильное, с небольшим белым шрамом у переносицы. По такой физиономии никто бы не догадался, что имеет дело с одним из самых опасных киллеров Зоны.

— Ты меня слышишь?

Он разлепил веки и посмотрел как-то тускло и равнодушно.

— Кто тебя нанял?

Он опять не ответил.

— Крылов об этом знал?

И тут Бархан ухмыльнулся, да так, что меня насквозь пробрало. Даже проиграв подчистую и умирая, он издевался над нами, как хотел, но при этом смотрел через мое плечо в сторону Лунатика.

Он и «оприходовался» точно так же — с иронической ухмылкой и глядя мне через плечо. Когда я и сам оглянулся, Лунатик стоял какой-то тусклый и подавленный. В вещах мертвого Бархана не нашлось ни писем, ни фото, только совершенно пустой коммуникатор со стертыми данными и две неиспользованные гранаты Ф-1.

Я вернулся в наглухо заваленную комнату и забрал остатки наших вещей, патроны и АКМ. Для этого пришлось пробираться бывшим путем Бархана — влезть на крышу через балкон, только у меня не было Бархановского экзоскелета. Потом я спустился через чердак в пробитую нами же дыру в перекрытии.

— Можно было и здесь заночевать, надежное место, — сказал я, когда вернулся.

— Не хочу, — твердо и резко сказал Лунатик.

Он так и не надел шлем, вместо этого стоял, подставляя лицо ночному ветру, а ветер Зоны редко приносит что-то путевое.

— Ну, не хочешь — как хочешь, пошли.

Мы брели через ночь, мимо разрушенных домов, сломанных деревьев, смятых телефонных будок и расстрелянных статуй.

Потом, разложив костер, сидели на ступенях крыльца в чужом и давно брошенном дворе, возле заколоченной двери.

Я вспоминал события и пытался выстроить из них цепочку. Молчание Бархана и рассказ Эксы порознь мало что значили, но вместе — подтверждали именно то, что сказал «свободовец». Бархан каким-то образом стал причиной моих проблем. Что дальше делать, я не знал. Перед глазами до сих пор стоял Лунатик, без вреда для себя идущий через «Электру». Проще всего было списать это свойство на использование «вспышки» или «бенгальского огня», но таких артефактов не было ни у меня, ни в вещах напарника. Он прошел через аномалию, потому что так захотел, вот и все.

Лунатик тем временем уже заснул, я не будил его ради расспросов, думал, расспросы подождут до утра. После уничтожения Бархана эйфория безопасности и победы наступила сама собой, это было короткое, но замечательное состояние. Черт с ней, с историей о крысе на «Агропроме», подумал я. После боев за Лиманск все изменится. Теперь все видели, кто есть кто, все проверено кровью. Или я вернусь в организацию, или уйду на Большую землю — в любом случае жалеть не буду. Адреналина мне теперь хватит надолго, памяти о войне группировок — тоже.

...Отрезвление наступило следующим утром. Октябрьский мутный рассвет вставал над Лиманском. Бои с «Монолитом» возобновились в юго-восточной стороне. Я рассматривал карту, соображая, где могут находиться те самые «артефакты Лиманска», которые все эти недели не давали Лунатику покоя.

— Как ты через «электру» вчера прошел? — спросил я как бы между прочим.

Он заметно смутился.

— Ты видел?

— Да, видел. И что?

— Так, ничего...

— Зачем раньше скрывал?

— В смысле?

— Лунатик, ты не тупи. Я тебя спрашиваю — как ты через аномалии ходишь?

Я понимал, что мой напарник расстроен, нервничает и многое скрывает, меня это только злило, наверное, проявила себя запредельная усталость. Мы рисковали прошлой

ночью, я взял на себя роль «наживки» для Бархана и доверял Лунатику полностью, он же не хотел объясняться по поводу того, что явно уходило за пределы нормы даже для Зоны.

— Ладно, будем считать, что у тебя пара неучтенных «вспышек» в кармане. За другими артефактами куда пойдем? Дальше в западную сторону?

— Нам не туда.

— Как не туда?

— Ты же сам видишь, нет тут никаких особенных артефактов, — грустно сказал Лунатик. — Столько же, сколько везде, может, даже меньше. Просто город. Пустой город.

— Тогда на кой хрен ты меня сюда вел?! — сорвавшись, заорал я в ответ.

...Я уже сказал — мы устали как собаки, были такие же грязные и голодные, за последние сутки в меня стреляли сотни раз. До этого я ради дела терпел «переговоры» с Факиром и едва не был им же убит, видел разгром «Долга» в Лиманске и безумных «монолитовцев» на улицах, я потратил все, что у меня было, и не нашел ничего взамен. Даже Полозова я до сих пор не разыскал и начинал всерьез подумывать, не был ли этот сталкер порождением еще одной галлюцинации. Хабар, собранный в Лиманске, не мог мне заменить ни бросивших меня или расстрелянных друзей, ни перековерканную жизнь, ни умершую Ингу. Однако то, что сказал Лунатик, истощало мое терпение до конца. Не из-за хабара, а потому, что подрывало остатки доверия.

— На кой хрен ты мне врал?! Зачем просил сюда вести?

Я хотел схватить его за воротник и как следует потрянуть, но не мог — Лунатик носил броню, а ее не очень-то ухватишь. Я попытался потрянуть его за плечи, но он решительно вывернулся.

— Погоди, Моро, погоди... сейчас я объясню, можно многое прояснить... Да не надо меня бить, пожалуйста, понимаешь, это не потому, что я боюсь, просто оно ни к чему не приведет...

Глава 22. Лунатик

Октябрь 2011 года, Зона, Лиманск.

— Надо было сразу сказать тебе правду, — говорил он, — но так получилось, Моро, извини, что я не смог. Ты только не думай, что не хотел. Я очень хотел, но ты или не слушал, или обстоятельства вмешивались. Потом, понимаешь, некоторые вещи обдумывать нелегко. Я ведь спрашивал тебя, можно ли вылечить зомби?

— Ну, помню.

— Ты еще ответил, что восстановить мозг не удастся.

— Было, да.

— Я про себя тогда спрашивал. Ну так ты будешь теперь слушать или нет?

— Валяй, — устало согласился я. — Ври. Но раз уж врешь, то ври как следует, чтобы дурак вроде меня поверил.

Он никак не ответил на выпад, только заговорил быстро-быстро, будто опасаясь, что я прерву.

— Я уже говорил тебе, что до аварии жил в Лиманске, и это правда. Что было после аварии, помню плохо, слишком много лет прошло. Но прорыв ноосферы пять лет назад — совсем другое дело. День, когда испарились облака... Я его запомнил, потому что после него все изменилось. Потом опять провал. Я сам в каких-то коридорах — где это было, когда? Стал сталкером — да. Что-то делал — помню. До этого сплошная каша. События до прорыва — будто отрезало... Изю всей своей жизни могу описать только три последних года. Моро, ты понимаешь, что такое только три года? Это Зона, Зона, кругом только она. Я себе Большую землю почти не представляю. Могу проходить через аномалии, там, где другие гибнут, а почему — непонятно. Хочу бросить все это и уехать — не могу.

— Когда ты понял, что сквозь аномалии проходишь?

— Когда меня на «электре» отморозки пытались сжечь, — непривычно жестко усмехнулся Лунатик. — Кинули и смотрели, я сначала корчился, но потом понял, что это от страха, а сама «электра» достает чуть-чуть, так, легкий холодок по коже. Тогда я встал и пошел. А они повернулись и побежали. И бежали долго...

— А отомстить не пробовал?

— Нет, а зачем?

Он точно был сумасшедший.

— Потом я эту способность оценил, — продолжал Лунатик. — Ходил где придется и как хочется. Пси не действует, электричество не берет, Зона меня терпит и пропускает, вот люди — другое дело. Против людей я мало что сделать могу. Звери тоже иногда нападают.

— Зря приbedняешься, снайпер ты оказался отличный.

— Неплохой... Но как выучился — все равно не помню.

— В центр Зоны не пробовал залезть?

— Наверное, мог, но не хотел. Позже понял, почему не хотел, — у меня блок. Запрет туда являться. Те, кто меня изменил, этого очень не хотели, так что я тот же зомби, Моро, только лучше, не такой глупый.

— Ну это ты зря. Есть такая штука — свободная воля.

— Вроде бы есть, но что мне воля, если нет памяти? Без памяти жить сложно, я себе сам биографию сочинил, решил, что с самого начала был тут сталкером. Может быть, это правда, может быть, даже был. Но только пробивается одна и та же картина — лаборатория, белые стены, колбы какие-то, клетки...

— А дальше?

— Дальше возник Бархан. Наверное, ты уже догадался, Моро, Бархан на меня охотился. Ну и на тебя заодно тоже. Сначала, еще три года назад, он просто присматривался, потом в Зону вместе ходить предлагал.

— Ты с ним в напарниках ходил?

— Пару раз.

— Ну и как?

— Никак. Я ему был нужен для прикрытия. Ну и типа ради проверки — могу ли в случае чего в ликвидациих поучаствовать. Я же, сам знаешь...

— Не смог?

— Нет.

— А он требовал?

— Да, причем даже удивился, когда я уперся. Им война кланов нужна была, Моро. Я это сразу понял, поэтому в разборки «Долга» и «Свободы» ввязываться не хотел.

— Кому «им»? С Барханом еще кто-то есть?

— Да не знаю я!

— Врешь!

— Не вру.

У меня было сильное желание его ударить, но я сдержался, опасаясь, что Лунатик тогда совсем замолчит.

— Тогда кто он был — Бархан?

— Для всех — наемник. Но в первую очередь работал на кого-то еще.

— На кого?

— Не знаю.

— Ты у меня допрыгаешься, — весело пообещал я. — На кого, я спрашиваю? Кто с ним еще был?! Мать твою, Лунатик, я не шучу. Я с тобой ползоны прошел, но если ты меня сейчас доведешь, то ничем хорошим это не кончится.

Он все молчал и старался смотреть мимо, и тогда я его ударил, как мне поначалу казалось — не очень сильно, к тому же раскрытой ладонью, а не кулаком, но ему и этого хватило, потому что мой бывший напарник отлетел в сторону, а потом попытался удрать. Я его легко, в два прыжка, догнал и сбил подсечкой.

— Будешь врать — врежу еще. Сиди и не дергайся.

Я позволил ему сесть на корточки, но при попытке вскочить в полный рост снова сбил пинком. Станным было то, что я мог его бить и ругать, но даже не подумал расстрелять. Я так привык быть с Лунатиком на одной стороне, что не мог правильно оценить исходившей от него опасности, и только вранье меня раздражало. У парня носом шла кровь, он вытирал ее тыльной стороной ладони, а ладонь — о рукав брони.

— Псих ненормальный, — чуть погодя сказал он. — Смотри, что наделал...

— Отпираться не надо было.

— Думаешь, много узнаешь — лучше жить будет? Зачем тебе правда, Моро?

— Нравится мне так. Не хочу в игре сидеть за болвана. Лучше давай про Бархана поподробнее. Дальше что произошло?

— Когда я совсем перестал подчиняться, он меня попытался убить.

— Каким образом? На Кордоне, что ли, у всех на глазах?

— Нет, конечно. Он на ничейной территории подкараулил. Я от него зайцем бегал. С Барханом тогда проблема была все та же самая: отбиться от него сложно, избавиться — еще сложнее, ты и сам все сейчас видел.

— Нету больше твоего Бархана. Нечего бояться.

— Нечего? Ты не понимаешь, Моро... Я самого себя боюсь. Пусть не до конца, пусть немного, но я тоже на крючке. И буду на крючке, пока не пойму, что три года назад произошло.

— Так кто все-таки за ним стоял?

— Думаю, «О-сознание»...

Лунатик съезжился и замолчал.

Сказанное мало что проясняло. По дальним, мутным слухам, «О-сознанием» называлась секретная организация, подкармливавшая оружием и снаряжением «Монолит», а может, само руководство «Монолита» так и называлось. В записках Харта об этом немного упоминалось, но они остались неполными, а сам Харт разделили судьбу многих других, слишком любопытных. В определенном смысле слишком любопытным оказался и я.

— Понятно.

— Зачем все это? Я же тебя старался не впутывать... — в отчаянии сказал Лунатик.

— Ты меня уже впутал. Давай колись, зачем в Лиманск лез, я же понимаю, что не за артефактами... и рожу вытри, а то смотреть на тебя тошно.

Я дал Лунатику салфетку, оставшуюся от перевязочного пакета.

— Ты, наверное, полностью прав, — через некоторое время сказал он, скомкав и отшвырнув потемневший кусок марли. — Я тебя впутал, извини меня, Моро, прости. На «Янтаре» я Полозова тоже заметил издали, но тебя постарался убедить, что это галлюцинация. Иначе бы ты остался и со мною в Лиманск не пошел. Потом, позднее... на блокпосту у Харта я специально наврал, будто Полозова у Барьера видели. Мне надо было сделать так, чтобы вы с Полозовым разминулись. На самом деле он за нами шел почти след в след. Потом я про компас наврал и обратно к Харту тебя потащил, чтобы снова от Полозова оторваться... и в погоню за Ромкой — тоже, удачно получилось.

Я не знал, то ли снова врезать Лунатику, то ли смеяться.

Зеленый пацан со стертой памятью водил меня за нос несколько недель подряд, убеждая делать то, что было нужно ему, но мне совсем не нужно.

— Н-да... Хорош напарничек. Странно только, что Полозов у Лесника меня не отыскал.

— Полозов и Лесник друг друга не любят. Со мной же Лесник знаком, может быть, даже знает что-то, чего я сам не знаю. Пытался спрашивать — отвечает уклончиво. Стал его доставать — старик рассердился. Вот так вот все, через пень.

— Ты мне лапшу на уши не вешай, — напомнил я. — Тебя спросили: что тут в Лиманске нашлось такое важное, что ради этого ты нагородил мне кучу вранья?

Лунатик сидел на земле такой потерянный, что я вдруг подумал — а нужны ли мне его секреты? Может, ну их совсем? Наверное, стоило просто оставить парня и уйти, заняться

своими делами или убраться на Кордон, а оттуда на Большую землю, и стряхнуть с себя эту липкую паутину.

— Я только хотел найти телепорт, — печально сказал Лунатик.

— Что? Да аномалий «пузырь-телепорт» мы уже видели как собак нерезаных.

— Другой телепорт. Такой в Зоне один, хотя расположение время от времени меняет. Переносит туда, куда сам попросишь — в любое место в Зоне, можно даже немного в другое время.

— Опять врешь.

— Нет.

— Почему о нем никто не знает? Да тут очередь должна была построиться...

— Не получится у всех. Потому что нужно помнить и понимать, куда хочешь, и, главное, осознавать, зачем, а кто у нас вообще тут что-то осознает?

— Вполне осознают, если, конечно, не после водки.

— Ты, Моро, не дразнись. Смотри сам... Вот ты случайно подумал про собак, значит, попадешь из телепорта в кучу собак. Вспомнил, например, о красивых девушках — к Верке-мародерке. Хабар на ум пришел — к торгашу Сидоровичу отправишься.

— Бархан знал?

— Да, знал.

— Пользовался «пузырем»?

— Думаю, пробовал, только попал куда-то не туда. Не получилось у него. У меня — получится. С одного раза не получится — получится со второго. Во второй раз не туда попаду — вернусь и снова, снова... Хоть сколько возвращаться буду.

— А чего ты хотел бы?

— Пробыться в то время, которое не помню. Если я пойму, что там произошло, то после этого буду свободен...

— Так ты же не помнишь того, чего хочешь!

Я смотрел на Лунатика. Он точно был псих. Бить его не имело никакого смысла, не имело смысла даже упрекать. Цель, которую поставили мы сообща, оказалась полной ерундой. Мне оставалось только уйти и заняться своими делами. Шансы отыскать Полозова, если он находился где-то в Лиманске, еще оставались, хотя возвращаться в «Долг» больше не тянуло. Война группировок, как я теперь понял, не имела никакой позитивной цели. Ее участники, сами того не подозревая, отвлекали внимание от чего-то тайного и довольно паршивого, происходящего на четвертом энергоблоке. Разбираться в этом лично я не собирался, героем себя не чувствовал, да и сам на ЧАЭС бы не полез. Хотелось отправить все стороны к черту, что я и сделал, только молча — забрал свой ствол, вещи и убрался, не попрощавшись.

— Уходишь, Моро? — крикнул Лунатик мне вслед.

— Ухожу.

— Удачи! Извини, я обидеть не хотел...

Я и не думал с ним больше препираться, а вместо этого отправился обратно в южную сторону, мимо желтеньких, местами совершенно целых, местами рухнувших домов мертвого города.

Из оружия при мне остались только АКМ, запасной рожок к нему и нож. Из вещей — рация, фляга, немного медикаментов, детектор «Велес», артефакты «медуза» и «пружина». Про изъятие у Бархана и отданные Лунатику гранаты я сгоряча позабыл, возвращаться из-за них не стал и теперь старался обходить стороной любой квартал, в котором постреливали. Цель впереди просматривалась только одна — любой ценой перебраться через мост и уйти из Лиманска в сторону ближнего сталкерского форпоста, хотя бы к тому же Плауну, или, на худой конец, в лесничество. Утро разгоралось все ярче. Дождь давно перестал. Солнце, которое высунулось из-за крыш домов где-то справа, выглядело красным, большим, окруженным размазанной дымкой. Руин становилось все больше, а уцелевших домов — все

меньше. Стены руин почти всегда «светились», «светился» и разбросанный мусор, который состоял из сломанных деревьев, частей разбитых машин, скарба, выкинутого из окон, поваленных урн и разбитых телефонных будок. Местами дорогу мне пересекали заграждения из колючей проволоки с ржавыми знаками «радиоактивная опасность».

В конце концов пришлось закатить себе укол антирада прямо сквозь рукав «Севы». В самом конце тупикового переулочка я наткнулся на убитых «монолитовцев» и попытался забрать у них боеприпасы, но подходящих для АКМ патронов тут не оказалось, я только зря обшарил изуродованные трупы.

Когда я выпрямился, передо мной стоял темный сталкер.

На этот раз я рассмотрел его очень хорошо. У темного было неровное, грубое, покрытое шрамами от ожогов лицо, узкие губы, на месте левого глаза бугрилась складками мертвая, пустая глазница. Носил этот человек сильно потрепанный камуфляж, длинный плащ с капюшоном и ботинки на толстой подошве. В целом он не был так уж страшен и оставался в пределах человеческой нормы. Жутковатым парня делали истории про неукротимый нрав и особые способности темных.

Я не двигался. Он не двигался тоже.

Ствол его винтовки был направлен мне в живот. Через некоторое время этот человек немного отвел оружие и сделал левой рукой то ли рассекающий, то ли запрещающий жест.

Я не понимал, что он пытается сказать. Он снова повторил тот же жест, будто что-то рассекая, а потом повернулся и исчез за углом так же моментально, как и появился.

Мне устроили предупреждение, смысл которого, впрочем, остался непонятым. Не идти вперед? Но почему? Не возвращаться назад? Но я и не возвращался. Если намеки Лунатика насчет скорых перемен в Зоне соответствовали реальности, из Лиманска все равно следовало убираться.

Квартал, в котором мне встретился темный, пришлось обойти стороной, но потом я по компасу выбрался на прежний путь. Срезать дорогу, пробравшись через руины, хотелось, но это желание следовало давить в корне, слишком уж эти руины «фонили». Еще несколько телепортов-«пузырей» болтались там и тут, но к ним я даже близко не совался. Постепенно развалины начали попадаться все реже и реже, город понемногу принимал свою обычную, почти неповрежденную форму. Вместе с тем я вдруг осознал, что заблудился. Мне постоянно попадались тупики. Иногда это были завалы кирпича и бетонных плит высотой с двухэтажный дом, иногда — баррикады из ржавых автомобилей, опутанные колючей проволокой, иногда — просто аномалии или пятна радиоактивности, в которые я не решался забраться даже с «медузой». Место выглядело заколдованным. В конце концов мне надоело мотаться, и я перелез через одну из баррикад, но по другую ее сторону снова оказался тупик.

Эти бесполезные перемещения в лабиринте, огороженном пустыми домами и кучами радиоактивного хлама из развалин, очень меня доставали. В конце концов я зашел в дом, который поменьше «светился», и решил влезть на крышу, чтобы осмотреться. Крыша на этот раз была плоская, однако от лестниц в подъезде осталась в основном арматура, кое-где с кусками бетона. По этой самой конструкции я пробрался на верхний этаж, рискуя сорваться и надеясь в основном на «пружину», способную смягчить падение, но карабкаться она не помогала. В конце концов я почти повис на руках и кое-как забросил себя на лестничную площадку, которая висела на уровне четвертого этажа, прилепившись к стене.

В стене было окно, а на площадке — еще одна аномалия «телепорт». В окно через бинокль я видел поднятую стрелу вдали и даже темную ленту канала, но не мог понять, как до них добраться, преодолев заграждения.

Аномалия подрагивала. «Пузырь» занимал две трети свободного пространства на площадке. Место было неудобное, а спуск вниз обещал оказаться очень даже непростым. По всем этим причинам, а также из-за недавней разборки с Лунатиком настроение у меня упало до самой нижней планки, а от постоянного ношения артефактов и ночевки где попало я подхватил дозу радиации. Антирад помогал, да и доза была не смертельной, но она все равно чувствовалась, или, может быть, мне так казалось...

На первом этаже дома что-то зашуршало. Шорох нарастал, похожий на мелкий топот огромного числа лапок. Свесившись вниз, я заметил тушканов. Их было много, наверное, штук тридцать или сорок. Некоторые твари разъелись на трупах и теперь почти достигали размеров крупной кошки, другие выглядели более мелкими и замороженными, вроде крыс и крысят, но при таком количестве это уже не имело значения.

Стая рыскала в развалинах, подбирая только ей заметные ошметки. По вертикальным стенам эти мутанты карабкаться не умели, но сломанных лестниц им могло оказаться достаточно — когти на длинных задних и коротких передних лапах позволяли неплохо цепляться. Я отвернулся, почему-то опасаясь, что тушканы почувствуют взгляд и ринутся вверх, хотя телепатами они не были и вообще не имели никаких особых свойств, кроме многочисленности, прыткости и вечного желания пожрать.

Патронов на отстрел десятков зверьков у меня не было, а гранаты все остались у Лунатика. Оставалось выждать, пока стая уйдет, но голодные тушканы продолжали ковыряться в мусоре, а вкусной еды тут не осталось, кроме, конечно, меня. В конце концов подвел «Велес», защелкав на случайное колебание излучения. Этот звук привлек внимание двух-трех особей покрупнее, они приподнялись на задних конечностях, уставившись на меня, а потом бодро поскакали по арматуре лестницы, а за ними до половины всей стаи.

Через несколько секунд один из тушканов уже впился в мой ботинок, остальные собирались заняться добычей всерьез. С этим я ничего поделать не мог. Быть сожранным тоже не собирался. Поэтому прыгнул в телепорт, надеясь, что стая следом не полезет, да и находился этот «пузырь» почти на метровой высоте от пола.

Через миг мир исчез. Я видел только холодный белый свет. Слышал только тишину, в которой не осталось ни писка тушканов, ни щелканья индикатора, ни свиста ветра в руинах Лиманска. Время тоже куда-то пропало, видимо, выдохлось. Это продолжалось неизвестно сколько, потом в голове «щелкнуло», и я очутился совсем в другом месте, целый и невредимый, с оружием, вещами и даже с одиноким тощим тушканом, повисшем на ботинке.

В одиночку тушканы не опасны. Повисший на мне экземпляр я попытался добить пинком, но мутант отцепился, увернулся с невероятной ловкостью и поспешно юркнул в кусты.

Я сам по-прежнему находился в Лиманске, но не в здании, а на земле. Уже знакомые желтые дома с высокими крышами торчали в отдалении. Вокруг раскинулся то ли сквер, то ли уцелевшая часть городского парка, засаженная пирамидальными тополями (листья уже облетели), с дорожками из кирпичной крошки, еще одним белым фонтаном и даже с парой статуй (на них кто-то попрактиковался в стрельбе). Выход из сквера располагался в ста метрах на востоке — это были ворота в виде арки, устроенные в заборе с краснокирпичными столбами и чугунной решеткой.

Стрелки часов, подаренных когда-то Ингой, показывали одиннадцать тридцать утра. Я пробыл в Лиманске менее двух суток, и он меня все равно укатал.

Было ясно и тихо, ни выстрелов, ни ругани в эфире — то ли «Монолит» и ренегаты в очередной раз «помножили друг друга на ноль», то ли просто устроили передышку во взаимном истреблении. Снайперы по ту сторону ворот могли работать до сих пор, поэтому я двинулся к выходу, стараясь держаться за деревьями или статуями.

Чуть позже стало заметно, что возле ворот на массивном фундаменте кирпичной ограды сидит раненый человек. Он был в броне, но без шлема, и разместился ко мне вполоборота, привалившись плечом к решетке ограды. Ствола у него не оказалось, поза походила на позу раненого, на рукаве имелась нашивка наемника.

К этому парню я подбирался осторожно, но он не двигался, не пытался ни уходить, ни нападать и шевельнулся только тогда, когда я очутился поближе и без церемоний навел на него ствол.

— Ты кто? — спросил я скорее по инерции, чем по необходимости. Спрашивать было глупо, бежать — слишком поздно, оставалось только стрелять: человек обернулся, и я увидел хорошо знакомое мне лицо Бархана.

— А, это ты... — внезапно сказал он. — Как я и думал, приперся, сука. Зачем под ногами вертишься?

Он заговорил со мною впервые, голос у Бархана низкий, глухой и невыразительный. Я не стал задумываться насчет скорости регенерации уникальных мутантов и вместо дурацкой фразы «да, это я» ответил врагу очередью. Не знаю, где делали его броню, но эта выдерживала автоматные пули, выпущенные с близкого расстояния, хотя сам Бархан дернулся назад и привалился к ограде.

Мне уже нечего был терять, я стрелял до тех пор, пока не кончились патроны в магазине, потом вставил запасной рожок и потратил его заодно. АКМ замолчал. Часть пуль ушла мимо цели, часть без толку попала в бронежилет, часть — зацепила конечности, но единственным признаком этого оказалась пара капель крови на песке. Попасть противнику в голову я не смог — то ли сказала усталость, в глаза будто насыпали песка, то ли перемещался Бархан теперь нечеловечески быстро — он, превратившись на миг в смазанный силуэт, уже укрылся за деревом и теперь собирался выйти оттуда и продолжить разборку.

Тут пригодился бы «Чейзер» или, что еще лучше, снятый с танка пулемет, но даже «Чейзера» у меня не было. В отличие от Факира неубиваемый наемник садистом не был, сдаваться не предлагал, а собирался меня убрать так же, как убирают надоедливый мусор.

Он вытащил нож. Я тоже вытащил нож, хотя после схватки на крыше понимал, что против Бархана у меня шансов мало. Блокировать, порезать или ушибить его предплечья, спрятанные в рукавах тяжелой брони, было слишком сложно. Дотянуться до горла мешало его преимущество в росте и длине рук. Полезным фактором оставалось лишь то, что Бархан считал меня слабым.

В следующую секунду он попер на меня будто танк, я отскочил в сторону и пнул противника в голень, пытаюсь вывести из равновесия. Он действительно чуть пошатнулся, но только едва-едва, развернулся и достал меня, нацелив удар в печень, и почти добился своего, но помешал ему длинный бронежилет «Севы», отремонтированный Лесником. Я попытался ответить режущим в шею, но вместо этого только царапнул по броне, оставив на ней незначительный след, зато получил от Бархана удар кулаком левой руки в лицо. Пришлось по мне больше вскользь, но этого скользящего удара хватило, чтобы половина лица у меня тут же отекала.

После этого я отскочил на более-менее безопасное расстояние, но он снова лез на меня как бешеный.

Постоянно уклоняясь, бой не выиграть. Соревноваться с Барханом в умении «держать удар» я тоже не собирался за очевидной глупостью такой затеи, как не собирался устраивать с ним и честный (но дурацкий) «бой на равных». Поэтому я рванул в сторону ограды, опередив его на пару секунд, переложил нож в правую руку, а левой подобрал валявшийся там длинный металлический прут, которым изо всех сил врезал по непокрытой голове Бархана.

Врезал, но не попал. Он опять уклонился, прут повредил Бархану ухо и стукнулся о плечо, я не стал ждать последствий, чуть подался назад и обратным движением врезал наемнику заодно по рукам и пальцам, намереваясь выбить нож. Нож он действительно уронил, но повторно ударить себя по голове не позволил, а нырнул под удар и прижал меня всем бронированным корпусом к ограде. Прут на такой дистанции оказался бесполезен, мою руку с ножом Бархан тут же заблокировал. Возможно, я сумел бы пробить его защиту сильным колющим ударом, но вместо этого только корчился, пытаюсь высвободить вывернутое запястье...

...Однако для разнообразия я при этом заехал противнику коленом в пах, в ответ он ткнул меня бронированным локтем в шею и попал, наверное, в блуждающий нерв, потому что я практически мгновенно вырубился.

Во всяком случае, я упал на тот самый кирпичный фундамент забора, на котором сам Бархан сидел всего несколько минут назад. Сознание у меня помутилось, но я понимал, что

сейчас умру, причем умру по глупости — из-за привычки судить о человеке по нашивкам группировки и подходить к «союзным» или «нейтральным» сталкерам без опасения.

Потом я сполз по фундаменту на землю и теперь видел кусок октябрьского неба и часть голой кроны пирамидального тополя. Начинался очередной дождь. В абсолютной тишине, вызванной частичной отключкой, холодные капли стекали мне на разбитое лицо. Теперь Бархан имел возможность свернуть мне шею, но он почему-то не торопился. Чуть позже слух вернулся, и я услышал посторонние звуки — сначала окрик, потом еще какой-то шум.

Вставать мне не хотелось, страх ушел, но я заставил себя приподняться и досмотреть до конца.

Возле белого фонтана стоял Лунатик. Он не собирался прятаться, просто стоял и целился в Бархана из винтовки. Как он тут объявился, я сперва не понял и отложил эти размышления на потом. Бархан оставил меня в покое и невероятно быстро побежал, сокращая расстояние между собой и Лунатиком.

Однако двигался он, конечно, не быстрее пули. Потому что эту самую пулю тут же получил прямо в лоб.

Я, оцепенев, смотрел, как мутант с простреленной башкой двигается дальше, даже не запнувшись. Он лишь чуть дрогнул и едва заметно сбросил темп.

Раздался следующий выстрел. После этого патроны у Лунатика кончились, он даже не пытался перезарядить, просто бросил винтовку.

Бархан продолжал двигаться, пули не производили на него особого впечатления. Такое могло легко случиться с псевдогигантом, но я впервые видел настолько неуязвимого человека.

Только разве человека?

— Не надо! — заорал я, уже понимая, что Лунатик все-таки собирается сделать.

Он мог кинуть гранату, пока Бархан находился еще далеко, прямо ему за спину, но тогда осколки неизбежно полетели бы в меня. Поэтому Лунатик выбрал «средний вариант» — выждал, когда противник подбежит поближе, и швырнул гранату ему почти под ноги.

Прогремел взрыв, я ощутил воздействие ударной волны, впрочем, на таком расстоянии не сильное. Бархан после этого упал и не шевелился. Осколки пошли веером, большая их часть пробила и рассекла экзоскелет моего врага, некоторая часть попала в моего напарника, в стволы и ветви тополей, в облицовку белого фонтана.

Когда я, встав, кое-как к ним подошел (после удара до сих пор покачивало), Бархан был еще жив, хотя и сильно изуродован. Он видел меня и слышал, но размениваться на ругань не стал. Да и что мог сказать мне человек-нечеловек, который за три года жизни в Зоне отправил на тот свет или на опыты пару десятков якобы «дружественных» сталкеров, в том числе и своих же напарников?

Даже отдавая концы, Бархан считал нас хламом и пустым местом, но я спорить с ним не собирался, ведь проиграл-то он, а не я.

Добить мутанта пришлось ножом, на этот раз наверняка, хоть и без всякой эстетики. Была бы возможность, я бы сжег все, что от него осталось.

Лунатик, сильно раненный, но по крайней мере не мертвый, сидел, привалившись к фонтану.

— Как ты меня нашел? — спросил я.

— Вернулся к тому дому, где у нас с ним была перестрелка. Смотрю — пусто. Бархана нет. Пошел по следам, но немного опоздал. Вот и все.

Лунатик оставался в сознании, говорил тихо, но разборчиво, хотя по некоторым косвенным признакам я понял, что дела очень плохи, и своими силами, как это было раньше, ему уже не выкарабкаться.

— Зачем? — только и спросил я.

— Бархан — моя проблема.

— Ты же его боялся.

— Нельзя все время бояться. Надо... справиться самому.

— Он меня здесь поджидал, будто знал, что я приду.
— Это как раз не странно — он тебя запеленговал как-то по коммуникатору. Бархан свидетелей не оставляет.
— Не стоило соваться, я бы сам с ним разобрался.
— Нет...

...Я никогда не верил по-настоящему, что Лунатик может умереть, с тех пор, наверное, как спас его из «концлагеря» на Свалке. Чтобы перевязать, мне пришлось вытащить напарника из брони, как я ни осторожничал, но все равно кричал при каждом движении и успокоился, только когда я использовал последнее противошоковое из аптечки. После перевязки кровь все равно не унималась. Лунатика еще можно было спасти, например, отнести к Болотному Доктору, который, по слухам, помогал даже безнадежным, однако расстояние до Доктора равнялось тому, которое мы прошли, чтобы попасть в Лиманск. Я никогда не видел легендарного врача и не представлял, как его отыскать. Я взял рацию и послал SOS, пытаюсь вызвать не важно уже кого, хоть нейтралов, хоть «Долг», хоть «Свободу», но эфир забивал то забористый мат ренегатов, то праведно-заунывные возгласы боевиков «Монолита».

— Давай держись, сейчас кто-нибудь придет...
— Никого не будет, Моро.
— Нейтралы будут, Орест обещал помочь, — солгал я, пытаюсь его утешить.
Лунатик улыбнулся, хотя губы у него потрескались и побледнели.
— А ты еще меня ругал за вранье, рожу мне разбил.
— Ну, извини.

Мы были в безвыходном положении, на выбор оставалось только ждать на месте или перебираться куда-нибудь, где меньше вероятность в скором времени попасть под перекрестный огонь. Я обыскал ближние дома в поисках хорошего укрытия, но все они «светились».

— Моро! Ты где?
— Здесь.
— Не уходи далеко.

Я, конечно, и не собирался бросить Лунатика, но он уже притерпелся к мыслям о плохом и не вполне верил, что не останется один.

— Жить хочу, — сказал он. — Я три года только жил, да и как — в основном от Бархана бегал.

— Телепорт на самом деле существует?
— Да.

— Тогда пошли к нему, оттуда быстрее к Болотному Доктору попадем. Я тебя один дотащу, раз тут недалеко.

Это был шанс, и Лунатик в него поверил.
— Лучше только сразу в «оазис».

Я никогда не слышал про «оазис», он то ли всплыл из мутных и утерянных воспоминаний моего товарища, то ли у Лунатика уже начинался бред, однако я был рад, что он хотя бы уцепился за надежду.

— Ладно, на месте уже решим, куда. Карта у тебя?
— Да, посмотри на коммуникаторе.

Коммуникатор у него оказался весь в крови, стекло по краю треснуло, карта выглядела очень примитивно, но вполне разборчиво, я прикинул расстояние и понял, что могу не успеть. Натягивать на раненого ненужную уже броню не имело смысла, я завернул его в кусок брезента. Часть вещей и лишние стволы пришлось бросить, я оставил только «Гадюку», артефакты и лекарства, предварительно вкатив и себе, и Лунатику дозу антирада.

— На меня мог бы и не тратить... — сказал он, закрывая глаза.
— Сам разберусь, на кого что тратить... А ты не спи пока, ишь, чего придумал. Рано еще спать. Вот вытащу, попадешь к Доктору, там отоспишься.

— Не к Доктору, в «оазис»...

Мне очень не понравилось слово «оазис», оно слишком смахивало на «рай», но зачем было спорить? Я ни о чем тогда не думал, только бы найти аномальный «пузырь».

Тащить Лунатика оказалось нелегко, даже имея «грави». Судя по кровопотере, мой напарник уже должен был умереть, но продолжал дышать, глаза очистились от красноты, присущей усталости, однако сделались совершенно прозрачными и пустыми. Кровь его выглядела непривычно темной и была повсюду — у нас обоих на комбезах, на земле, на оружии, у меня на руках. Я сначала нес парня, потом тащил на куске брезента, потом, заплутав в развалинах, снова нес, то и дело наталкиваясь на сломанные качели и остатки расстрелянных статуй.

— погоди, остановись ненадолго...

Я опустил на землю окровавленный сверток, который был недавно моим другом.

— Ты запомни, Моро, в «Долг» возвращаться тебе нельзя.

— Сначала тебя вытащу, найдем пузырь этот самый волшебный, потом решим.

— погоди! Вытащишь или нет, в «Долг» все равно не ходи...

— Почему?

— Примерно через год между «Долгом» и «Свободой» случится бой за станцию Янов. В этом бою тебя убьют.

— Откуда знаешь?

— Был там... Видел... тебя мертвым, застреленным.

Лунатик, конечно, бредил.

— Этого не было, понимаешь? Не было.

— Будет, — едва слышно пробормотал он. — Если меня не послушаешь, то будет наверняка. Я уже был в том телепорте. Несколько раз, да всегда неудачно. В будущее один раз попал. И выбрал тебя из всех, чтобы на Лиманск вместе идти, только потому что знал наверняка... жить тебе совсем мало осталось... год. Принцип наименьшего вреда. Я тогда не подумал, что можно все переделать. Прости меня, Моро, прости... Только не ходи в «Агропром». И на Янов... не надо. Там — смерть.

Он все время это повторял, а я больше не слушал и волок его дальше. Временами по нам стреляли то чокнутые ренегаты, временами — не менее свихнувшиеся «монолитовцы», насколько пуль, сплюснвшись, отскочили от бронежилета «Севы». Одна пробила защиту насквозь и неглубоко воткнулась под лопаткой между ребер. По спине сразу побежали горячие стручки крови, но мне было уже все равно. «Велес» пищал будто бешеный, сообщая о радиации, но я не останавливался, чтобы обходить стороной самые «пересвеченные» места. Лунатик затих, он сделался тяжелым и на лицо будто восковым, а на щеках и подбородке залегли синеватые тени.

— Сейчас, уже близко.

На аномалию «телепорт» мы наскочили внезапно, под свист ветра и отдаленные уже звуки боя. Большая, прозрачная, наподобие мыльного пузыря сфера зависла над отдельно расположенной руиной. Она мерцала и подрагивала, чистая и чуждая этим развалинам. В самих развалинах смешалась штукатурка с остатками голубой краски, дранка, стекла, битый красный кирпич, ошметки книг с оторванными корешками и библиотечными штампами на первых страницах. Обезглавленная «девушка с веслом» довершала это зрелище.

— Вот и пришли. Теперь будет и Доктор, и «оазис», и все, что хочешь. Теперь точно получится, я удачливый.

Лунатик не мог больше разговаривать, но я верил, что это победа и теперь никто не умрет. «Оазис», где бы он ни прятался на самом деле, находился в двух шагах.

— Не беспокойся, я тебе верю и не пойду на Янов.

— Хорошо, но ты меня все равно прости, — ненадолго очнувшись, пробормотал он.

Тут я и сделал главную ошибку, опустив Лунатика на землю. Мне только хотелось поправить бинты и проверить, как он держится. Если бы я просто забрался повыше и прыгнул вместе с грузом в телепорт, никто не рискнул бы вмешаться. Но я не прыгнул, я задержался только на секунду.

Этого промедления и хватило на то, чтобы грянул выстрел.

Стреляли сзади, почти в упор, из дробовика.

Стреляли не по мне, а по Лунатику.

Заряд пробил брезент, пробил то, что оставалось от футболки, и разорвал ему грудную клетку раньше, чем я успел вмешаться. Полозов, перезарядив дробовик, подошел и выстрелил еще раз.

Невероятно, но Лунатик продолжал жить и после этого. Я видел, как мучительно шевелилась его изуродованная рука, захватывая горстью грязь и радиоактивный песок.

— Привет, Моро, — небрежно, но по-дружески бросил Полозов. — Ты уж извини, я едва успел.

Он подошел вплотную к корчившемуся телу Лунатика и выстрелил снова, на этот раз в голову.

— Живучий, нетехнично получилось. Но на этот раз, кажется, все. А теперь найдем место почище, присядем и поговорим. Ты как — курить будешь? Нет? Бросил, говоришь? Ну тогда я покурю.

Глава 23. Конец

Полчаса спустя, Зона, Лиманск.

Самое страшное было то, что даже после этого Полозова я не убил. Возненавидел его сразу — да, но при том даже не ударил, до того был ошарашен.

— Хочешь знать всю правду? — спросил он у меня, уже сидя в засохшем скверике на скамье напротив статуи русалки, на гипсовом хвосте которой остались следы от пуль трех или четырех группировок.

— Давай говори, за тем и пришли.

— А мне кажется, что ты и так правду знаешь. Ты ведь для всех ренегат, Моро. А с ренегатом ни один человек долго возиться не будет, хотя бы из чувства самосохранения. А вот если не человек, а мутант...

Он закурил, медленно и со вкусом выпуская струю табачного дыма в покрытое жидкими облачками все еще голубое октябрьское небо.

— Если мутант, то вполне... Ты раньше за Лунатиком ничего странного не замечал?

— Нет, — соврал я.

— А ведь должен был заметить. Раны на нем неестественно быстро заживали — это раз. Спал он мало — это два. Кровь слишком темная — три. Сердце не слева, а справа — четыре. Ну и к пси-воздействию он был устойчив, а сам на мозги он подействовать умел — этого не отнимешь. Вроде мягко, без принуждения, а ведь убедительно... Если есть время слушать, я тебе сейчас всю историю сначала расскажу.

— Да уж, спешить теперь некуда.

— В первый раз этот самый «лунатик» засветился тут аж в восемьдесят третьем лохматом году, я тогда даже в органах не работал. Похожий человек носил фамилию Лунарев, проходил по архивам как младший научный сотрудник НИИ «Радиоволна».

— Он говорил, там его родители погибли.

— Родители? Нет. Родители его, если вообще существовали, в Лиманске никогда не появлялись. И было ему тогда не два-три года, как он тебе наврал, а по документам двадцать два. В ночь, когда на Чернобыле рвануло, Лиманск накрыло облаком, дозу там люди получили такую, что умерли за несколько часов.

— Я слышал.

— Слышал, но не понял. Он там тоже умер вместе со всеми, по крайней мере по документам КГБ. НИИ было закрытое, трупы даже не вывозили, закопали на месте и залили бетоном. Город поставили «на карантин», даже когда ЧАЭС продолжала работать, в Лиманск уже никто не совался. И не было там ни сталкеров, ни аномалий.

— Это все?

— Нет, не все. До две тысячи шестого в Лиманске было тихо, но после супервыброса началось...

— Меня легенды не интересуют.

— Не легенда это, Моро, пойми. Ты про «гражданских зомби» слышал? Знаешь, что это поднявшиеся при выбросе мертвецы восьмидесятых?

— Да.

— Было их много, потом стало поменьше — военные перестреляли. А до этого ходили — тощие, бестолковые. Хотел бы я, чтобы этот «лунатик» был одним из них, но там все гораздо хуже и сложнее. Потому что он не воскрес. Скорее уж совсем не умирал. В документах липа.

— Ему и сейчас на вид двадцать — двадцать два.

— Было, — с усмешкой поправил Полозов. — Пока не умер. Потому что, как выяснилось, объект этот все-таки не бессмертный. Есть мнение, что не человек он вовсе, а имитация. Кем она сделана, для чего, когда... Не спрашивай, Моро, не знаю. Может, прототип действительно умер в восьмидесятых, а этот, новый, на него только внешне похож. А может, он и с самого начала был нечеловек. Мы таких, как он, ниоткуда взявшихся, пока что вычислили одиннадцать. Номер один в этом списке — сам Бархан. Ты его, я так понимаю, ликвидировал — молодец, свой долг выполнил. А теперь попробуй вспомнить, чего ты странного в Бархане заметил?

— Убивать его было трудно, — с вымученной ухмылкой сказал я, но Полозову на мою иронию было плевать, он шаг за шагом двигался к своей цели, а цель у него была — надавить и убедить в своей правоте во что бы то ни стало.

— Правильно, Бархан мутант, хотя бы потому, что способен к регенерации. Что-то еще помнишь?

— Так, слухи... Новички, которые с ним в Зону ходили, пропадали часто. Полозов одобрительно кивнул.

— Новички пропадали, но их никто и не искал, а вот репортер ВВС пропал — тогда на Бархана и обратили внимание. Ошибся он, когда репортера убрал. А может, и не убрал, а в центр Зоны увел, а что там с этим Бейкером сделали — кто их знает...

Насчет встречи с Бейкером-снорком я промолчал. Голова у меня в этот момент раскалывалась, но некая остаточная осторожность все же оставалась.

— У этих одиннадцати, — продолжил тем временем Полозов, — полного согласия друг с другом не было. Тот, который тебе назвался Лунатиком, был у них... диссидент, или как еще назовешь. В общем, почти сразу, еще года три назад, он от Бархана и остальных откололся, в похищениях и ликвидациих не участвовал, а при случае даже мешал, ходил по Зоне в одиночку, пытался прилепиться то к тем, то к другим. Словом вел себя, зараза, как человек. Мы его ликвидировать хотели, но решили до поры не трогать. Интересовал нас Бархан в первую очередь, думали, Лунарев этот на него выведет. В августе этого года их дела там зашли в тупик. Объект зачем-то на Лиманск рванул, а тебя в спутники выбрал. Помнишь бункер на «Янтаре»?

— Да.

— Я ночью там был, приглядывал за тобой. Ты меня заметил и чуть все не испортил. Хотел я даже подойти для разговора, но передумал — Лунатик-то не самый опасный. В целом нам было выгодно, чтобы они с Барханом схлестнулись насмерть. Когда Бархан упал с крыши вниз, я это издали видел, надо было добить, но не успел — он уже регенерироваться ушел. Нелюди, что еще сказать...

Полозов докурил сигарету и зло смял окурок о бетон.

— Слышал, вы с этим самым «лунатиком» опытного контролера завалили вдвоем? Было дело?

— Да.

— Уважаю.

Я молча кивнул. Бой в подвале пивоварни теперь представал в совершенно другом, неожиданном свете, но не в том, на который надеялся Полозов. Я понял, что Лунатик невидимую пси-схватку с контролером в основном принял на себя. Потому он и корчился позднее у стены, поэтому и помешал мне застрелиться. Его вмешательство сохранило мне жизнь.

— Ну, ты чего задумался? — тревожно поинтересовался Полозов.

— Так просто, устал, потому и молчу.

— Только вот не надо всяких таких сложностей... Много будешь сомневаться — пропадешь. Колеблешься — значит слаб. Зона слабых не любит. Вставай, пошли со мной.

— Я еще один посижу.

— Не хочешь вместе идти?

— Пока нет.

Полозов приглушенно ругнулся.

— Вот ведь...

Он теперь стоял, наполовину отвернувшись и рассматривая небо с северной стороны, будто искал там какой-то сигнал, и был он уверенный, высокий и плотный, с жесткой гримасой на обветренном лице. Подумалось даже, что Полоз, не выдержав, на месте меня «оприходуется», «загасит» или «одолжит» — черт знает, как в его случае назвать расстрел правильно. Однако был он мужик основательный и решил дать шанс даже такому негабаритному типу, как я.

— Не забывай — Лис тебя по моему приказу выручил. А теперь у тебя уже нет выбора, ты пойми. Один не выживешь, только с нами. Тут без вариантов, Моро. А с нами варианты будут. Может быть, вернешься в «Долг», может быть, для всех останешься одиночкой, но я, Крылов и еще двое-трое будет знать, что ты не предатель. Пойми, так ты эффективнее сможешь бороться против Зоны. Не всегда прямой путь правильный, не будь максималистом.

«Да пошел ты», — хотелось мне сказать, но я промолчал.

— Ты еще подумай, — настаивал Полозов. — Этот самый Лунатик — он нелюдь был самый настоящий. Нелюдь! Этот нелюдь тобой манипулировал, крутил как хотел. Ты ему был нужен только как попутчик в Лиманск, не вмешайся я, он бы тебя этой же ночью ликвидировал...

Я ничего не делал — не верил, не спорил и не возражал, не слушал и не думал: все, что говорил Полозов, скатывалось по сознанию точно так же, как струи дождя текли по стеклу старого вертолета в тот самый день, когда я слушал в его кабине «Армагеддон».

— Ладно, — сказал Полозов, видимо, утомившись. — У тебя, Морокин, башка сегодня плохо варит, понимаю, вымотался. Ты сейчас уходи из Лиманска, причем — быстро. Укрытие себе найди, скоро большой выброс может шарахнуть. А с ответом не торопись, осмотришься, привыкни. Если что, знаешь теперь, где меня искать — зайди в любую область уверенного приема и стукни мне на КПК. Спишемся — сам разыщу. Только в радиоэфире зря не шуми. Ну а если не надумаешь... Что ж, тогда вали на Большую землю, брат, и чтобы духу тут твоего не было. Это, как ты понимаешь, серьезно.

Когда он уходил, закинув свой «Потрошитель» за спину, я глядел ему вслед. Я остался один — совершенно один. Полозов был прав — Зона таких перемалывает быстро. Я теперь точно знал, что не выживу, но мне было все равно. Когда рация прохрипела о следующем выбросе, я так и сидел, не двигаясь, почти до конца и только крайним усилием заставил себя встать и убраться в руину. Мне удалось уснуть прямо во время выброса, скорчившись и прижавшись к стене в покинутом доме с качелями и почтовым ящиком во дворе.

Во сне я видел Лунатика. Он, кажется, не умер и даже говорил, что все нормально и он все понимает. Потом сон смешался, и его окончание я после позабыл.

Труп Лунатика я искал, но так и не нашел. Осталось только огромное темно-багровое пятно на земле, там, где он лежал, застреленный после нападения Полозова.

Потом я устроился в нише окна разбитой стены и бесцельно наблюдал, как попеременно то наливается красками, то бледнеет зависший над руинами телепорт. Вдалеке постреливали и ругались, хрипели и рычали разбежавшиеся псы Факира, забивали эфир переговорами фанатики «Монолита». Несколько пуль просвистели рядом. Все это уже не имело никакого значения.

Я не знал наверняка, был ли Лунатик воскресшим ученым из Лиманска или просто жертвой спецслужб и обстоятельств. Являлся ли он еще одной разновидностью «гражданского зомби» с точки зрения Полозова или нет — какое это имело значение? Полозов верил в свою версию, но я в нее не верил. Кем бы Лунатик ни был, он оставался мне другом, но я его не вытащил, не помог, и, в сущности, бросил умирать.

Телепорт играл и приглашал сделать последний шаг. После такого шага можно попасть куда угодно — в середину «мясорубки», в логово снорков, в пропитанный радиацией «Янтарь»...

Впрочем, если мой ликвидированный Полозовым напарник прав, я окажусь там, где захочу. Стоит пожелать, и ночная стычка в Темной долине будет сорвана, я не получу метку отступника, Лунатик, встретившись со мной, не умрет...

А разве не умрет?

Бархан будет жив. И Полозов никуда не денется, он будет идти по следу Бархана, заодно уничтожая любого, кого посчитает слишком разумным порождением Зоны...

— Эх, Лунатик, Лунатик... не надо было соваться в Лиманск, — произнес я вслух, и в этот момент части головоломки разом встали на свои места, я понял, что нужно сделать.

Сейчас я использую телепорт и вернусь в прошлое накануне стычки на хуторе.

Потом уйду в Темную долину один, отыщу там Эксу и попрошу его не верить Бархану.

Группа Рудого в ночь перед боем появится на хуторе, но не встретит там никого, бой не состоится, Тихона не застрелят, конфликт между «Долгом» и «Свободой» притихнет, и через год они поделят Янов без особой крови, или пусть даже с кровью, но все равно с меньшей и как-то иначе.

Крылов, возможно, заподозрит меня, Серегу Морокина, в измене и посадит под замок, но Лис, или Тихон, или они оба должны меня выручить. Не важно, прикажет Полозов это сделать или нет.

Под утро я скроюсь из-под ареста, оторвусь от погони, потом разыщу Бархана, не сделаю ни одной ошибки и свершу над этим ушлепком расправу по справедливости.

Если подобраться к Бархану окажется сложновато, кто-нибудь, не важно кто — Экса или Костя — мне поможет, я должен научиться с ними договариваться. И только после этого я найду Лунатика...

Прежний Лунатик, мой друг и напарник, умер, и с этим я ничего поделать не мог. Лунатик о прошлом скорее всего ничего не помнит, не помнит он и меня, но это не страшно. В конце концов он выслушает, поверит, не пойдет на Лиманск и там повторно не умрет.

Я принял это решение и успокоился. Решение не соответствовало принципам «Долга» по форме, но соответствовало им по духу. Хотите бороться с заразой Зоны? Ну и будет вам истребление заразы, борцы хреновы.

Если на меня после этого откроют охоту — пускай.

Если скажут, что я отступник, тоже не важно.

Да и на возможную мою гибель на Янове плевать — в белых тапочках я ее видел.

Если я напутал сейчас в своих расчетах и что-то пойдет неправильно — тоже не страшно, вернусь и попробую второй раз. Где-нибудь в Зоне всегда найдется одна-единственная аномалия, которая перебросит меня туда, куда надо, необходимо только эту аномалию грамотно разведать.

Грубые ошибки нельзя себе позволять, но исправлять уже сделанные я обязан.

Может быть, даже удастся отбить у смерти Ингу.
Мне стало гораздо легче. Телепорт манил с непреодолимой силой. Я встал и, больше не раздумывая, пошел вперед...

Эпилог

2012 год, Зона, станция Янов.

В воздухе пахло порохом. Они сидели рядом на рельсе, Экса и Мургол.

— Ну и чем все это кончилось? — спросил Эксу тот, второй. — Ты же начал рассказывать...

— Ну я же говорю, год назад, незадолго до нового большого выброса, пришел к нам на блокпост странный чувак из «Долга». Понимаешь, пришел ниоткуда, я даже, как он появился, не успел заметить. Был весь в крови, и в чужой, и в своей, одет в рваный комбез «Сева», я, как его увидел, так сразу хотел шлепнуть.

— Но не пристрелил?

— Нет.

— А потом?

— Потом он мне эту историю вывалил. Рассказал и ушел.

— И ты поверил?

— Ну, как сказать... Людям надо верить или типа того. Бархана я раньше знал, козел был Бархан.

— Почему «был»?

— «Освободили» его вскоре. Ну или «упорядочили». Шлепнули, в общем, да так основательно, что он уже не воскрес.

— Кто, не знаешь?

— Не-а. А если бы знал — зачем болтать? А про Полоза точно слышал, с ним неприятность получилась, говорят, СБУ его отозвала, сначала уволили за проваленную операцию, потом наградили за выслугу. Теперь у чувака вместо ствола — стол. И на столе куча бумаг. В сети его можно видеть, он там часто сидит, матерится, объясняет людям, как правильно жить.

Мургол коротко захохотал.

— А Лунатик?

— Моро вроде в «Долг» в конце концов вернулся, хотя точно не помню, Ремезова «долговцы» выгнали, а наши не приняли, он и спился совсем.

— А Лунатик? Правда, что он ушел на Большую землю?

— Да что ты пристал, чувак? Думаешь, я про всех все знаю? Кстати, видели недавно интересный артефакт...

Примечания

1

Лидер «Свободы».

2

Чейзер-13 американского производства.

3

В качестве оружия ближнего боя.

4

Наемник-нейтрал.

5

Знак «радиоактивная опасность», одновременно — эмблема сталкера-одиночки.

6

Боязнь высоты.

7

Дробовик.